

16 ФЕВРАЛЯ 2012

СТИЛЬЧАСЫ

Коммерсантъ

Тематическое приложение
к газете «Коммерсантъ» №1

34 женева сверяет часы
на sihh-2012

50 cartier изучает
математиков

52 леонид парфенов
вошел в хорошую
компанию
с maurice lacroix

55 драконы на весь год

75 hublot
пересаживается
на ferrari

69 турецкий марш
a.lange & sohne

44 «хранитель
времени»
претендует
на «оскар»

BALLON BLEU DE CARTIER

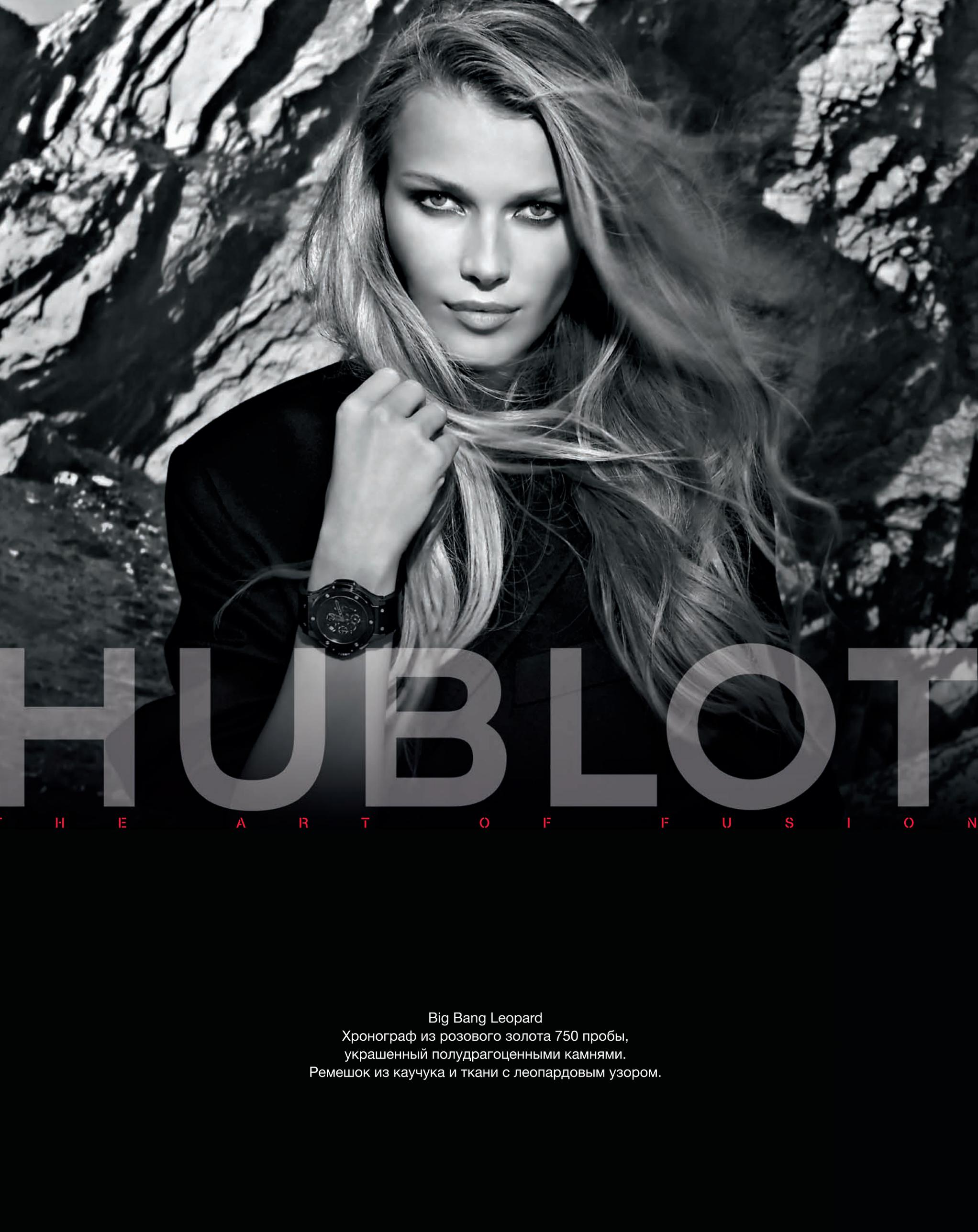
ПАРЯЩИЙ ТУРБИЙОН КАЛИБР 9452 МС

ЧАСЫ BALLON BLEU DE CARTIER С ПАРЯЩИМ ТУРБИЙОНОМ ЯВЛЯЮТСЯ ПОДЛИННЫМ ШЕДЕВРОМ ВЫСОКОГО ЧАСОВОГО ИСКУССТВА, В КОТОРОМ СОВЕРШЕННОЕ ВЛАДЕНИЕ СЕКРЕТАМИ ЧАСОВОГО ДЕЛА СОЧЕТАЕТСЯ С СОВРЕМЕННЫМ ДИЗАЙНОМ. КОРПУС ЧАСОВ ЯВЛЯЕТСЯ ИЗЯЩНЫМ ВОПЛОЩЕНИЕМ СОВРЕМЕННОЙ ЭЛЕГАНТНОСТИ В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ ДОМА CARTIER И ОЛИЦЕТВОРЯЕТ СОБОЙ ПРИНЦИПИАЛЬНО НОВЫЙ ПОДХОД К ИНДИКАЦИИ ВРЕМЕНИ. ЧАСЫ ОСНАЩЕНЫ МЕХАНИЗМОМ С ЖЕНЕВСКИМ КЛЕЙМОМ – МЕХАНИЧЕСКИМ КАЛИБРОМ 9452 МС С ПАРЯЩИМ ТУРБИЙОНОМ, - ИМЕЮТ ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ ДИЗАЙН И ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

КОРПУС ИЗ РОЗОВОГО ЗОЛОТА, ЗАВОДНАЯ ГОЛОВКА С ГРАНЕНЫМ САПФИРОВАННЫМ КАБОШОНОМ, ПАРЯЩИЙ ТУРБИЙОН С ИНДИКАЦИЕЙ СЕКУНД С ПОМОЩЬЮ КАРЕТКИ В ФОРМЕ БУКВЫ «С», МЕХАНИЧЕСКИЕ ЧАСЫ РУЧНОЙ СБОРКИ, КАЛИБР 9452 МС (19 КАМНЕЙ, ЧАСТОТА БАЛАНСА 21 600 ПОЛУКОЛЕБАНИЙ/ЧАС, ЗАПАС ХОДА ОКОЛО 50 ЧАСОВ).

Cartier

HUBLOT

T H E A R T O F F U S I O N

Big Bang Leopard
Хронограф из розового золота 750 пробы,
украшенный полудрагоценными камнями.
Ремешок из каучука и ткани с леопардовым узором.

HUBLOT

БУТИК ЦУМ

ул. Петровка, 2. Тел. (495) 933 73 00

часы и ювелирные украшения

ГУМ, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ, 3 | ТЕЛ.: (495) 620 3311, 620 3390
ВЕСНА, НОВЫЙ АРБАТ, 19 | ТЕЛ.: (495) 543 9879

Sublime

by Bosco

февраль 2012

ДЕМЬЯН КУДРЯВЦЕВ
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР
АЗЕР МУРСАЛИЕВ
ШЕФ-РЕДАКТОР
АНАТОЛИЙ ГУСЕВ
АРТ-ДИРЕКТОР ИД
АРТ-ДИРЕКТОР ПРОЕКТА
ЕЛЕНА НУСИНОВА
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
НЕДЕЛОВЫХ ИЗДАНИЙ
АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ
ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА
КОНЦЕПЦИЯ (И РАБОТА)
ДЕНИС ЛАНДИН
ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК
НАТАЛЬЯ КОВТУН
РЕДАКТОР
ЕЛЕНА ВИЛКОВА
КОРРЕКТУРА
СВЕТЛАНА ШАПОВАЛЕНКО
БИЛЬД-РЕДАКТОР
ВИКТОРИЯ МИХАЙЛЕНКО
ФОТОРЕДАКТОР
КОНСТАНТИН ШЕХОВЦЕВ
ДМИТРИЙ ШНЫРЕВ
МАРИНА МЕДИНСКАЯ
ВЕРСТКА
ВАЛЕРИЯ ЛЮБИМОВА
ДИРЕКТОР ОБЪЕДИНЕННОЙ
СЛУЖБЫ РЕКЛАМНЫХ ПРОДАЖ
НАДЕЖДА ЕРМОЛЕНКО
ERMOLENKO@
KOMMERSANT.RU
ДИРЕКЦИЯ ПО РЕКЛАМЕ:
ОТДЕЛ ПРОДАЖ
НАТАЛЬЯ ЧУПАХИНА;
СНУРАНИНА@
KOMMERSANT.RU
ОТДЕЛ РАЗМЕЩЕНИЯ
(499) 943 9108, (499) 943 9110,
(499) 943 9112, (495) 101 2353

ОТПЕЧАТАНО В ФИНЛЯНДИИ.
ТИПОГРАФИЯ PUNAMUSTA,
KOSTI AALTOSEN TIE
9, 80140 JOENSUU.
ТИРАЖ 75 000 ЭКЗ.
ЦЕНА СВОБОДНАЯ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ЗАО «КОММЕРСАНТЬ.
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ».
АДРЕС: 127055, Г. МОСКВА,
ТИХВИНСКИЙ ПЕР., Д. 11, СТР. 2.
ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН
ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБОЙ
ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ,
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
(РОСКОМНАДЗОР).
СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РЕГИСТРАЦИИ СМИ —
П/И № ФС77-38790 ОТ 29.01.2010

Алексей Тарханов

час от часу не легче

На двадцать второй год существования славного Женевского часового салона его наконец-то заметили в городе. Впервые на мосту Монблан рядом с женевскими орлом и ключом висели флаги с эмблемой SIHH (типа «Привет участникам соревнований»). Никогда этого раньше не замечал, наоборот, приходилось долго объяснять пограничникам, чего это ради ты прилетел в Женеву. Раньше Salon International de la Haute Horlogerie задирает голову и считал, что ему нет дела до окружающих. Город, вскормленный протестантами и в глубине души враждебный привозной арабско-русской роскоши, отвечал ему взаимностью. Часы с турбийонами, депозиты в частных банках, медикаменты, шоколад — все это в гораздо большей степени предназначено для другого мира, лежащего за Альпами, чем для самих швейцарцев. От окружающей Европы одни неприятности: наперсточники, цыгане, чеченские владельцы местных футбольных клубов. Пусть покупают репетиры и драгоценные камни, если им это нравится. И вообще — мало ли что там делается в выставочных залах Palexro? Много странных мест в международном городке Женевы. Не все ли равно, что творится, к примеру, за оградой представительства при ООН какой-нибудь спилберговской Кракозии? Вот и страна часов оставалась совершенно вне зоны внимания.

Должна была прийти беда, чтобы город понял, как важно то, что происходит на его окраине. На перевале между двумя кризисами вдруг обнаружилось, что мало какая отрасль швейцарской промышленности несет такие золотые яйца. В прошлом году побиты все рекорды: рост с 2010 года составил 20%, размер часового экспорта достиг \$20,9 млрд, и почти все эти миллиарды произведены на пяточке нескольких

20_ **Бернар Форнас** ходит «Английским танком»

75_ **Жан-Клод Бивер и Лука ди Монтеземоло:** Hublot рулит Ferrari

69_ **Берег турецкий:** зачем султану Patek Philippe

ИДЕАЛЬНАЯ ТОНКОСТЬ

товар сертифицирован реклама

PIAGET ALTIPLANO

Самые тонкие часы с автоподзаходом в мире

Корпус из белого золота, толщина 5,25 мм

Самый тонкий механизм с автоподзаходом в мире

Мануфактурный механизм Piaget, толщина 2,35 мм

PIAGET

www.piaget-magic.com

Бутики Piaget: Москва: Столешников пер., 5, тел: (495) 980 9047 • ГУМ, Красная площадь, 3, 1-я линия, тел: (495) 662 7577
Екатеринбург: ул. Сакко и Ванцетти, 74, тел: +7 (343) 215 6002 • Киев: ул. М. Заньковецкой, 4, тел: (38044) 279 4658

февраль 2012

61__Войны
и революции —
в вождях и часах

55__Священные чудовища Нового года: весь блеск Дракона

77__IWC и его непотопляемый «Португалец» на кругосветке Volvo Ocean Race

кантонов, неразличимых на карте Европы. Что делают в связи с этим швейцарцы? Пьют шампанское и заразительно хохочут? Не тут-то было. Они предпринимают титанические усилия, чтобы избыть свое счастье. Впервые уменьшатся поставки механизмов со стороны крупнейшего их производителя — Swatch Group. Демарш старого матерого Николаса Хайека потомки довели до юридической победы. В декабре 2011 года Комиссия по конкуренции разрешила им затянуть пояс конкурентам. По данным газеты Le Temps, предусмотрено сократить на 15% продажи готовых механизмов, на 30% — поставки полуфабрикатов (для компаний, изготавливавших на их базе другие механизмы с усложнениями) и на 5% — деталей.

Это еще не все. Впереди новый процесс по поводу Swiss Made, швейцарского знака качества. Закон, принятый 30 лет назад, гласит, что для получения Swiss Made половина деталей должна быть произведена в Швейцарии, здесь же часы должны быть собраны и испытаны. Самые сильные игроки считают это чистыми поддавками. Patek Philippe не ставит на своих циферблатах не только «сделано в Швейцарии», но и жевневское клеймо Poinçon de Geneve: где еще могут быть сделаны наши часы, как не в Женеве, и кто это может считать, что лучше нас знает, с каким качеством они сделаны. Это крайняя позиция, но многие часовые гранды к ней близки. «Бордо может быть только французским, а часы — только швейцарскими, — говорят они. — В какой ярости был бы покупатель бордо, если бы ему объяснили, что в его бутылке половина молдавского вина». Чтобы вернуть значимость Swiss Made, долю «швейцарскости» в часах предлагается увеличить до 80% — и понятно, что это не всем нравится. Речь даже не о том, что немало швейцарских марок завязано сейчас на азиатских поставках, притом что они клянутся Каль-

GP

GIRARD-PERREGAUX

CELEBRATING 220 YEARS

GIRARD-PERREGAUX 1966

Годовой Календарь и Уравнение Времени

Корпус из розового золота, сапфировая задняя крышка.

Автоматический механизм Girard-Perregaux.

Годовой календарь, уравнение времени, дата, маленькая секундная стрелка.

ЭКСКЛЮЗИВНО В *Mercury*

ул. Петровка, 2   Кутузовский пр–т, 31   Третьяковский пр., 7   Барвиха Luxury Village   Михайловская ул., 1/7   ул. Бориса Ельцина, 8   Курортный пр–т, 103
 ЦУМ   магазин Mercury   магазин Mercury   8-й км Рублево–Успенского ш.   «Гранд Отель Европа»   г-ца «Хаятт Ридженси Екатеринбург»   г-ца «Рэдиссон Лазурная»
 Москва, тел. 495 933 7300   Москва, тел. 495 933 3031   Москва, тел. 495 933 3393   магазин Mercury   магазин Mercury   магазин Mercury   магазин Mercury
 Москва, тел. 495 225 8870   С.–Петербург, тел. 812 329 6577   Екатеринбург, тел. 343 359 4990   Сочи, тел. 8622 66 3131

Отдел дистрибуции: тел. 495 941 8337

февраль 2012

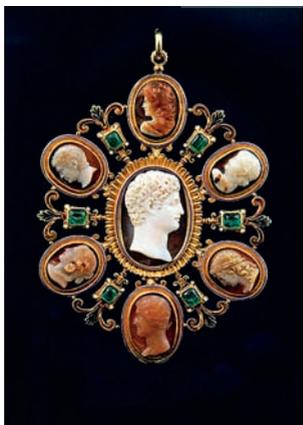

65__Royal Oak
Audemars Piguet:
40 лет стальной истории

56__Тонкое часовое
кружево: новые кали-
бры для скелетонов

92__Галерея Виктора
Эммануила II: коро-
левский торговый дом
Милана

вином, что качество деталей, произведенных, скажем, в Китае или Малайзии, ничуть не хуже, чем деталей с родины. В это даже можно поверить, учитывая то, что конвейеры большинства западных электронных гигантов расположены вдали от Европы и США. Но многим неравнодушным иностранным наблюдателям кажется, что швейцарским часовщикам лучше бы не ссориться между собой, а выступать единым фронтом, понимая, что настают не самые приятные и понятные времена.

Экономика и так ставит палки в часовые шестеренки. Во-первых, продолжается взлет франка и государственные банкиры хватаются за голову. Пропорционально с ростом франка либо растут цены в часовых бутиках Москвы и Шанхая, либо уменьшаются прибыли часовщиков. Золото — этот важнейший для часовщиков товар — становится все более и более дорогим. От этого его не только накладнее, но и сложнее покупать, напуганное человечество придерживает драгоценный металл, к производителям золотых корпусов и браслетов выстраиваются очереди. Растущий спрос заставляет набирать все новых и новых рабочих, меж тем в стране не выпускается такое количество часовщиков, которое сейчас требуется маркам, набравшим заказы на год вперед. И при этом часовщики не ищут легких путей и азартно топят друг друга, суеверно повторяя, что год выдастся тяжелый. Что же, все в их руках. А пока что — карикатура в женевском журнале. Часовщик говорит: «Я закончил работу! Я сделал часы с 30 усложнениями! Теперь мне надо их продать. Вот сейчас начинаются самые настоящие сложности».

J*
D

JAQUET DROZ

SWISS WATCHMAKER SINCE 1738

* ВЕЧНОСТЬ БОГЛОЩЕННАЯ В РОСКОШИ

ETERNITY - THE ULTIMATE LUXURY *

После Ла Шо-де-Фон вторую мануфактуру Пьер-Жак Дро открывает в 1774 году в Лондоне, чтобы удовлетворить спрос на часовые изделия, который к тому времени обретает международный масштаб. Расширяя границы торговли, Лондон вносит свою лепту в увековечивание легенды Дома Jaquet Droz. Grande Seconde SW Red Gold, ref. J029033401 - URBAN * LONDON Collection

WWW.JAQUET-DROZ.COM

МОСКВА ■

БУТИК «JAQUET DROZ»
петровский пассаж, ул. петровка, 10

SUBLIME BY BOSCO
гум, красная площадь, 3

WWW.BOSCO.RU ■
+7 (495) 660 0550

Bosco & Aliegi
FAMILY

февраль 2012

Екатерина Истомина

время стока

Сток — это термин торговый. Вот, например, для того, чтобы юная, но гениальная часовая марка открыла свой первый магазинчик, ей мало иметь под заплаканной подушкой три выдающихся рукотворных калибра и четыре лимитированные серии. Для магазина, пусть он и размером с чулан, требуется тот самый «сток»: вещи оборота, предметы из витрины, коммерческие «горячие пирожки», которые будут двигать маховик торговли.

Последние десять лет русских потребителей часов и ювелирных украшений этот сток никак не касался: ментально эти дорогостоящие предметы не воспринимались как некая коммерческая масса, как объект товарооборота. Часы и ювелирные украшения мыслились как *pièce unique* (даже не являясь таковыми), как отдельные творческие достижения, как шедевры многоопытных мастеров и искусных дизайнеров, которым постоянно ассистируют выдающиеся историки искусств. Теперь же демократический сток — это основной кусок нашего все еще пока золотого и гламурного пирога.

Прежняя пена потребления 2000-х годов, основанная на карикатурном копировании западного потребительского опыта, окончательно схлынула. Региональные дилеры, прилетающие за товаром на SIHH, признаются: «Мы стали покупать менее дорогие, коммерческие вещи. Мы думаем о том, чтобы ничего не залеживалось в магазинах, уходило как можно быстрее». Многие говорят об очевидной стагнации потребительской элиты: высокие классы, взлетевшие в 2000-е, уже успели «наесться», а вот новых русских

44_ «Хранитель времени» Мартина Скорсезе: часовые куклы берут «Оскара»-2012

57_ Бриллиантовые розы — главный часовой цветок года

87_ Макс Бюссер открыл дадаистскую галерею в Женеве

1B
1735

BLANCPAIN

MANUFACTURE DE HAUTE HORLOGERIE

L-evolution Collection

МОСКВА ■

БУТИК «BLANCPAIN»
петровский пассаж, ул. петровка, 10

SUBLIME BY BOSCO
гум, красная площадь, 3

WWW.BOSCO.RU ■
+7 (495) 660 0550

февраль 2012

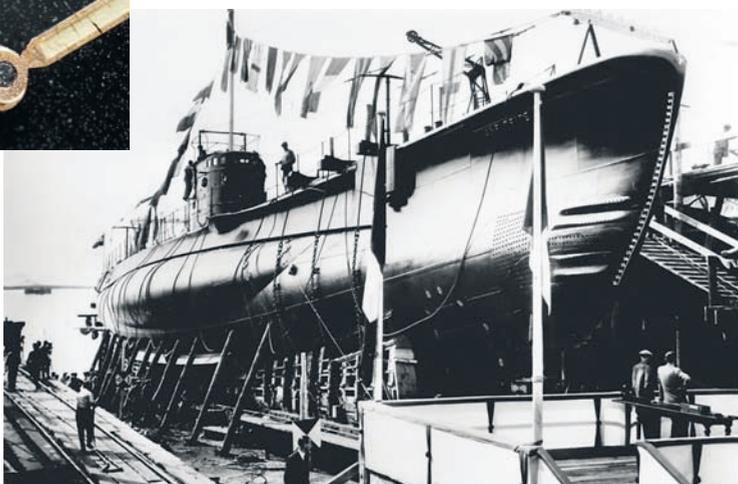
94 __Главный редактор русской версии Tatler **Ксения Соловьева** о часах и минутах

59 __Цветовой взрыв: часовщики смотрят на подиумы

66 __День подводника: 75 лет Radiomir Panerai

претендентов на руку и сердце швейцарского турбийона все никак не появляется. «Еще в середине 2000-х каждый сезон появлялись свежие отчаянные богачи, желающие немедленно потратить деньги на что-нибудь выдающееся. Теперь новых лиц мы не видим годами», — сетуют продавцы из Ростова-на-Дону, Краснодара и Челябинска. Конечно, в цивилизованном западном обществе гордились бы сложившимися наконец «старыми деньгами», однако русский бизнес далек от этого: новые деньги приносят прибыль быстрее, а старые в любой момент могут пропасть.

Богачи старой сырьевой заправки стали гораздо аккуратнее. Они начали считать деньги, справедливо полагая, что когда-нибудь (а, быть может, очень скоро) наступит передел, и нужно иметь капитал на черный день — хотя бы в виде недвижимости. «В 2000-е о черных днях никто и не думал. Казалось, что светлый праздник потребления будет всегда. Люди вообще не задумывались, не колебались для того, чтобы потратить пару сотен тысяч

евро на новые часы. Теперь же и пятьдесят тысяч это значительные деньги», — грустил директор часового магазина в Тюмени. Еще один момент: даже те, кто продолжает богатеть на тех или иных недрах страны или ее отдельных производствах, усвоили новое современное правило: «Лучше не светиться, не высовываться, как бы чего не вышло». Конечно, никто не замуровывает минутный репетир или бриллиантовое кольцо жены в стену, хотя подобная достоевщина и не исключена в отдельных взятых случаях. Но на публичное «выгуливание» дорогостоящих новинок и на их «обмывание» сегодня решится далеко не каждый: в моде — потребительский протестантизм.

Столешников, 9
Скоро открытие...

Van Cleef & Arpels

Haute Joaillerie, place Vendôme since 1906 *

февраль 2012

СЕРГЕЙ КИСИЛЬЦЕВ

52__Леонид Парфенов о принципе квадратного колеса в **Maurice Lacroix** и знакомстве с Мишелем Вермо

Сток — термин, как выяснилось, не только торговый. Но и ментальный: luxury goods из идеи жизни, из потребительского идеала превратились в обычный дорогой товар, продать который становится все сложнее. Для того чтобы русские стали снова грезить о luxury goods, как это было, положим, в 2002-м, видимо, потребуются новые-новые русские.

90__Часы на техобслуживании: где хранить и у кого чинить

2012: календарь с часами

Это первый выпуск «Стиль-Часы» в 2012 году. Он посвящен новинкам SIHH, Женевского салона высокого часового искусства. Второй тематический выпуск появится в **апреле** и подведет итоги очередной ювелирно-часовой ярмарки в Базеле. Третий выпуск «Стиль-Часы» выйдет в **сентябре** — по итогам Парижской биеннале антикваров. И, наконец, последний, четвертый «Стиль-Часы» в **ноябре** расскажет о победителях и побежденных главного часового конкурса планеты Grand Prix de Geneve.

53__Золотые круг и «бочка»: формальное уравнение 2012 года

B

BOSS SELECTION
HUGO BOSS

МЫ — МЕНЕДЖЕРЫ МЕЧТЫ

БЕРНАР ФОРНАС, ГЛАВА CARTIER

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

еще десять лет назад мы покупали большинство механизмов. теперь все наоборот: механизмы cartier — в большинстве часов cartier

Бернар Форнас с 2002 года стоит во главе флагманской марки группы Richemont. Марка Cartier всегда была знаменита своими ювелирами, но именно при Форнасе все больше и больше становится знаменита своими часовщиками. Набирая скорость, великий дом вышел на второе место в мире по количеству произведенных часов, оставив далеко позади всех остальных, кроме Rolex. Форнас любит напомнить, что у Cartier более славное часовое прошлое, чем у многих марок, считающих себя природными часовщиками, и не его вина, что блеск драгоценностей затмил в какой-то момент эту часовую славу. Сейчас Cartier не просто делает часы, марка предлагает сверхсложные модели, которые разрабатывает собственное проектное бюро во главе с Кароль Форестье-Казани.

— Как прошел минувший год для Cartier и что вы ждете от 2012-го?
— Мы ведь, надеюсь, не о конце света говорим? Прошлый год был для нас очень удачным, если хотите, удачным как никогда. Но было и немало тре-

вожных и трудных моментов. Рост цен на золото и драгоценные камни. Небывалый подъем швейцарского франка, политическая нестабильность на Востоке, экономическая — в Америке и Европе. Все это затрудняло нам работу.

— Но в мире никогда не было идеальных времен. Все были чем-то хороши, а чем-то плохи.

— Вы правы. Я считаю, нам нечего оглядываться на рынки и надо просто продолжать работать и делать так, чтобы Cartier оставались самыми желанными часами в мире. «Мне подарили часы Картье... Или я купил себе часы Картье...» Эти фразы произносили во все времена, и во все времена они звучали как музыка. Мое определение — мы не простые менеджеры. Мы менеджеры мечты. Нас покупают всегда — хоть от радости, хоть для того, чтобы приглушить тревогу.

— Что сейчас самое важное для марки?

— Давайте я нарисую вам пирамиду. Вот ее вершина. На вершине две равные части. Haute horlogerie — это высокое часовое искусство, это выдающиеся вещи, которые мы разрабатываем сами и которые поражают своей сложностью самых опытных часовщиков. Это техника нового века, но в классических формах, свойственных Cartier. Это техника — для мужчин, которые понимают всю истинную драгоценность механики. И рядом высокое ювелирное искусство, Haute Joaillerie — наш постоянный, природный козырь, тут нам нет равных. Основание пирамиды — наша продукция, предназначенная для людей, которые носят наши очки, для девушек и женщин, которые любят браслеты. Для влюбленных, которые покупают у нас обручальные кольца.

А посередине — второй ярус пирамиды — ювелирные часы для женщин. 117 моделей! Интересные, неожиданные, с усложнениями — вроде вот этих с пантерой на циферблате, которая на самом деле не просто украшение, но кольцевой ротор для подзавода. Вам нравится?

— Красивые часы!

— Красивые? Да они просто фантастические! А рядом часы наших коллекций, которые в значительной своей части предназначены мужчинам. Здесь и Santos, и Ballon Bleu, и Tank Anglaise, новую линию которого мы представляем в этом году. Наша задача, чтобы на всех ярусах пирамиды мы были лучшими в мире.

Еще десять лет назад мы покупали большинство механизмов, теперь все наоборот — мы ставим наши мануфактурные механизмы в большинство наших часов. Я уже не говорю о сверхсложных часах. Там 11 новых моделей с семью новыми механизмами и самыми серьезными усложнениями, среди которых есть минутный репетир с изумительным, кристальным звуком. После пяти лет работы в этом сегменте у нас есть 45 разнообразных моделей на базе 18 собственных сложных механизмов. Мы сейчас одни из самых главных продавцов турбийонов в мире — и добились мы этого за те же пять лет.

— Ваша большая новость — Tank Anglaise, «Английский танк». Что же, милитаризм в моде?

— В последний раз, когда мы перезапускали столь знаменитую модель, как «Танк», это был французский «Танк». Теперь настало время английского. Это часы прямоугольные, но с закруглениями, и эту форму, эту мягкость, которую так приятно ощущать, едва ли можно ассоциировать с милитаризмом. Дом Cartier делает часы приятные не только на вид, это делают многие, — но и на ощупь. Это нам очень помогло, когда мы запускали наш Ballon Bleu, которые стали самыми успешными часами Cartier за всю историю.

— А этот дракон, несомненно, предназначен для китайского рынка?

— Вовсе нет — хотя сейчас год Дракона и весь западный мир с восторгом живет по восточному календарю. У нас множество зверей на циферблатах. А для какого рынка, по-вашему, пчелы? Или стрекозы? Мы не делаем для китайцев специальных драконов. Мы делаем их для всего мира, хотя Китай наш верный и благодарный партнер. Это невероятный, необъятный рынок с городами, каждый из которых превосходит по населению всю Францию. Мы представлены там по всей стране, и я слишком уважаю своих китайских клиентов, чтобы делать что-то специально для них, как будто бы ничего другого они не поймут.

1

2

— Главная коммерческая и классическая часовая модель Cartier 2012 года — Tank Anglaise, или же «Английский танк». В линии в настоящий момент представлены часы трех размеров, выполненные в трех цветах золота. Самой женственной стоит признать Tank Anglaise Petite Modele (1) с корпусом и браслетом из розового золота, украшенным белыми бриллиантами. Мужскими (и наиболее сложными) считаются Montre Tank Louis Cartier XL Extra-Plate (2): «плоские» часы с корпусом из розового золота на кожаном ремешке

Беседовал Алексей Тарханов

Dior

VIII

ЧАСЫ ИЗ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ КЕРАМИКИ
ЦИФЕРБЛАТ УКРАШЕН БРИЛЛИАНТАМИ
КЕРАМИЧЕСКИЙ БРАСЛЕТ
С АЛМАЗНЫМИ КОНУСАМИ
АВТОМАТИЧЕСКИЙ ПОДЗАВОД
ЗАПАС ХОДА 40 ЧАСОВ

ЖИЗНЬ — ЭТО УМЕНИЕ НЕ ТОЛЬКО БРАТЬ, НО И ОТДАВАТЬ

ЖАН-КЛОД БИВЕР, ГЛАВА HUBLOT

Как раз накануне SIHH стало известно о перестановках в компании Hublot. Харизматичный Жан-Клод Бивер, мотор и душа перемен, происшедших с маркой за последнее десятилетие, покидает пост директора. Вместо него CEO становится Рикардо Гваделупе, нынешний управляющий директор. Бивер сохраняет за собой титул президента и председателя совета директоров. Это самое большое изменение в марке со времени ее покупки группой LVMH в 2009 году. В Женеве мы расспросили Жан-Клода Бивера о смысле происшедших перемен.

— Что случилось? Почему вы уходите от дел?

— Да куда я не уйду. Я на месте, но в другом качестве. Ничего неожиданного не произошло. Могу объяснить. Я — предприниматель, антрепренер, а не менеджер. Я считаю, что у каждого антрепренера есть четыре конверта, которые он получает в начале своего пути. У меня их тоже четыре. Вот первый — учеба, начало карьеры. Примерно с 1974-го до 1982-го. Скажем, восемь лет. Второй, до 2012-го, это время действия. Blancpain, Omega, Hublot. Это период активный. 30 лет. В общей сложности 38 лет собирания ценностей, и теперь эти ценности надо передать, потому что иначе эти 38 лет потеряны. Они лягут со мной в могилу. Мне совершенно не хочется их с собой туда тащить. Не для этого я работал. Поэтому начинается период передачи ценностей. Я надеюсь, он продолжится лет пять. Это третий конверт. А потом открывается последний конверт — это конверт ухода. Максимум еще года два. Вот я вам рисую прямую. Мы здесь. 38 лет позади и впереди еще 7 лет. Моя задача, оставаясь президентом, подготавливать передачу власти и знания.

— Вот вы собираетесь передавать ваши ценности? Пригодятся ли они без вас? Кто их ждет?

— Мои коллеги, мои друзья, мои подчиненные и мои руководители, но прежде всего марка Hublot. Что такое Hublot? Уж вы простите меня за нескромность, но это мои друзья, моя команда и это — сегодня — моя жизнь. Жаль уходить, но надо вовремя отдать свои четыре конверта следующему. Это работа на другом уровне, и поскольку я теперь свободен от множества обязанностей, которыми нагружена жизнь CEO, я могу заняться передачей знаний. Для этого нужно время. На перекурах вы никого ничему не научите.

— Не кажется ли вам, что это общая ошибка людей, стоящих во главе предприятий. Такую историю, кажется, описал Шекспир в «Короле Лире».

— Общая ошибка людей, стоящих во главе предприятий, в том, что они не хотят делиться, не хотят уходить и ведут себя как эгоисты. Но жизнь — это умение не только брать, но и отдавать, не только учиться, но и учить. Большие антрепренеры часто полагают себя бессмертными и держатся за свои кресла, не понимая, что их уход естествен и надо его готовить.

— Знаете ли вы хоть один положительный пример?

— Конечно! Основатель Swatch Group Николас Хайек. Это лучший пример. Он сумел в определенный момент покинуть пост CEO и стать председателем совета директоров, отдав пост директора своему сыну Нику Хайеку. Он умер на работе, но умер, оставив наследников у руля.

— Это скорее исключение.

— Возможно, исключение. Хотя теперь большинство компаний торгуются на бирже, и когда директору исполняется 65, он уходит.

— Ваше решение никак не связано с изменениями в группе LVMH и появлением такого сильного персонажа, как Франческо Трапани, бывший патрон Bvlgari, занявший пост главного человека по часам в LVMH?

— Я понимаю причины вашего вопроса. Если начальник уходит, значит, его вынудили. Либо его начальники, либо его здоровье. Об этом меня тоже спрашивают. Я имел глупость свалиться с пневмонией и загреметь в больницу в декабре, но теперь я в форме. Нет, это все совпадение.

— То есть вы не испытываете никакого давления группы и господина Трапани? Ответ могу не записывать.

— Да нет уж, записывайте. Если кто на меня и давит, так это я сам. Я все время стремлюсь показать группе LVMH, что, купив Hublot, они поступили пра-

я ГОТОВ И ХОЧУ УЧИТЬ ДРУГИХ. УВЕРЕН, ЧТО СПУСТЯ СЕМЬ ЛЕТ МНЕ БУДЕТ КОМУ ПЕРЕДАТЬ ЛИРУ

Hublot Big Bang Voa Bang: после прошлогоднего леопардового Big Bang Leopard, номинированного в рамках Grand Prix de Geneve, Жан-Клод Бивер выпустил вперед питона. Новенькая модель Big Bang Voa Bang существует в двух версиях — зеленой и коричневой

вильно и никогда об этом не пожалеют. Как это я могу им показать? Только одним способом — работая. Вот это давление, и оно очень серьезно.

— Но это давление ответственности и взаимного уважения.

— А все остальное — орешки. Орешки! Делать часы, делать цифры — и уверяю вас, что, ни как Жан-Клод Бивер, ни как патрон Hublot, я никогда не испытывал никакого давления, кроме своего собственного. Так и запишите.

— Кому вы передали пост?

— Рикардо Гваделупе. Это мой давний друг и соратник. Он фактически выполняет работу CEO. Мы вместе 20 лет, он был генеральным директором Blancpain и пришел ко мне через три месяца после того, как я начал делать Hublot. Я взялся за дело в сентябре 2004-го, а он — в январе 2005-го. Видите, как хорошо. Вокруг меня мои друзья, мои ученики, мои послушники, есть кому лиру передать.

Беседовал Алексей Тарханов

ПОБЕДИТЕЛЬ

Montblanc®

Товар сертифицирован реклама

Часы Montblanc Star World-Time GMT Automatic победили в номинации *Petite Aiguille* («Маленькая стрелка») на престижном Женевском Гран-при часового искусства 2011. Весь мир у Ваших ног с часами *Montblanc Star World-Time GMT*. Всеми функциями можно управлять благодаря удобной заводной головке с инновационным запатентованным механизмом. Механические часы с автоподзаводом, индикация домашнего времени и мирового времени в 24 часовых поясах. Гильошированный циферблат. Стрелки с родиевым напылением. Сапфировое стекло с двойным антибликовым покрытием. Ремешок из кожи аллигатора, тройная раскладывающаяся застежка. Стальной 42мм корпус. Мануфактурное производство Montblanc в Ле Локле, Швейцария.

MONTBLANC. ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ СТОИТ РАССКАЗАТЬ.

**MONT
BLANC**

WWW.MONTBLANC.COM

БУТИКИ MONTBLANC МОСКВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГ НИЖНИЙ НОВГОРОД КАЗАНЬ РОСТОВ-НА-ДОНУ

Я БУДУ ДЕРЖАТЬСЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ПАТРИК ХОФФМАН, НОВЫЙ СЕО ULYSSE NARDIN

Швейцарец Патрик Хоффман возглавил почтенную часовую марку Ulysse Nardin после смерти Рольфа Шнайдера, знаменитого антрепренера, спасшего мануфактуру от разорения в начале 1980-х годов. Хоффман, 47-летний уроженец Базеля, познакомился с Рольфом Шнайдером в 1996 году во время своей работы в Куала-Лумпуре. Профессиональный управленец присоединился к часовой команде в 1999-м, став вице-президентом Ulysse Nardin, ответственным за американский рынок. В 2008-м он занял пост первого вице-президента по продажам и маркетингу.

— С момента кончины Рольфа Шнайдера прошел почти год. Что изменилось в марке, которую он некогда спас от гибели? И хотите ли вы в принципе больших перемен?

— Ulysse Nardin по праву гордится тем, что сохраняет свою независимость. Мы не принадлежим никакой финансовой группе. И, таким образом, наша современная деятельность продиктована историей и традициями марки, а также объективными требованиями рынка.

— Поступают ли сейчас предложения купить марку?

— Да, поступают, но я лишь чиновник, менеджер, мануфактура принадлежит семье покойного господина Шнайдера, и вопрос о независимости в будущем решается, конечно же, не мной.

— Насколько трудно сохранить финансовую независимость? Ведь на многое нужны большие деньги — на освоение новых рынков, на развитие и изготовление калибров.

— Это трудно, но реально. Вы правы, деньги на все нужны колоссальные. Один новый часовой калибр обходится в три миллиона франков как минимум. Это и конструкция, и инженерное решение, и техническая доводка, и отладка. Но наша структура устроена таким образом, что существует масса самых различных по внешнему виду и внутренней сложности коллекций. Одни часы делают массовые продажи, деньги от этих доходов мы пускаем на развитие сложных часов, которые требуют времени для производства. У нас всегда хороший выбор, есть масса предложений — часы спортивные, классические, женские с бриллиантами — поэтому оборот растет. В этом смысле Ulysse Nardin — это сбалансированное, правильное производство. Кроме того, у нас всегда есть предложения по инновационным часам и по моделям клас-

са Metier d'Art, то есть по тем, где задействованы старые ремесла. Речь идет о жакемарах.

— Иными словами, ваша роль заключается в том, чтобы удерживать существующий баланс?

— В определенном смысле это так. Чтобы сохранять независимость, нужно вести себя очень сдержанно и аккуратно. Резкие шаги не нужны. Еще одна моя цель — это изготовление новых и новых калибров, именно в это мы вкладываем основные деньги. Швейцарские часы ценят не за бриллианты, а за начинку. К нам всегда приходили за механическими часами, поэтому мы будем продолжать гнуть именно техническую линию.

— Какой рынок является наиболее важным для Ulysse Nardin?

— Это страны Азии и Россия, то есть относительно новые часовые рынки. Конечно, часы привычно хорошо покупают и в Америке, и в Европе, однако наибольшее число коллекционеров сегодня сосредоточено в Китае, Малайзии, Сингапуре, России, а также в странах СНГ, то есть в бывших советских республиках. Например, у нас неплохо идут дела в Туркмении. Я был там несколько раз, встречался с поклонниками нашей марки. И был удивлен тем, как хорошо они знают часовые предметы. Начинающий коллекционер всегда более интересен, чем бывалый человек. Неофит более искренне подходит к новинкам, чем коллекционер с опытом.

— То есть новые механизмы Ulysse Nardin будут в первую очередь предназначаться неофитам?

— У Ulysse Nardin сплоченная международная команда коллекционеров. И нам нужны новые лица!

— Moonstruck Ulysse Nardin — это одна из самых сложных астрономических моделей, выпущенных в мире за последние три года. Часы, придуманные и сконструированные выдающимся инженером Людвигом Охслином, позволяют увидеть динамику приливов, которая определяется гравитационным действием Луны и Солнца. Moonstruck показывают текущую фазу прилива и тенденцию определенных береговых линий или океанов. Moonstruck снабжены стрелочным календарем и быстро настраиваемой опцией корректировки часовой стрелки для любого желаемого часового пояса. Модель Moonstruck — собственная разработка Ulysse Nardin, с которой Охслин работает более двадцати лет. Калибр UN-106 имеет кремниевый анкерный механизм и волосковую пружину, изготовленную с применением новейших кремниевых технологий. Запас хода — 50 часов, индикатор положения Солнца и Луны, фазы Луны, автоподзавод, ротор, работающий в двух направлениях. Лимитированная серия: 500 штук в красном золоте, 500 экземпляров — в платине.

наше основное
вложение денег
сегодня —
новые калибры

Беседовала Екатерина Истомина

STRENGTH AND HONOUR.*

LUMINOR 1950 3 DAYS GMT POWER RESERVE AUTOMATIC - 44MM

PANERAI
LABORATORIO DI IDEE.

Бутик Panerai • ТЦ "Никольская Плаза",
ул. Никольская, 10, Москва. Тел. (495) 721 91 18

Имеется в продаже только в бутике Panerai и у авторизованных дилеров

БАЗЕЛЬ ПРЕДЛАГАЕТ БОЛЬШЕ СТЕФАНО МАКАЛУЗО, СЕО GIRARD-PERREGAUX

PATRICKSCHNEIDER.COM

Новому президенту знаменитой мануфактуры из Ла-Шо-де-Фон Стефано Макалузо всего 36 лет. В 2002 году этот обаятельный молодой человек, как когда-то его отец, закончил Политехнический университет в Турине и получил диплом архитектора. Сегодня Стефано Макалузо продолжает дело отца — Луиджи Макалузо, легендарного гонщика, предпринимателя, главы Girard-Perregaux, скончавшегося осенью 2010 года. Летом 2011-го марка Girard-Perregaux была приобретена Gucci Group Франсуа Пино, владевшей до полной покупки 25 процентами акций часового бренда.

— Ваша марка уходит из чопорного салона SIHH, чтобы перебраться в более шумный и народный Базель. Ваш отец, напротив, делал многое, чтобы Girard-Perregaux оставалась в спокойном русле «высоких» часовых традиций.

— Да, с будущего года Girard-Perregaux покидает Женевский салон. Мы будем выставляться в Базеле, в рамках BaselWorld. Уже зарезервировано место для нашего павильона.

— Ваш переезд связан с деньгами? Хорошо известно, что место на SIHH стоит огромных денег.

— Поверьте, хорошее место на ярмарке в Базеле стоит столько же, сколько в Женеве. Дело не в деньгах, а в том, что группа Франсуа Пино хочет, чтобы ее бренды, ювелирные, часовые, выставлялись в одном месте. Консолидация всех сил — это логичный процесс.

ОТ БАЗЕЛЯ МЫ ЖДЕМ
НОВЫХ ДИЛЕРОВ,
КЛИЕНТОВ,
ДИСТРИБУТОРОВ

— Есть и еще причины?

— Конечно, перед нами остро стоит вопрос развития. Часовой салон в Женеве все-таки кулуарная история. Здесь нет такого потока, как в Базеле. Сегодня мы нуждаемся в активизации нашего бизнеса, в большем числе посетителей, дилеров, прессы, дистрибуторов, чем может предложить Женева. Переезд в Базель — это как раз возможность обрести новых покупателей, новых клиентов. Это нужно нам для развития торговой сети в первую очередь. Нам нужны большие, мощные рынки, а получить их, находясь в хоромах SIHH, трудно.

— Как строятся отношения с высоким руководством?

— Нормально. Франсуа Пино сам коллекционер часов, у него отличное собрание, поэтому есть понимание часового дела с обеих сторон. Мне лично приходится, конечно, несладко. Я живу в самолете, причем нарезаю какие-то немислимые круги. Два дня Гонконг, два дня Токио, один день, к примеру, Лос-Анджелес. График немислимый. Я очень неравнодушно отношусь к марке, поэтому не жалею. Не жалуется и мой родной брат, отвечающий за JeanRichard.

— Какие сейчас главные задачи?

— Это, как я уже сказал, новые рынки, экономика, новые магазины в Китае: мы планируем открыть три бутика. В фокусе — Латинская Америка, важна Россия как наш традиционный партнер. Мы не должны ускользать от современности, сидеть в углу, сложа руки и лелея себя мыслью, что все решают традиции, — это не наш метод.

— Но все-таки вы же не делаете часы имени Gucci! Традиции — то, за что любят швейцарские часы.

— Я не говорю о том, чтобы забыть традиции. Мы, например, в этом году на SIHH показали именно классические часы из коллекции «1966». Здесь и простая классика, и модель с «уравнением времени». Но люди, международный контингент, должны иметь возможность больше видеть наши часы. Иметь возможность знакомиться с ними. Без моих поездок, без магазинов, без выставок, без пиара это сделать невозможно.

— Не кажется ли вам, что вы в какой-то момент придете к чистому маркетингу?

— Нет, так как продукты чистого маркетинга не имеют столь серьезной научной базы, столь значительной механической начинки, как часы Girard-Perregaux. Мы сохраняем наше производство в Ла-Шо-де-Фон, от нас не ушел ни один мастер. Я просто хочу, чтобы люди больше знали о нас.

— Это желание Франсуа Пино?

— Это закономерный процесс видения и ведения бизнеса в рамках крупной финансовой группы в XXI веке.

— Girard-Perregaux, 1966 Annual Calendar & Equation of Time — самые сложные часы в классической линии «1966», возрожденной в 2008 году. Корпус — из розового золота, 40 миллиметров в диаметре. Калибр с балансовым колесом Microvar — механический, с автоподзаводом. Запас хода — 46 часов. Функции: часы, минуты, маленькая секундная стрелка, годовой календарь, уравнение времени. Годовой календарь автоматически учитывает количество дней в текущем месяце и требует корректировки лишь один раз в году — 28 февраля, за исключением високосных лет. Корректировку можно производить, вращая заводную коронку в обоих направлениях. Стрелка усложнения «уравнение времени», размещившаяся между «4» и «5» часами, показывает разницу между реальным солнечным и средним дневным временем.

Беседовала Екатерина Истомина

ROGER DUBUIS

HORLOGER GENEVOIS

Прикоснитесь к миру великолепия

Наше представление о времени изменилось навсегда, о чем свидетельствует коллекция La Monegasque – результат яркого творческого замысла мастеров Roger Dubuis. Элегантность дизайна покорит самого взыскательного ценителя шедевров часового искусства. Совершенство механики, виртуозное исполнение и незаурядная творческая фантазия отличают все модели коллекции La Monegasque. ROGER DUBUIS – единственная часовая марка в мире, все без исключения механизмы которой отмечены престижным Женевским клеймом, гарантией высочайшего качества. Это самый старый знак отличия, который празднует в этом году свой 125-летний юбилей.

Бутик в Москве : ул. Петровка, д. 5, "Берлинский Дом", тел. +7(495)2582828

УСПЕХ НЕ ГАРАНТИРОВАН, НО СКУЧНО НЕ БУДЕТ РИШАР МИЛЛЬ, ГЛАВА RICHARD MILLE

Ришар Милль — создатель молодой, но уже невероятно знаменитой часовой марки Richard Mille — полноправный участник Женевского салона, на который он привозит замечательные, ни на что не похожие, очень редкие и очень дорогие модели.

— Правда ли, что в этом году вы разработали собственный мануфактурный механизм?

— Да, и это настоящее чудо. Вот он, взгляните — наш «калибр» RM37. Обратите внимание на ротор с изменяемой энергией, на мягкость нажима кнопок.

— Забавно, что вы его носите в кармане. Не можете без него жить?

— Я его люблю. Лапочка, my baby! Так бы и расцеловал в мордашку!

— Но если есть мануфактурный механизм, то где же мануфактура?

— Вся швейцарская часовая промышленность работает на связке поставщиков. Все работают со всеми, и заказы размещаются на разных предприятиях.

— Вы по-прежнему сотрудничаете с Renaud et Papi?

— Да, конечно, а механизмы производятся на Vaucher Manufacture Fleurier. Это лучшее сочетание: с одной стороны, много инженерной выдумки, с другой — безукоризненное качество исполнения. Это уже семья.

— Семья-то соседская. Мануфактура Джулио Папи принадлежит Audemars Piguet, а Vaucher работают на Parmigiani. Они вас не ревнуют?

— Нет. Мы много обмениваемся идеями и работаем вместе, это нормально и обогащает всех. Audemars Piguet не станет делать такие часы, как у меня, у них свои фамильные линии и свои формы. То же и Parmigiani. Но какие-то инженерные решения становятся общей собственностью. Это нормально.

— Союз с Рафаэлем Надалем?

— Союз крепок. Он играет сейчас в Australian Open. В четвертьфинале его противник — чех Томаш Бердых. Я страшно волнуюсь за Рафаэля. Прошлый год у него выдался не лучший, болела нога, но я верю, что в этом сезоне его дела поправятся (в Australian Open Надаль вышел в полуфинал, где его ждал старинный соперник Роджер Федерер. Надаль победил Федерера, однако проиграл в кровавом финальном матче Новаку Джоковичу.— „Ъ“). Вы понимаете, когда я заключаю контракты со спортсменами, это не значит, что мы требуем от них побед. Цель скорее в том, чтобы поставить наши часы в экстремальную ситуацию. Надаль сломал пять или шесть штук, пока мы не пришли к результату. Выиграл он или проиграл, это важно для Australian Open. Мы выигрываем всегда.

— Что же тогда решающее в выборе спортсмена?

— Мы хотим, чтобы они были настоящими звездами в человеческом плане, мы не надеемся часы на злоку. Мы работаем с людьми, у которых есть человеческое измерение.— Надаль, Фелипе Масса, Пабло Макдоноу... Моя марка позволяет делать вещи очень персональные, для друзей. Мы и работаем только с друзьями. Наши поставщики — друзья, наши продавцы — друзья.

— Верю, что у вас несметное количество друзей. Пока мы сидим и разговариваем, каждый третий проходящий мимо бежит целоваться. Но ведь не зря говорят, что если хочешь сохранить с друзьями хорошие отношения, не надо с ними работать?

— Я уверен в противоположном. Работа с друзьями — это взаимная помощь, взаимное уважение. Если этого нет, то мы живем в джунглях! Улыбаетесь? Ну ладно, мы в джунглях живем, но марка человеческого размера может в эти джунгли не заходить.

— Если говорить о размерах, сколько часов вы производите в год?

— В прошлом сделали примерно 2,6 тыс., а в этом году рассчитываем на 2,7 тыс. У меня нет желания увеличивать объемы. Моя стратегия останется прежней. Много разных моделей, которые покрывают разные ниши, но каждая в строго ограниченном количестве. Мы разрабатываем модель, выпускаем ее, продаем и больше никогда к ней не возвращаемся. Для меня

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

почему мы сделали так много новых часов? меня не интересует прибыль, мне важен технический результат

важно, чтобы спрос опережал предложение. Если модель слишком хорошо продается, мы скорее уменьшаем масштаб ее производства. В этом году у нас есть удивительные вещи — часы для игрока в поло Tourbillon RM 053 Pablo Mac Donough, очень легкие часы-хронограф на основе карбона для Фелипе Масса и даже часы в корпусе из сапфира Tourbillon split seconds Competition Chronograph RM 056 Felipe Massa sapphire.

— Renaud et Papi делают концепции, Vaucher производит механизмы, а что делаете вы?

— Я прихожу к инженерам с готовыми эскизами, с объяснениями, что и как именно я хочу видеть в новых часах, которые существуют пока что только в моем воображении. И вот в чем мое главное достоинство, как я считаю. Мы начинаем обсуждать, можно ли сделать такие часы или сделать их нельзя. И когда мы решили в принципе, что их можно сделать, мы начинаем. Я не жду, когда мы выработаем все параметры, соотнесем затраты и прибыль, а бросаюсь в битву сразу. Меня не интересует прибыль, меня интересует технический результат. Поэтому я запускаю множество новинок одновременно, а выходят они, когда поспеют: так, и RM33 был готов раньше RM18. Мы рассчитываем на восемь месяцев или, скажем, на год, а часы делаются четыре года. Но мне все равно. Жизнь коротка, хочется успеть сделать все, а не ждать, пока для этого представится идеальная возможность. Я работаю по собственному капризу, если хотите.

— И как реагируют на ваш каприз ваши сотрудники?

— Думаю, они довольны, хотя иногда и просят пощады, потому что у них много работы — разной и одновременной. Зато они никогда не повторяются, не делают дважды одно и то же. Мы отправляемся за часами, как в экспедицию: успех не гарантирован, но скучно не будет.

Беседовал Алексей Тарханов

Richard Mille, RM056 Tourbillon Split Seconds Competition Chronograph Felipe Massa Sapphire —

почти полностью прозрачная версия сложных спортивных часов, созданных в 2007 году в честь гонщика Scuderia Ferrari Фелипе Масса. В этой модели архитектурный стиль Ришара Милля выражен в полной мере: циферблат и «внутренности» выглядят практически бездонными

TO BREAK THE RULES,
YOU MUST FIRST MASTER
THEM.

НУЖНО МАСТЕРСКИ ОВЛАДЕТЬ ПРАВИЛАМИ, ЧТОБЫ ИХ НАРУШАТЬ.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ АСИММЕТРИЧНЫЙ ДИЗАЙН МОДЕЛЕЙ AUDEMARS PIGUET MILLENNARY ОПРЕДЕЛИЛ НОВЫЙ ПОДХОД К РАЗРАБОТКЕ ЧАСОВЫХ КАЛИБРОВ. ТРЕХМЕРНЫЙ МЕХАНИЗМ – ЭТО СОЮЗ ВЫСОКОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ И ХРОНОМЕТРИЧЕСКОЙ ТОЧНОСТИ, ОБЕСПЕЧИВАЕМЫЙ ЧАСОВОЙ МИКРОМЕХАНИКОЙ ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ СЛОЖНОСТИ.

ОПТИМАЛЬНАЯ УДАРОУСТОЙЧИВОСТЬ ПОПЕРЕЧНОГО МОСТА БАЛАНСА СОЧЕТАЕТСЯ С ЭЛЕГАНТНОСТЬЮ УЗОРА COTE DE GENEVE. ПРЕВОСХОДНАЯ ГАРМОНИЯ КОНСТРУКТОРСКОЙ МЫСЛИ, ДИЗАЙНА И МАСТЕРСТВА В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ МАНУФАКТУРЫ ЛЕ БРАССЮ.

MILLENNARY 4101
РОЗОВОЕ ЗОЛОТО. МЕХАНИЗМ
СОБСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА С
АВТОМАТИЧЕСКИМ ПОДЗАВОДОМ.

AUDEMARS PIGUET
Le Brassus

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В РОССИИ: ООО "ОДЕМАР ПИГЕ (РУС)" ТЕЛ.: (495)234 5949
ИНФОРМАЦИЯ ОБО ВСЕХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ТОЧКАХ ПРОДАЖ НА ТЕРРИТОРИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА САЙТЕ: www.audemarspiguet.com

МЫ В SWATCH GROUP ОБЪЕДИНЯЕМ УСИЛИЯ МАРК ХАЙЕК О BREGUET, BLANCPAIN И JAQUET DROZ

АЛЕКСЕЙ ТУРКАНОВ

Blancpain X Fathoms, дайверская модель мануфактуры, были показаны в ноябре 2011 года в Дубае. Президент марки Марк Хайек лично протестировал часы, погрузившись на дно аквариума Dubai Aquarium & Underwater Zoo. Современные X Fathoms носят родовые признаки первой модели, сделанной в 1953 году: они безошибочно опознаются по фирменному дайверскому ободку с 60-минутной шкалой. Экстравагантность часов заключается в их механизме, впервые в истории часовой промышленности располагающем двойным механическим измерителем глубины погружения со шкалами от 0 до 15 м и от 0 до 90 м. Впечатляют размеры корпуса, выполненного из титана: диаметр превышает 55 мм, а толщина — 24 мм. Каучуковый ремешок присоединен к корпусу таким образом, что позволяет носить часы не только поверх рукава водолазного костюма, но и непосредственно на запястье.

Беседовал Алексей Кутковой

Марк Хайек, внук харизматичного основателя Swatch Group Николаса Георга Хайека, сын нынешнего председателя группы Найлы Хайек, вошел в империю, построенную его дедом, работая пиарщиком для Swatch и Certina в 1990-х годах. В Blancpain его пригласил тогдашний президент этой марки Жан-Клод Бивер. Говорят, с Бивером он подружился, тому способствовал разделяемый обоими интерес к хорошему вину. Марк Хайек возглавил компанию Blancpain сразу после того, как Бивер из нее ушел, а сейчас Марк возглавляет три самые престижные часовые марки из портфеля Swatch Group — Breguet, Blancpain и Jaquet Droz. В прошлом году ему исполнилось 40 лет, он увлекается автоспортом, haute cuisine и дайвингом. Собственно, увлечение дайвингом не только активизирует развитие коллекции дайверских часов Blancpain, но и помогает ему проводить презентации новинок Blancpain так, чтобы публике скучно не было. Последний пример — экстремальные дайверские часы X Fathoms, которые Марк представил публике, лично погрузившись в водолажном костюме на дно гигантского аквариума в «Дубай Молле».

— Хотелось бы услышать ваше мнение о синергии часовых марок в Swatch Group, например, в том, что касается технологий кремниевых деталей и стеклообразных сплавов Liquidmetal, которые активно развиваются фирмами Breguet и Omega, а теперь были применены в часах Blancpain X Fathoms.
— Это не вопрос исследований, проводимых одной маркой. У этих компаний нет собственных лабораторий, да и сил одной фирмы недостаточно для разработки и исследования новых материалов. Мы в Swatch Group объединяем усилия. Какая-то фирма может высказать пожелание рискнуть и первой применить новый материал, а затем этим смогут воспользоваться и

когда руководишь тремя марками, не стоит сближать их идеологию и продукты. Но объединяющий момент важен в исследованиях

другие фирмы, но в начале разработок все обязательно действуют объединенно. Например, мы решили, что по кремнию и сплавам Liquidmetal первыми будут Breguet и Omega. Omega как фирма, работающая в массовом сегменте, Breguet — в престижном сегменте. Двум этим маркам пришлось рискнуть, потратить силы на продвижение этих технологий. Компания Blancpain точно так же может поступить в будущем, с какими-то другими новыми материалами или технологиями. Мы скажем: «О'кей, на сей раз пусть с этим на рынок выходит Blancpain». Это взаимовыгодный обмен, и в том, что раньше кремниевая спираль была у Breguet, а теперь у Blancpain, нет стремления копировать удачные ходы другой марки.

Важно понять, что в исследовании новых для часового дела материалов мы должны объединять силы, это слишком большая задача для одной марки. Кремниевая технология не собственность Breguet, результатами пользуются другие марки нашей группы, да и не только нашей группы — например, Patek Philippe. Иногда приходится говорить другим маркам: «Давайте вместе проводить основные исследования», а уже дальше все будут делать, что захотят и что смогут. В конце концов, у всех получатся разные часы.

— Могла бы Blancpain помочь Breguet, которую вы также возглавляете, изготовить, например, дайверские часы, которых в настоящее время нет в коллекции Breguet?

— Не думаю, что это хорошая идея. У Breguet есть коллекция Marine, которая связывает эту марку с мореплаванием. Для Breguet это тема морская, тема яхт, хронометража, тема морских приключений. В коллекции Blancpain есть морская тема, но уже другая ее сторона — не яхты, а дайверские часы. Это здорово, когда, управляя этими двумя часовыми фирмами, я могу оставить все как есть. Мне нравится, что у Breguet есть часы, говорящие нам об океанах, романтике путешествий, а у Blancpain — другая тема. Когда руководишь этими двумя марками, не стоит их сближать, чтобы у обеих были разные истории.

— Вы руководите также Jaquet Droz...

— Jaquet Droz — необычный случай. Это особое видение времени, это особая история, взять хотя бы автоматы, записывающие время. Jaquet Droz — особенная марка, касается это спортивных часов, высоких технологий, механизмов — она всегда должна создавать свою собственную интерпретацию. У нас есть множество интересных идей, но с новыми проектами никогда не знаешь, когда удастся их успешно завершить. Это не только вопрос денег, прежде всего нужно аккумулировать энергию работающих на марку людей. Поэтому я предпочитаю начинать с малого. Сейчас мы работаем над часами, которые будут связаны с историей Jaquet Droz, со старинными автоматами, в этом проекте есть нечто общее — на уровне стратегии — с тем, как мы в Blancpain делали X Fathoms. Не думаю, что удастся завершить проект в 2012 году, однако вы обязательно увидите новые часы Jaquet Droz в 2013 году.

MESURE ET DÉMESURE

TONDA 1950

Розовое золото
Ультратонкий автоматический механизм
Ремешок из кожи аллигатора Hermès

Made in Switzerland

www.parmigiani.ch

PARMIGIANI

FLEURIER

L'ATELIER PARMIGIANI МОСКВА, УЛ. БОЛЬШАЯ ДМИТРОВКА, 13/8, (495) 777 83 82

МОСКВА LOUVRE, УЛ. ТВЕРСКАЯ, 15, (495) 629 16 15 | МОСКВА LOUVRE, ТЦ ВРЕМЕНА ГОДА, КУТУЗОВСКИЙ ПР-Т, 48, (495) 642 81 90

МОСКВА AMBASSAD, ГОСТИНИЦА RADISSON ROYAL HOTEL MOSCOW (УКРАИНА), КУТУЗОВСКИЙ ПР-Т, 2/1, (495) 229 83 23

НИЖНИЙ НОВГОРОД VICTORIA, ТЦ ЛОБАЧЕВСКИЙ PLAZA, УЛ. АЛЕКСЕЕВСКАЯ, 10/16, (831) 296 56 57

ЕКАТЕРИНБУРГ СТУДИЯ ВРЕМЕНИ, УЛ. РАДИЩЕВА, 10, (343) 356 04 58

РОСТОВ-НА-ДОНУ 18 КАРАТ, ПР-Т ЧЕХОВА, 35/30, (863) 250 11 11 | СОЧИ ИМИДЖ, УЛ. ВОРОВСКОГО, 4, (622) 66 50 82

РЕМЕСЛО — НА ПЕРВОМ ПЛАНЕ ФИЛИПП-ЛЕОПОЛЬД МЕТЦГЕР, ГЛАВА PИAGET

АЛЕКСЕЙ ГАРАШИН

линия «дракон и феникс» — наш гимн историческим европейским ремеслам

Дом Piaget представил в декабре 2011 года свою новую коллекцию — Dragon & Phoenix. Премьера состоялась в Пекине, столице самого главного сегодня рынка luxury goods, и многие часы из новой линии были куплены азиатскими коллекционерами прямо в ходе торжественного ужина. Президент Piaget, опытный управленец Филипп-Леопольд Метцгер, впрочем, уверен, что собрание Dragon & Phoenix, названное в честь главных героев китайской мифологии, принадлежит не только Азии, но и всему миру.

— Китай — основной сегодня рынок роскоши. И ваша новая коллекция — именно китайская. Решили сделать ее из-за больших денег, это оммаж рынку?

— Было несколько причин. Первая, конечно, это наш поклон Китаю, великой стране с огромной культурой. Вторая причина — это наступивший год Дракона по восточному календарю. Я не знаю, что точно происходит в мире, но все почему-то ждали именно этого года под знаком Дракона. Дракон и Феникс, крылатые муж и жена, — культовые для китайцев существа. Это мифологическая семейная пара, которая испокон веков охраняет, приносит удачу и счастье. Поэтому зодиакальную тему 2012 года мы решили соединить с китайскими национальными сказочными лидерами. Существует и третья причина. И она носит трендовый характер. Dragon & Phoenix — это демонстрация различных видов часового ремесла, это истинный гимн концепции Metier d'Art.

— Часовые линии, созданные в соответствии с положениями Metier d'Art, сегодня есть у многих знаменитых марок — Vacheron Constantin, Cartier, Jaeger-LeCoultre, Van Cleef & Arpels, Jaquet Droz. Чем можно объяснить такую популярность старинных ремесел?

— Запрос на «ремесленные» часовые вещи идет из Азии. Это важнейший рынок, но не такой однородный, как может показаться. Так, например, в Китае ценятся предметы роскоши, которые непохожи на китайские национальные вещи. То есть предлагать китайцам что-то в их же китайском стиле — совершенно бесперспективное занятие. Им нужны либо стилизации, либо чисто европейские вещи. В то же время в Сингапуре или в Японии ценятся национальные предметы, созданные в Европе. Здесь другой взгляд: желание посмотреть на себя другими, то есть европейскими глазами. Но все азиатские рынки объеди-

няет любовь и даже страсть к тому, что сделано не на машинке, а именно руками. В Азии сосредоточены многие индустриальные производства, крупнейшие заводы, фабрики, дающие работу миллионам людей. Нет ничего удивительного в том, что столь тяжело зарабатывающей публике необходимо что-то совсем нежное, хрупкое, трепетно сделанное. Предметы, сделанные руками, а не на компьютере и не с помощью робота, в Азии воспринимают как чудо. Вот почему на Востоке столь необыкновенно ценятся механические часы, и чем сложнее, изощреннее их начинка, тем больше гордости у их владельца. В последнее время стали цениться и внешние ремесленные признаки. В моду вошли различные эмали, гравировки, гильоше.

— Стоит ли понимать, что часы «Дракон и Феникс» сделаны исключительно для азиатского рынка?

— Это неверно. Часы из собрания «Дракон и Феникс» посвящены китайской культуре, но и она, в свою очередь, принадлежит всему миру. Современный Китай — открытая страна, китайская культура привлекает к себе миллионы туристов со всего света. Наша линия — всего лишь повод напомнить о Китае еще раз. Все часы из коллекции будут доступны во всех магазинах Piaget — от Нью-Йорка до Парижа, Женевы и Лондона. Кроме тех, впрочем, которые были изданы небольшими лимитированными сериями. Такие уже раскуплены.

— Мужская модель XL Miss Protocol из коллекции Piaget Dragon & Phoenix имеет корпус из белого золота, на котором нашли место две техники эмали, гильоше, а также гравировки. Премьерная модель этих лимитированных часов была приобретена в Пекине неизвестным китайским коллекционером непосредственно в процессе ужина, посвященного запуску коллекции

Беседовала Екатерина Истомина

Elegance is an attitude*

Kate Winslet
Кейт Уинслет

LONGINES®

Бутики Longines:

Москва
ТДК «Смоленский Пассаж»,
Смоленская площадь, д. 3, тел. +7(495)775-85-44
Санкт-Петербург
Невский пр., д. 137, тел. +7(812)717-00-61

Бутики «Harry Hour»:

Москва, ТЦ «МЕГА Белая Дача-2», тел. +7(495)915-84-49;
ул. Тверская, 9, тел. +7(495)915-84-49

The Longines Saint-Imier Collection

ЖЕНЕВСКИЙ ОТЧЕТ-2012 ИТОГИ

SINH ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА, АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Женевский салон SINH (Salon International de la Haute Horlogerie) отличается от своей шумной тематической подруги — Базельской часовой ярмарки (BaselWorld) — подчеркнутой камерностью и даже надменностью. Вход для публики на SINH закрыт, а к павильонам в выставочном центре Palexro допускаются только проверенные и доверенные лица — пресса и дилеры. Однако с каждым годом работать в «спокойной» Женеве становится все труднее: элитарный салон, вписанный в декорации вымышленного города в стиле ар-деко (монтировать павильоны начинают еще до новогодних праздников), медленно разрастается.

Прибывают новые марки, а за ними — спешат их трогательные часовщики. Выходят вперед, к публике, к витринам, новые коллекции, а новые ответственные за «что-нибудь важное» лица (эмальеры, специалисты по паважу, гравировкам, гильоше, хранители архивов, основатели музеев, руководители конструкторских бюро и инженерных мастерских) показывают свежие калибры и хвастаются радикальным *pièce unique*.

Сегодня в рамках SINH выставляются 18 часовых марок. Среди них — и совсем юные участники женевских часовых соревнований: это Richard Mille, Greubel Forsey, Parmigiani Fleurier, Roger Dubuis. Несмотря на то что эти бренды действительно еще совсем молодые по швейцарскому вековому часовому счету, их создатели уже успели войти в историю. Кто взял дизайном, кто — механикой, а кто — идеологией. Высокий класс изобретений, а также порода и аристократический стиль — это верный признак Женевы. Именно поэтому несколько лет назад в SINH стал участвовать fashion-дом Ralph Lauren: часы этого великого американского бренда стилистически безупречны, так же как и механизмы Jaeger-LeCoultre, IWC, Piaget, которые в них установлены.

Иная история часового «непрофессионала», представленного в рамках SINH, — это Montblanc. Вековые германские изготовители достойнейших пишущих принадлежностей уже несколько лет отчаянно и с успехом бьются за место под солнцем в сложном часовом сегменте — при помощи производ-

18 часовых, ювелирных
и просто люксовых марок
стали участницами sinh 2012 года

RADO

SWITZERLAND

Unlimited Spirit^{*}

Инновационные, на шаг впереди, сделаны в Швейцарии.
50 лет непрерывного исследования новых материалов, чтобы
обеспечить комфорт и точность.
От открытия твердого металла, high-tech керамики, лантана
и полиморфного алмаза прочностью 10 000 Вickers до
разработки Rado Ceramos®.
Rado бросает вызов будущему

__ Roger Dubuis,
La Monegasque
in Pink Gold

__ Roger Dubuis,
Velvet Diamonds
in White Gold

АЛЕКСЕЙ ТИХОНОВ

ственных возможностей купленной ими старинной швейцарской мануфактуры Minerva. Главный хранитель, старый мастер и мудрый часовщик «тикающей старушки» Minerva Деметрио Кабиду (интервью с ним — на стр. 83) благодарен монументальному тевтонскому дому Montblanc за осторожный патронаж и за предоставленную возможность настоящего технического и стилистического творчества. Артистическая свобода даже в суровых маркетинговых рамках, а также постоянная ставка на рекорд — это тоже верный знак Женевского салона.

Если вы не умеете (не готовы или не ставите задачи) удивлять публику, то вряд ли войдете в этот узкий женевский круг SIHH. Здесь нужно быть, например, неистовым Ришаром Миллем, близким другом великих спортсменов современности (интервью с харизматичным часовщиком — на стр. 30). Или же умнейшими изобретателями из Greubel Forsey: в Richemont Group этих молодых механиков-экспериментаторов заметили несколько лет назад и тут же помогли — вложенным капиталом и приглашением на SIHH.

Другой пример — Roger Dubuis, молодой технический мануфактурный бренд, за короткий срок сумевший построить под Женевой мануфактуру, создать и выпустить 31 калибр. В этом году в Roger Dubuis вернулся один из создателей дома — часовщик Роже Дюбуи (об этом — на стр. 85), который обещает помогать марке, переживающей ныне значительное переосмысление своей философии.

Но соцветием SIHH, конечно же, считаются сермяжные бренды — соль и перец, сила и слава часового ремесла, почтенные патриархи, которые неспешно, с достоинством ведут часовой счет уже на века. Это A. Lange & Sohne, Audemars Piguet, Baume et Mercier, Cartier, JeanRichard, Girard-Perregaux, IWC, Jaeger-LeCoultre, Officine Panerai, Piaget, Vacheron Constantin, а также Van Cleef & Arpels, ювелирный французский бренд, придумавший и запатентовавший Poetic Complications, «Поэтические усложнения», оригинальную ювелирно-часовую концепцию, подражать которой сегодня стремятся многие щепетильные французы — от Hermes до Boucheron.

Каждая из упомянутых марок всемирно и заслуженно знаменита. Любая из марок, несмотря на успехи и открытия, жаждет профессионального внимания, дружеской заботы и вообще искреннего человеческого тепла — нынешний салон 22-й, и многие его участники встречаются здесь из года в год без перерывов, кто 15, а кто и 20 лет подряд. Каждое исчезновение, каждое появление нового действующего лица означает настоящий передел мира.

В 2012-м из павильонов SIHH ушли стильные британцы из Dunhill — что греха таить, они почти уже не занимались часами, а все пытались сыграть на значительных дизайнерских заслугах прошлых лет. Ведь дому Dunhill случалось представлять отличные стильные, оригинальные часы, которые

АЛЕКСЕЙ ТИХОНОВ

__ IWC, Spitfire
Perpetual Calendar
Digital Date-Month:
ротор сделан в форме
боевого британского
самолета

делал их дизайнер Джон Болт. С уходом гордых англичан, чей стенд напоминал старинную библиотеку «с привидениями» где-нибудь в поместье Хэмпшира, на SIHH образовалась вакантная полезная жилплощадь. В этом году пустующее место занял шумный пресс-центр, но понятно, что в следующем мы увидим здесь новых участников.

О том, что эти участники обязательно будут, говорит и обнародованный факт переезда: в 2013-м из Женевы в Базель переберется компания Girard-Perregaux, обосновавшаяся на SIHH при прежних хозяевах. После смерти главы Girard-Perregaux Луиджи Макалузо марка перешла к Gucci Group, которая теперь собирает все свои часовые батальоны на BaselWorld. За Girard-Perregaux последует и его младший сводный брат JeanRichard. О том, что найдут и потеряют в Базеле Girard-Perregaux и JeanRichard, нам рассказал старший сын Луиджи Макалузо, Стефано Макалузо, ныне занимающий пост CEO Girard-Perregaux (интервью с молодым президентом — на стр. 28). Одни из главных претендентов на места двух брендов — часовщики из Ulysse Nardin. Две часовые выставки — Женева и Базель — не просто сближаются (женевские марки участвуют в дополнительной программе Базеля, базельские — приезжают в Женеву, чтобы показать свои новинки, пусть и не на самом салоне, но и меняются действующими лицами. Базель перестраивается и растет, в Женеве масштабы скромнее, но есть собственная порода, гордость, свой класс. Будет любопытно посмотреть на них через 10–15 лет: не сольются ли однажды две ярмарки в одну, как это и было 22 года назад? Быть может, их подтолкнет к этому новый экономический кризис?

На SIHH 2012 снова, как и в 2009 году, говорили о кризисе. Финансовый кризис напоминает коммунизм: он бродит по Европе, будто классический призрак. Но цифры говорят об обратном: из кризиса 2008 года швейцарская часовая промышленность вышла окрепшей и посвежевшей, а 2011 год стал вообще рекордным по часовым продажам. И это несмотря на то, что швейцарский франк поднимался в цене на фоне падения других валют, золото дорожало, мир терял стабильность.

Конечно, огромную роль в спасении часовой промышленности играет Китай, большие ставки делаются на страны Центральной и Латинской Америки (Мексика, Бразилия, Аргентина). Но дело даже не в реальном кризисе, а воздействии этого понятия на умы. Учитывая время, которое уходит на создание новых часов, многие коллекции, разработанные в кризисных

— A. Lange & Sohne,
Lange 1 Tourbillon
Perpetual Calendar

— A. Lange & Sohne,
Lange 1 Time Zone

— Girard-Perregaux,
Laureato Tourbillon

— Girard-Perregaux,
Vintage 1945

условиях 2008 года, поспели как раз сейчас. Никаких следов нужды и голода, надо признать, в них не увидишь. Более того — пути кризисного планирования привели к тому, что марки задумались о собственном наследстве и постарались сосредоточиться именно на том, за что их любили многие годы и продолжают любить сейчас.

Дом Audemars Piguet отпраздновал 40-летие самой знаменитой модели Royal Oak, первых стальных часов, продававшихся буквально на вес золота. В 1972-м их придумал великий часовой дизайнер Джеральд Джента и назвал «Королевским дубом» в честь парусного корабля британского королевского флота с восьмиугольными пушечными портами. Дженте понравилась сама идея восьмиугольника на восьми винтах — по образцу корабельного иллюминатора, и рисунок циферблата, напоминающий деревянные панели. Задействовав концептуальную сталь, Джента доказал, что стальной корпус идеально подходит для дорогих часов. С тех пор Royal Oak и его инновационная версия Royal Oak Offshore — извечные козыри Audemars Piguet, хотя инженерное бюро Renaud & Papi, где есть финансовая доля мануфактуры из Ле-Брасю, из года в год выпускает поразительные технические шедевры. Но Royal Oak такой простодушный, рыцарский, мужественный, что без труда заслоняет своей широкой спиной высокоточные хронометры, турбийоны и репетиры. Без прямого или косвенного влияния Дженты и его Royal Oak не появились бы ни Riviera XXL Magnum Baume & Mercier, ни Ingenieur IWC, ни Big Bang Hublot, ни другие известные часы XX века.

Royal Oak бросается в глаза: его нельзя не узнать по кольцу циферблата, обрзанному на восемь углов и закрепленному винтами, по металлическому корпусу и по рисунку циферблата, который теперь, как считается, воспроизводит не столько деревянные панели, сколько рисунок ткани. На фабрике Audemars Piguet стоят специальные машины, которые держат для нарезки драгоценного узора. За время существования Royal Oak в его характерный корпус укладывали самые разные механизмы — и хронографы, и вечные календари, и даже минутный репетир, хотя часы были рождены как простая спортивная модель. Они бывали и золотыми, и карбоновыми, и частично керамическими, контраст между корпусом и восьмиугольником циферблата подчеркивался и цветом, и материалами.

В честь славного юбилея в Audemars Piguet разработано восемь новых моделей Royal Oak. Четыре модели — со сверхтонким механизмом с ручным и

автоматическим заводом, три — с обычным автоматическим и одна — с кварцевым. У сверхтонких часов есть к тому же турбийоны и скелетированные механизмы, у автоматических — хронограф. Ближе всех к историческому прототипу подошел Royal Oak Extra-Plate, выпущенный в корпусе 39 мм из стали. Юбиляры похожи на прародителей, что можно только приветствовать. В моделях вроде Royal Oak не нужны революции, в них важны эволюционные мелочи, которые радуют сердце настоящего часового фаната. Переиздание старых «дубов», полных технической гармонии и выдержанного достоинства, можно назвать одним из основных событий SIHH 2012 (подробнее о юбилее — на стр. 65).

В Cartier выпустили вперед тяжелую технику: главной коммерческой линией необходимо признать коллекцию «Английский танк». Эти знаменитые часы были созданы великим Луи Картье для женской руки под впечатлением танковых атак Первой мировой войны и танка, сделанного Renault. Прошло столько лет, столько военной техники, некогда воспевавшей прогресс под завывания Шпенглера с его «Закатом Европы», устарело, списано, отправлено на свалку или же в музей. Часы Луи Картье не устарели до сих пор.

Эта одна из первых действительно современных моделей XX века заставила клиентов навсегда проститься с массивными «карманниками» точно так же, как боевые танки продемонстрировали, что на войне больше не нужна кавалерия. Это самая успешная из моделей Cartier за многолетнюю историю — сейчас с нею соперничает линия Ballon Bleu — и, может быть, самые популярные часы прямоугольной формы в мире. Постепенно Tank покрупнее присвоили мужчины, так что для женщин в конце концов пришлось выпускать миниатюрные Tankissimo (2005).

В массивной танковой атаке Cartier (подробнее об этом — в интервью CEO Cartier Бернара Форнаса на стр. 20) можно было бы увидеть возрожде-

__Cartier, Promenade d'une Panthere

__Cartier, Rotonde de Cartier Cadran Love Tourbillon

__Cartier, Tank Folle

__Cartier, Santos-Dumont XL Horse Motif Gemstone Mosaic

ние милитаристского духа и погоревать, что в коллекции из американского, французского и английского «танков» не хватает русского танка, эмблемы эпохи холодной войны, так и не перешедшей в войну горячую. Как это обычно бывает у Cartier, презентация «старой новой» коллекции сопровождалась выставкой. В витринах одного из своих фирменных красных павильонов представители Cartier разместили всю историю развития «танков» — от первой модели до новейших вариантов. Ответ на вопрос о милитаризме мы нашли на плакате Жан-Шарля де Кастельбажака, который гласил, что «если бы все танки на свете были „танками“ Картье, у нас было бы время пожить в мире».

В «танковой» коллекции есть модели мужские и женские, женские — с «кварцем», мужские — с классическим механизмом, но все они выглядят не просто часами, а шедевром ювелира. Этот изумительный золотой браслет, напоминающий танковую гусеницу, вполне можно носить как украшение, и то, что он еще к тому же показывает время, выглядит дополнительным бонусом.

Самым традиционным и интересным кажется Tank Louis Cartier XL Extra-Plate, тонкие часы высотой всего 5,1 мм. Золотой корпус с мануфактурным механизмом с ручным подзаводом — истинный манифест парижского стиля 1920-х годов. Самые забавные часы «танковой» серии — ювелирные Tank Folle, или же «Безумный танк», с перебитым, израненным золотым корпусом, предлагающим снова полюбоваться на мастерство Cartier в изготовлении «галлюциногенных» часов.

Композиционное строение всех коллекций Cartier остается прежним: пирамиду, объясняющую устройство линий, нам привычно нарисовал CEO Cartier Бернар Форнас. На вершине — ювелирные часы класса haute joaillerie. В 2012 году дизайнеры сконцентрировали свои усилия на рисунках и орнаментах 1930-х годов, сочетая мотивы американского, «голливудского» неоклассицизма с индийским характером. Затем — *metier d'art*, востребованное сегодня направление, заложенное Cartier еще в конце 1990-х. Эмали, микро-мозаика, гравировки, инкрустации деревом и перламутром. Коммерчески оправданные анималистические и флористические мотивы. Самые модные животные — медведи, пантеры, лошади и тигры, птицы — попугаи и колибри, главным цветком является роза.

В связи с экспансией Cartier в область высокого часового искусства на вершине пирамиды Форнаса есть и сверхсложные часы, разработкой которых занимается часовая инженер Кароль Форестье-Казапи. Фирменный, зубастый, жесткий «ар-декошный» стиль Cartier виден в любой сложной модели — будь то Montre Ronde de Cartier Tourbillon Cadran Love, Montre Ronde de Cartier Quantieme Annuel, Montre Ronde de Cartier Tourbillon Volant. Историзм и новации удалось поместить в карманную модель — Montre de Poche Grande Complication Squelette, часы, чей дизайн отсылает к «магическим часам», которые делал создатель «танка» Луи Картье с начала 1910-х по середину 1930-х.

В Van Cleef & Arpels продолжили триумфальный часовой поход. Напомним, что Van Cleef & Arpels, чьи прежние часовые заслуги можно было считать более чем скромными (из конструктивных решений можно вспомнить модель Cadenas 1939 года и плетение браслетов в форме пчелиных сот), несколько лет назад совершил грандиозный прорыв. Сухощавая часовая

механика получила романтические одежды — благодаря изобретенной и запатентованной концепции Complications Poetic («Поэтические усложнения»). Банальные ретроградные стрелки оказывались романтическими героями, движущимися золотыми фигурками, а часовые и минутные — всевозможными летающими облаками, звездами или же цветами.

В рамках SIHH 2012 Van Cleef & Arpels показал две новые сложные модели, созданные маркой вместе с часовщиком Виддерехтом (интервью с ним — на стр. 86). Это минутные репетиры на фоне классической французской романтики — Нотр-Дам де Пари, Эйфелевой башни, парижских крыш и дождливо-го, но прекрасного неба. Стать владельцем такой романтической механики очень сложно, их порой даже трудно увидеть на презентации. Производство Poetic Complications лимитировано, а круг желающих купить механическую романтику очень широк.

Кроме того, в Van Cleef & Arpels дополнили вышедшую летом прошлого года ювелирную коллекцию Bals de Legende тематическими драгоценными часами. В настоящий момент представлено четыре модели: русская, французская, венецианская и американская. Конструкция в данном случае ясная и стандартная. В верхней части циферблата — фигурки танцующих людей, в нижней, на полукруге, пущен национальный орнамент. Нужно добавить, что любые часы VCA сегодня настолько популярны, что, судя по всему, перед маркой встанут задачи открыть собственную, пусть и небольшую мануфактуру. Источники, близкие к руководству VCA, даже называют время — сентябрь 2012 года. Однако в разговоре с нами президент дома Станислас де Керсис не подтвердил, но и не опроверг эти слухи.

Ювелиры и часовщики Piaget, имеющие две мануфактуры (одна — в Кот-о-Фе, старая; вторая, более новая — под Женевой), уверены в силе своих ультратонких механизмов. Они уже научились делать их с автоподзаводом, благодаря утопленному в «теле» механизма микроротору, и даже с турбийоном: прошлогодний рекорд, поставленный Piaget, — это самые тонкие в мире часы с турбийоном.

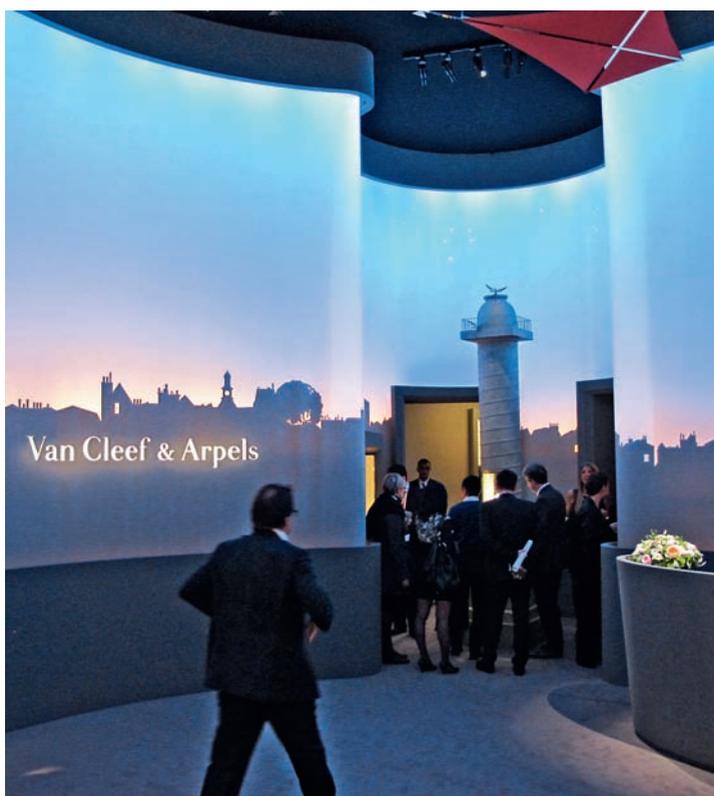
Щегольская Altiplano — главная модель «тонкого» механического искусства Piaget. Надо сказать, что создатели самого плоского в мире механизма предназначили его не столько для отдельного несмешанного употребления, сколько как базовый мотор для будущих моделей. Они не ошибались: это сейчас самый востребованный механизм в часах разных великих марок. К примеру, замечательные ультратонкие часы Pierre Arpels Van Cleef & Arpels имеют внутри калибр Piaget.

Дизайнеры Piaget достойны похвалы за ажурные «скелетные» механизмы, которые логичны и хорошо нарисованы. Умным шагом было создать прозрачный ультратонкий механизм и посвятить ему специальные часы. Что и было сделано в новинке этого года — Piaget Altiplano Squelette Extra-Plate. Здесь история скелетона разыгрывается на плоскости механизма 1200S, созданного на базе плоского 1200P. За счет сочетания и сопоставления бле-

— Van Cleef & Arpels,
Bal Black & White

— Van Cleef & Arpels,
Bal du Palais d'Hiver

АЛЕКСЕЙ ПАРХАНОВ

стяжих и черных, полированных и матовых деталей Altiplano Squelette Extra-Plate — это и часы, и замечательное учебное пособие по ультратонким механизмам.

Мастера Piaget — не только часовщики, но и ювелиры (с узнаваемым стилем асимметричных украшений, монохромных или цветных), и на базе Altiplano они сделали тонкие часы со сплошным бриллиантовым «сертиссажем». К техническому подвигу инженеров присоединился подвиг мастеров «сертиссеров».

Piaget — один из отцов-основателей традиции мужских часов black tie, и на этот раз любимая тема была не оставлена без внимания. Новая парадная серия получила название Gouverneur. «Губернатор» — часы с ДНК Piaget. ДНК — в сочетании лапидарных форм, так, например, корпус «Губернатора» отсылает к мужской модели Empereur Coussin, а овальная форма циферблата — к очень успешной женской модели Magic Hours с переворачивающимся корпусом. Часовщики Piaget достигли многого, работая в стиле ар-деко и шегольства 1950–1970-х годов. Франк Тузо, глава департамента механики, говорит, что «Губернатор» легко подойдет и женской руке, довольно будет поменять ремешок — с кожаного на цветной сатиновый. Разумеется, это дело вкуса.

Но и выбор между уже заявленными моделями, представленными в губернаторской линейке, будет непросто. Автоматические часы с датой кажутся совершенными и в то же время самыми простыми, что немаловажно для формального костюма. Хронограф выглядит более сложным, он обладает более дробным циферблатом, зато наделен рядом примечательных способностей. Помимо того что это хронограф с функцией Flyback, у него есть еще и указатель второго часового пояса, а также дата. Третий «Губернатор» получил ультратонкий турбийон — на базе калибра 642P, имеющего всего 4 мм высоты. Турбийон тоже плоский (что не соответствует, быть может, декоративной функции турбийона как окошка в третье часовое измерение, но не мешает поражаться его совершенству). Каретка турбийона украшена буквой P, что кажется напрасным поступком: и без этого напоминания было бы ясно, что перед нами именно Piaget. В новой помпезной линии есть часы из розового и белого золота, некоторая подчеркнутая старомодность, которая им очень идет, лучше всего выражена в розовом оттенке.

АЛЕКСЕЙ ПАРХАНОВ

В Panerai продолжают историю двух главных моделей — Radiomir и Luminor. В этом году акцент был сделан на юбилее Radiomir, серии, которая продолжает историю самых первых часов, в 1930-х спроектированных для ныряльщиков военно-морского флота Италии. Часы должны были отличаться особой прочностью и читаемостью. Отсюда имя Radiomir — так называлась специальная краска, включавшая соли радия, которые светились в темноте. Пловцам нужен был водонепроницаемый массивный корпус, большой циферблат с легко читаемыми делениями и секундная стрелка, не столько засекавшая сами секунды, сколько подтверждавшая своим движением, что часы не остановились. Тогда еще не было придуманных для пловцов поворотных колец циферблата, глубиномеров, компасов, наполненных инертным газом корпусов — всего того, что появилось в дайверских часах позже. Зато в Италии родилась одна из самых любопытных форм спортивных часов. Впоследствии ее дополнили прижимной скобкой для заводной головки, которая повысила надежность. Эта узнаваемая панераевская скобка — главное отличие Luminor.

Исторические часы Panerai были заново прорисованы и спроектированы 20 лет назад: тогда маленькую, но гордую марку из Флоренции превращали в большую и международную. Сегодня любители Panerai делятся на две партии — сторонников Radiomir и сторонников Luminor. Поэтому марка старается, чтобы количество вновь представленных «радиомиров» было равно количеству «люминоров». В этом году баланс соблюден вновь. Среди усложнений — трехдневный запас хода, второй часовой пояс и турбийон, который, как обычно, надежно спрятан. Panerai никогда еще не выводил его на циферблат, как делают другие марки, — видимо, опасаясь нарушить образ мужественных «военных» часов. Вот уже много лет дизайнерские варианты сводятся к микроскопическим изменениям рисунка циферблата, расположения цифр или замене их на индексы.

В 2012 году у модели Radiomir California 3 Days верхняя половина циферблата промаркирована римскими, а нижняя — арабскими цифрами. Такая «путаница» — оммаж первым Radiomir, выпускавшимся с 1936 года. Концепция California как раз и заключается в повышенной секретности: дизайн (отсутствие цифр, только метки или же комбинированные цифры) связан с желанием оставить в часах как можно больше милитаризма (подробнее о юбилейной серии Panerai Radiomir — на стр. 66).

Оставаясь верными военному дизайну, часовщики Panerai с 2004 года оснащают часы собственными мануфактурными механизмами и много экспериментируют с материалами для корпусов. В 2012 году не было удивительных часов с бронзовым, будто шлем старинного скафандра, корпусом, но зато были часы из керамики с интегрированным браслетом в корпусе — это Luminor 1950 Tuttonero. У Panerai — собственный метод производства с помощью электрохимических реакций при сверхвысоких температурах. Гордится итальянская марка и своим часовым золотом, которое у нее прочнее за счет большего процента меди, при этом более устойчиво к окислению за счет добавления платины. Так марка сочетает максимальную традиционность формы с весьма авангардным содержанием.

— Vacheron Constantin,
Malte Tourbillon

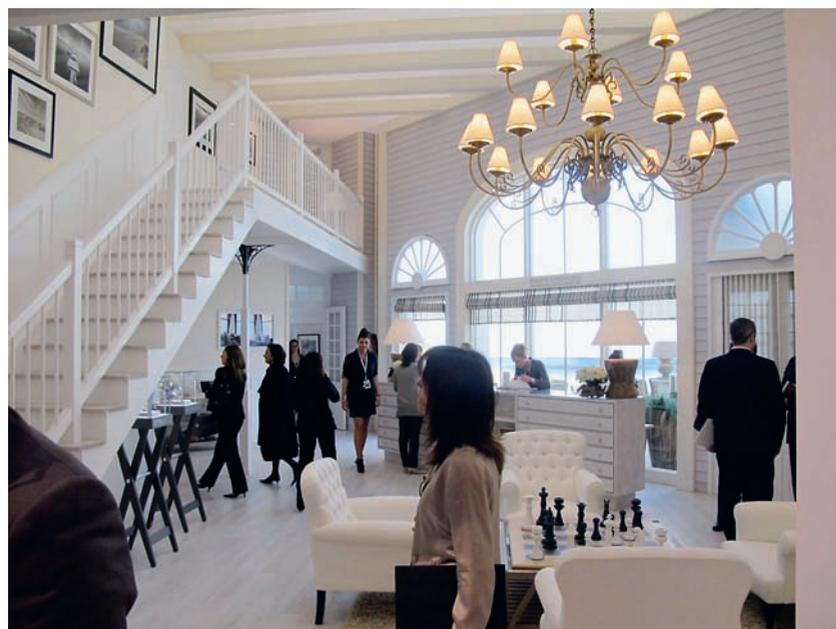

— Vacheron Constantin,
Traditionnelle 14-Day
Tourbillon

Audemars Piguet, Royal Oak Chronograph

Audemars Piguet, Extra-Thin Royal Oak Tourbillon

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Baume & Mercier, Linea Automatic

Baume & Mercier, Capeland

В IWC ежегодно выбрасывают на передний фланг не отдельные модели, а целую новую коллекцию. На сей раз переосмыслению подверглись военные часы — легендарные «авиаторы», ведущие родословную от Big Pilot's Watch середины 1930-х. «Авиаторы» 2012 года были представлены публике как предполагаемая часть экипировки американских военных летчиков: для этого был снят динамичный рекламный ролик, больше похожий на кадры CNN, рассказывающие о войне в Персидском заливе. Черный цвет, антрацит, хаки, большие размеры корпусов, читаемые циферблаты, титан, сталь, керамика, кожаные и каучуковые ремешки. Все эти «модные» штрихи свидетельствует о том, что на «авиаторы» IWC сегодня сделана значительная коммерческая ставка.

В A. Lange & Sohne показали не коллекцию, а новые версии нескольких наиболее популярных моделей марки из Гласхютте. Представляет интерес развитие модели Lange 1, с которой в 1994 началась новая слава старинной германской мануфактуры, разрушенной войной и репарациями и вновь возрожденной Вальтером Ланге после объединения Германии. Эти часы с асимметричным циферблатом — квинтэссенция классического ланговского дизайна. В 2012-м на их основе созданы Grand Lange 1: часы с увеличенным до 41 мм диаметром корпуса, что кроме эстетических изменений, впрочем осторожных, позволило значительно переработать механизм, уменьшив его толщину и увеличив запас хода при использовании только одного барабана.

Рядом с «обычным» Lange 1 представлены и часы со вторым часовым поясом Lange 1 Time Zone с удобной системой выставления второго времени нажатием кнопки, передвигающей стрелку в соответствии с указателем 24 городов, представляющих основные часовые пояса. Одна из удобнейших функ-

ций этих часов — возможность мгновенно поменять указания времени между основным и дополнительным циферблатами в зависимости от того, какое время в данный момент для вас более важно.

В белом золоте вышла прошлогодняя тонкая модель Saxonia Thin — классические часы с двумя стрелками, механизм которых имеет толщину 2,9 мм, что вдвое меньше высоты корпуса. В этом году Lange изменил одну из своих знаменитых моделей хронографа с функцией flyback. Новые часы Datograph Up/Down — отличный пример развития и эстетических качеств машины (увеличен диаметр циферблата и, соответственно, размеры «большой даты»), и ее функциональных достоинств (запас хода возрос до 60 часов и появился специальный его указатель Up/Down). Подробнее о технике Lange — в интервью на стр. 80.

В Baume & Mercier выступили с самой модной своей коллекцией женских часов Linea. У Linea два важных достоинства. Первое — сами часы с их круглым кольцом на красивом овальном корпусе. Вещь для маленькой женской руки, но благодаря тому, что цифры вынесены на кольцо циферблата, окошко со стрелками достаточно велико, чтобы оставаться легко читаемым. Словом, это хорошо нарисованные и качественно сделанные часы, достойные марки, которая ведет свою историю с 1830 года. Но козырь Linea — возможность легко менять ремешки под настроение. Для этого разработан специальный замочек, простой и безопасный даже для самых длинных и наращенных ногтей. Часы не только комплектуются сменными ремешками, есть возможность покупать их в каждом новом сезоне, изобретая для себя новые часы на основе все той же раз купленной Linea. Новый девиз марки — «Life is about Moments», соответственно, любой момент жизни владелицы Linea может быть отныне отмечен особым цветом.

Вторая новость Baume & Mercier — развитие коллекции Hampton от 2011 года. Новый «Хэмптон» был спроектирован на основе часов 1940 года, отличавшихся красивым золотым корпусом и сложной формой стекла над циферблатом. Год назад, повторив в куда более авангардном варианте историческую модель, в Baume & Mercier получили отличные современные часы с отчетливым винтажным оттенком. Но, как и все мужские часы начала прошлого века, они были рассчитаны на ремешок, а не на металлический браслет, вошедший в моду гораздо позднее.

Как установить браслет в новый Hampton, чтобы тот не утратил очарования старины? Дизайнеру Александру Перальди на решение этой задачи потребовался целый год. В итоге, не представив принципиальных «решительных» новостей, марка показала, какое внимание она уделяет деталям, как внимательно ведет разработки и как не намерена бросаться из крайности в крайность (интервью с Александром Перальди — на стр. 84).

В Jaeger-LeCoultre двигаются по двум направлениям: это артистичная аристократическая механика и художественный отдел Metier d'Art. Самой сложной моделью остается Duometre — продолжение «пространственных» экспериментов марки. Внимание уделено и архивной работе: стоит отметить исторические версии Reverso с цветными циферблатами (Grande Reverso 1931 Rouge и 1931 Blue Emael), «именные» версии этой же модели (главная из них посвящена Казимиру Малевичу), венецианскую серию Reverso a Rideau, тонкие женские Reverso на двойных цветных браслетах, а также серию ультратонких Master Control. Словом, в 2012 году мастера Jaeger-LeCoultre демонстрирует отличную форму: эти часовщики работают и на коллекционеров отдельных своих моделей, и на тех, кто ищет что-то особенное, артистичное, и на обычных клиентов — тех, кто хочет купить честные красивые часы швейцарской «горной» породы, но со стилистическим французским уклоном.

__Panerai, Luminor 1950 3 Days GMT Automatic Ceramica 44 mm

__Panerai, Luminor 1950 3 Days Automatic Ceramica 44 mm Tuttonero

В Vacheron Constantin празднуют 100-летний юбилей часов в форме бочки: в 1912-м женевские часовщики впервые показали золотые часы с такой формой корпуса, которая очень быстро понравилась в Cartier и Omega. Празднику «бочки» выделена коллекция Malte, в которой показаны простые классические часы, а также часы с турбийоном. Всего в Malte — четыре модели: простая версия в розовом золоте, женская модель с белыми бриллиантами, турбийон с новым мануфактурным калибром, а также лимитированные часы с бочкообразным корпусом из платины (100 штук — к 100-летию юбилею). Все модели, кроме женской версии с кварцевым механизмом, имеют сертификат качества Poinçon de Geneve.

Знаменитая серия Vacheron Constantin Metier d'Art, в которой два года появлялись часы в японском стиле и японской технике маки-е, в этом году оказалась более сложной: тенденция обязывает ныне сочетать на одном циферблате несколько техник — от инкрустации до гравировок и гильоше (так же поступили Van Cleef & Arpels, Piaget, Cartier). Классические пузатые «дедушкины» часы — это турбийон в розовом золоте в коллекции Vacheron Constantin Patrimony. В качестве дополнительного усложнения — поразжающий воображение и заявленный как рекордный 14-дневный запас хода.

В Roger Dubuis бьются над становлением нового имиджа и усиленно ищут новых героев. И кажется, герои найдены — игрок, персонаж фильмов-нуар, алхимик, сумасшедший ученый. Часы для нарисованных героев могут быть совершенно удивительными: это предстоит увидеть в существующих коллекциях La Monégasque, Excalibur и введенных в этом году серийных подразделениях Velvet и Pulsion. С точки зрения механики все без исключения модели Roger Dubuis являются серьезными техническими произведениями. Эта марка была приобретена Richemont Group в первую очередь из-за часовой «начинки», за те недолгие по часовым меркам годы своего существования в Roger Dubuis создали 31 собственный калибр.

В Richard Mille тоже появились свежие калибры. Ришар Милль рассказал о четырех новых механизмах, дающих жизнь шести новым моделям: от футуристической готики (Tourbillon Skull RM 052) и прозрачных, сапфировых часов, такого итогового манифеста Милля (Tourbillon Chronograph Felipe Massa), до часов для поло в духе Жюль Верна. Француз Милль, основоположник часовой архитектуры, теперь горит желанием открыть собственное производство.

И наконец, марка Girard-Perregaux на своем заключительном, прощальном Женевском салоне показала старые, но такие успешные, любимые клиентами, востребованные коллекционерами модели из серий Vintage 1945, «1966» и «трехмостовых турбийонов», упакованных на сей раз в корпус спортивных часов Laureato.

Женевский салон для посторонних марок, как известно, закрыт. Свободных мест нет. Это ничуть не мешает соседям пользоваться SINH как удачным поводом притяжения и организовывать вокруг разные замечательные события.

Например, мобильные часовщики TAG Heuer обосновались в десяти минутах езды от Palexro и выслали специальные машины навстречу своим гостям. Женева стала для них важным этапом в показах — менее, конечно, важным, чем их родной Базель, но все-таки. В выставочном зале Espace Secheron они показали большую фотовыставку Time for Rebels — «Время бунтарей» (о ней читайте на стр. 79) и сделали все, чтобы время бунтари определяли по часам бунтарей. Имеются две коллекции, мужская и женская, черная и белая, в том числе и женская модель TAG Heuer Formula 1 Lady Yin Yang, понятно с циферблатом в виде эмблемы «инь-ян», выложенной белыми и черными бриллиантами, причем черная часть занимает едва треть, явно чтобы показать, что темные силы решительно отступают.

Две другие часовые марки, также принадлежащие концерну LVMH, обосновались в отеле Kempinski на набережной Монблан. Это Zenith, показавший свои будущие базельские новинки (увы, на любой разговор о них распространяется эмбарго до 8 марта, официального старта BaselWorld), и Hublot. На встречу с Hublot журналисты просто-таки ломались. Дело в том, что перед Женевским салоном агентства распространили новость, что глава марки и создатель ее нынешней славы Жан-Клод Бивер уходит от руководства. Всякий спешил выяснить, что это значит, и вообще подержаться за руку и произнести: «На кого вы нас покидаете?» Не избежал этого и корреспондент „Ъ“ (интервью с Жан-Клодом Бивером читайте на стр. 22), выяснивший, что новости верны, но в то же время все развивается по начертанному самим Бивером плану. Что касается новинок, которые марка привезла в Женеву, в большинстве своем это были модели, предназначенные к показу в марте на Базельской ярмарке. Журналистам давали их потрогать, понюхать и полизать, но писать о них просили не раньше чем в середине марта. Мы все-таки не можем удержаться: мы нарушаем эмбарго, чтобы поведать о новых часах, продолжающих анималистическую серию Hublot.

В прошлом году одним из хитов стала модель с рисунком леопардового меха, в 2012-м марка предложила новую модель Big Bang Boa Bang. Как понятно из названия, это часы с циферблатом и ремешком, повторяющим рисунок кожи питона. Они существуют в зеленом и коричневом цвете, в золоте или стали. Разумеется, при выпуске этих часов ни один питон не пострадал, зато сколько страданий примут клиенты, пытаясь выбрать между двумя вариантами, страшно подумать. Даже корреспонденты „Ъ“ в кровь разругались, поскольку заняли разные цветовые позиции. Сошлись в одном: это чрезвычайно нарядные и хорошо придуманные часы, кото-

__Jaeger-LeCoultre, Grande Reverso Ultra Thin

__Jaeger-LeCoultre, Rose Watch

— Parmigiani, Tonda Retrograde Annual Calendar

— Piaget, Gouverneur

— Piaget, Limelight Garden Party Piece Unique

— Piaget, Gouverneur Tourbillon

рые отлично подойдут по руке любой женщине и даже многим мужчинам. Особенно тем, кто ассоциирует себя с мудрым Каа из «Книги джунглей». На той же набережной Монблан, но в других, не менее дорогих отелях принимают гостей юные марки, которые любят беседы с глазу на глаз и не нуждаются ни в каких шумных презентациях. Прежде всего это марка De Bethune, пожинающая плоды своего успеха на Grand Prix d'Horlogerie de Geneve 2011 года. В ноябре марка получила гран-при конкурса — «Золотую стрелку» и теперь стала еще более известной и желанной, чем раньше. Теперь во всех странах часовые фанаты жадно требуют DB28. По законам приза марка имеет право использовать в рекламных кампаниях логотип «Золотой стрелки» применительно не ко всем своим моделям, а только к той, которая была коронована в Большом театре Женевы. В полном согласии с этим правилом De Bethune выпустила вариант DB28 под названи-

ем Aiguille d'Or («Золотая стрелка»), в которых специальная вставка из розового золота размещена, стоит ли говорить, на минутной стрелке. Второй hommage той же победительной модели DB28 — это Special edition со скелетонизированным циферблатом и, конечно же, с фирменным указателем фаз Луны, двусторонним полированным шариком. Светлая сторона часовой Луны — из белой платины, синяя — из вороненой стали. В прошлом году развлечения ради глава De Bethune Давид Занетта сделал карманные часы, вмонтированные в чехол для iPhone, курьезно связав электронный прогресс и традиционную механику. В этом году идея продолжилась часами Dream Watch IV, посвященными памяти Стива Джобса. На сей раз они не привязаны к конкретной модели iPhone: их можно переставлять из чехла в чехол, а можно повесить на цепочку как карманные часы или даже надеть на руку — в комплект входят и титановая подвеска, и специальный ремешок из крокодиловой кожи. De Bethune подмигнула также тем, кто не верит в прогресс и ждет от 2012 года конца света, выпустив в 12 экземплярах Le Xeme inframonde Maya. Эти часы с циферблатом, гравированным в золоте художником и скульптором-миниатюристом Мишелем Ротеном, напоминают о том, что один из самых древних календарей планеты скоро остановится — с планетой или без. Феликс Баумгартнер из Urwerk тоже получил премию на Grand Prix d'Horlogerie de Geneve 2011 года — в категории дизайнерских часов. Награждена была модель UR-110 Titanium, которая ныне стала одним из козырей марки. В связи с этим Феликс стал еще более прекрасным и важным, надел красный пиджак и выпустил новую версию UR-110 Torpedo с корпусом из титана, накрытым золотым щитом вокруг циферблата (в форме, которую ну никак не назвать кольцом). «Золото остается одним из наших любимых металлов! — так говорит красавчик Феликс. — Мы считаем коллекцию полной лишь тогда, когда существует ее золотая модификация. Золото и титан — основные составляющие новой UR-110, модели контрастов». Построенный и прославленный Urwerk сателлитный механизм получил новое пространство в карманных часах UR-1001 Zeit Device. Это нечто вроде выставочного зала для урверковских усложнений. Модель оснащена

__Montblanc, Vintage Tachydate

сателлитным часовым индикатором, ретроградной минутной стрелкой, индикатором секунд, индикаторами «день/ночь» и запаса хода, сателлитным календарем. Причем если раньше в моделях Urwerk специальный индикатор на задней крышке отсчитывал период в 100 лет, теперь срок жизни часов широкой рукой продлен до 1 тыс. лет.

Сосед и авангардный соратник Феликса Баумгартнера Максимилиан Бюссер из MB&F представляет «Историческую машину №1» (Legacy Machine №1). Часы в круглом корпусе для марки, делавшей часы самых невероятных очертаний, вне сомнений, настоящий авангард. Это часы с двумя независимыми индикаторами часовых поясов и вертикальным указателем запаса хода, похожим на ручку судового телеграфа. Главное зрелище — балансовое колесо, висящее над циферблатами под хрустальным куполом из сапфирового стекла. Первая машина новой «традиционной» серии, по мысли Бюссе-

__De Bethune, The Dream Watch IV

__Richard Mille, RM053 Tourbillon Pablo Mac Donough

__De Bethune, DB28 Limited Edition

__Hublot, Big Bang Boa Bang

__Urwerk, UR 1001 Zeit Device

ра, типичный «ретроавангард», то есть часы, созданные по эстетическим законам XIX века. Над LM1 вместе с Максом Бюссером, как в старые добрые «опусовские» времена, работали два знаменитых мастера — Жан-Франсуа Можон, создатель Opus X для Harry Winston и лучший часовщик по версии Grand Prix d'Horlogerie de Geneve 2010 года, и Кари Воутилайнен, обладатель «Золотой стрелки» 2006 года.

Известие о том, что главный авангардист-традиционалист Женевы, француз Франсуа-Поль Журн запускает серию часов, полностью (не только корпус, но и механизм!) сделанных из алюминия, привело всех в страшное волнение. Как это может быть: часовая классика в таком плебейском металле? Тем удивительнее было ощущение, когда Журн, встретившись с нами на своей мануфактуре на старой женеvской Rue de la Synagogue, показал вживую свои новые часы Octa Automatique Reserve Sport из спортивной коллекции LineSport. Надо сказать, они на редкость удачны — причем большую часть впечатления составляет именно контраст между настоящей часовой сложностью и весом в 53 грамма. У этих часов нет лишних усложнений, только необходимые: запас хода почти на шесть суток с указателем запаса, индикатор «день/ночь» и большая дата. Их легкость отнюдь не синоним легковесности, да и алюминий здесь добывался не из ложек. Это металл, который используется для сверхзвуковых истребителей, которые нуждаются в запасе хода ничуть не меньше, чем часы.

КТО ЖИВЕТ В ЧАСАХ

«ХРАНИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ»

МАРТИНА СКОРСЕЗЕ

МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ

герой фильма скорсезе — жорж мельес, первый и последний волшебник экрана, а по совместительству механик и часовщик

«Хранитель времени» Мартина Скорсезе стал чемпионом по числу номинаций на «Оскар» 2012 года. Не потому ли, что одним из его главных героев стал один из главных режиссеров мирового кинематографа, а по совместительству механик и часовщик Жорж Мельес (1861–1938). Скорсезе представил его прежде всего как первого киноволшебника. Без «Путешествия на Луну» (1902) не было бы ни «Кинг-Конга», ни «Звездных войн», ни самого «Хранителя». Представить на заре кинематографа, когда режиссерской фантазии хватало лишь на клонирование люмьеровских зарисовок, что на экране можно не только кормить младенца или выходить из поезда, но и сражаться с селенитами и жонглировать собственной головой, довольно трудно: для такого озарения Мельесу нужно было действительно зашвырнуть свою голову в открытый космос. Но Мельес — и первый, и последний волшебник экрана. Его наследники — мастера и гении спецэффектов, но не маги.

Современные зрители преклоняются перед Мельесом — отцом комбинированной съемки. Волшебство для них — метафора. Скорсезе напомнил о связи Мельеса с традицией волшебства в прямом смысле слова. Ну, или того, что считалось волшебством: иллюзии, фокусы, непостижимые механические гаджеты.

В фильме сирота Юго хранит как память об отце, часовых дел мастере, погибшем при пожаре в парижском музее, рисующий автоматон — куклу-автомат. Когда его удаётся завести, он чертит кадр из «Путешествия на Луну»:

по фильму, его сконструировал сам Мельес. С одной стороны, это напоминание об изначальной природе кино — балаганного, ярмарочного развлечения. С другой — Скорсезе таким образом почтил память нескольких великих магов (или изобретателей — это уж как посмотреть).

Экранный автоматон напоминает о творениях швейцарца Пьера Жаке-Дро (1721–1790), основателя часовой фирмы Jaquet Droz, признанного основоположником часового искусства, как Мельес признан основоположником киноискусства. Собственно говоря, автоматоны Жаке-Дро создавал в соавторстве с сыном Анри-Луи и Жан-Фредериком Лешо с чисто рекламными целями. Слово «реклама» описывает его намерения адекватно, но почти кощунственно. Это как если бы мы сказали, что Леонардо писал «Джоконду» для саморекламы, чтобы монархи заказывали портреты. Изощренность автоматонов тоже должна была покорить монархов — самых желанных клиентов часовщиков.

Это удалось сполна. Предприятие Жаке-Дро обрело глобальный характер. Его мануфактуры вслед за Ла-Шо-де-Фон (1738) открылись в Лондоне (1774) и Женеве (1784), его слава дошла до Индии, Китая, Японии. Однажды он представлял испанскому королю часы с движущимися фигурками мавра, пастуха, наигрывающего шесть нот на флейте, собаки, бросающейся к пастуху, услышав музыку. В ответ на комплименты мастер предложил монарху — дескать, это еще не все — убедиться в преданности собаки своему хозяину. Стоило королю тронуть яблоко в пастушеской корзине, как собака залаяла.

— Лавка механических чудес — волшебная территория фильма

— Приключения внутри гигантских часов и инженерных устройств: таков путь сироты Юго и его друзей

— Париж конца прекрасной эпохи: картина Скорсезе — чемпион по числу номинаций на «Оскар» 2012 года

— Сказочная механика «Хранителя времени» имеет свои рецепты, спрятанные в старых книгах

Да так заливисто, что ей ответил королевский пес. Решив, что дело не без нечистого, придворные, кроме доблестного военно-морского министра, бросились наутек. Король же осведомился у мавра, который час. Молчание куклы мастер просил извинить тем, что язычник еще не выучил испанский. При чем тут Мельес? Ну как при чем? Все волшебники — одна семья, в которой «дедушка Жорж» — самый младший. Автоматоны Жаке-Дро вряд ли могли попасть к нему, зато он обладал коллекцией автоматов Жак-Эжена Робер-Удена (1805–1871), «Жаке-Дро XIX века». Ученый-изобретатель, часовщик дома Детуш, иллюзионист Уден открыл 3 июля 1845 года на улице Валуа легендарный Театр магии.

Он чинил старые автоматы и создавал свои: «Чудесное апельсиновое дерево», «Кондитер из Пале-Рояля», «Акробат на трапедии», «Арлекин». «Писец-рисовальщик», сенсация Национальной выставки 1844 года, уехал за океан: его купил не менее легендарный Барнум. Маг Гарри Гудини выбрал себе псевдоним именно в честь Удена. Говорят, его особняк в Блуа был настоящим чудом света: хозяин начинил сад множеством хитроумных аппаратов. Есть версия, что, проходя военную службу в Блуа в 1881 году, Мельес посетил его. Когда отец Мельеса передал свою обувную фабрику сыновьям, Жорж получил свою долю — 500 тыс. наличными и вложил их в волшебство. Жестокая насмешка судьбы: когда разорившийся Мельес в 1923 году продаст все свои фильмы, пленку утилизируют — в частности, для производства каблучков для солдатских башмаков. В 1888 году он купил за 47 тыс. Театр магии, переехав-

ший на бульвар Итальянцев, и вернул ему былую славу. Вместе с театром к нему перешли десять автоматов. По рассказам его дочери Жоржетты, отец, войдя в гулкий и пустой зал, услышал аплодисменты кукол, счастливых вернуться к жизни, и увидел благосклонный призрак Удена.

Эпопея режиссера 600 кинофеерий и его студии Star Film известна: триумф, крах, забвение, отчаяние и — хеппи-энд — прижизненное признание. В 1929 году редактор Cine-journal Леон Дрюо разыщет Мельеса, торгующего сладостями и куклами в лавочке своей жены и актрисы Жанны д'Алси на вокзале Монпарнас. Сюрреалисты провозгласят его гением, историки Бардеш и Бразийак изучат его творчество, родина удостоит ордена Почетного легиона. А что же автоматы?

В марте 1914 года Мельес пытался продать семь кукол Удена за 49 тыс. франков (€138 тыс.). Тщетно. До 1923 года, уже не снимая, он еще давал представления в своей бывшей студии. А в 1929-м подарил автоматы Музею искусств и ремесел. В 1933 году профсоюз фокусников озаботился их судьбой и получил прискорбный ответ. Автоматы поступили в музей в плачевном состоянии, усугубившемся в нездоровой для них атмосфере хранилища. Когда на них еще и рухнула какая-то балка, они отправились на свалку.

Считается, что наука и магия нерасчленимы в непросвещенных обществах. Жаке-Дро, Робер-Уден и Мельес доказали: их слияние возможно и в рациональной цивилизации. А Мельес еще и позаботился, чтобы волшебство продолжало жить. Хотя бы на экране.

ПУСК АВТОМАТОНОВ О ПРОЕКТЕ JAQUET DROZ ЮРИЙ ХНЫЧКИН

__ Исторический автоматон Jaquet Droz «Писарь», прежде чем отправиться в Пекин, развлекал публику в художественно-историческом музее Невшателя

В ряду механических кунштюков, которыми часовщики XVIII века пытались соблазнить публику, наиболее примечательны автоматоны, они же андроиды, человекоподобные механические куклы. Как и табакерки с секретом, музыкальные шкатулки, поющие соловьи в золотых клетках, автоматоны были призваны продемонстрировать достижения искусства высокой механики, сохранившегося в предметах обихода к нынешнему времени разве что в часах. Неудивительно, что популяризацией немногих дошедших до нас автоматонов занялись часовые марки. И главная на этом поприще — Jaquet Droz, названная в честь семьи выдающихся механиков и часовых мастеров Жаке-Дро.

В художественно-историческом музее Невшателя, столицы одноименного кантона, выставлены три сохранившихся (и вполне работоспособных) автоматона. Удивительные «машины» были построены в период 1768–1774 годов двумя представителями семьи Жаке-Дро — Пьером и его сыном Анри-Луи — и их деловым партнером Жан-Фредериком Лешо. Впервые три автоматона — «Писарь», «Музыкантша» и «Художник» — выставлялись вместе в Ла-Шо-де-Фон в 1774 году. Выставка имела огромный успех. Люди приезжали издалека, чтобы посмотреть на необычайные автоматы.

К тому времени примечательная продукция семьи Жаке-Дро уже была известна в Европе благодаря сложности их часов, в которые зачастую были встроены миниатюрные музыкальные автоматы. За домашней выставкой в Невшателе последовали презентации автоматонов в Париже — при дворе Людовика XVI, а также в Брюсселе и Лондоне. В ходе лондонской экспозиции 1775 года изобретатели установили, говоря современным языком, связи с иностранными дистрибуторами — торговцами европейскими часами в Китае. Именно там в конечном счете оказалось большинство механических шедевров Жаке-Дро.

Силами двух мастерских — в Лондоне и Женеве — за 30 лет было изготовлено не менее 650 часов и других предметов высокой механики (во всяком случае, о стольких имеются записи — точный объем производства партнеров неизвестен), две трети из которых отправились в Китай. Сохранившиеся документы содержат данные о разновидностях изделий: это часы, табакерки, декоративные флаконы (продававшиеся попарно). В них также указан материал, иногда присутствуют характеристики механизма и обязательно данные об отделке: эмаль, драгоценные камни, модуль, воспроизводящий пение птиц или мелодию.

Наиболее яркое представление об уровне швейцарских мастеров дает автоматон «Писарь». Пьер Жаке-Дро приступил к его созданию в 1768 году, параллельно проводя изыскания в области механики анимации и имитации движения живых существ техническими средствами. В работе над автоматом принял участие Жан-Фредерик Лешо и Анри-Луи Жаке-Дро, который позднее внес некоторые модификации. Автоматон «Писарь» высотой около 70 см представляет собой мальчика, сидящего на табурете за столом из красного дерева. Его механизм, состоящий из 4 тыс. (!) деталей, является самым сложным из трех упомянутых человекоподобных автоматов. Автоматон можно запрограммировать, с тем чтобы он написал любой текст из 40 знаков, располагающийся в три строчки. Правой рукой «Писарь» макает гусиное перо в чернильницу, поворачивает глаза в направлении пера, качает головой и начинает выводить текст на автоматическом перемещающемся под рукой листе бумаги. Зрелище стоит признать весьма завораживающим — в особенности если учесть, что автоматон создан без малого 250 лет назад и до сих пор отлично работает. Второй автоматон по имени «Музыкантша» — это более крупная особь, она в два раза больше, чем «Писарь» и «Художник». «Музыкантша» сидит на стуле, за клавиром, и исполняет «по заказу» лирические мелодии. «Художник» представляет собой мальчика вроде «Писаря», рисующего «по просьбе» заказчиков миниатюры, в частности собачку. Собачка между тем животное историческое: это любимый пес французского короля Людовика XVI.

Этой зимой «Писарь» совершил первый в своей жизни выезд за пределы Европы. Автоматон был выставлен в Пекине, ставшем домом для многих механических шедевров мастерской Жаке-Дро. По этому случаю автоматон перепрограммирован на воспроизведение текста «Jaquet Droz en Chine» («Жаке-Дро в Китае») — разумеется, по-французски, поскольку другим языкам «Писарь» не обучен. Китайский вояж организован ассоциацией Automates & Merveilles («Удивительные автоматы»), объединившей три швейцарских музея: художественно-исторический в Невшателе, международный музей часового искусства в Ла-Шо-де-Фон и музей часового искусства в замке Мон в Ле-Локле. После китайского путешествия автоматоны Jaquet Droz будут поочередно представлены в Ла-Шо-де-Фон и в Ле-Локле, чтобы потом, в сентябре этого года, вернуться к себе домой — в Невшатель. Кстати, посмотреть на механических людей, родившихся еще в XVIII веке, можно именно в этом городе: музейные сотрудники заводят «Писаря», «Музыкантшу» и «Художника» каждую среду.

__ Ла-Шо-де-Фон, Ле-Локль, Невшатель — таков маршрут швейцарских гастролей кукол Jaquet Droz

ЧАСЫ НАД ЧАСАМИ ЭКСПОЗИЦИЯ В МУЗЕЕ RATH АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

— Старые почтенные часы-скелетоны, чьи благодарные потомки украсили павильоны SIHH 2012

ТИПИЧНАЯ ЧАСОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА: МЕДЛЕННОЕ, ПОДРОБНОЕ, ПЕРЕГРУЖЕННОЕ ДЕТАЛЯМИ ПОВЕСТВОВАНИЕ

— Хронометр Vacheron Constantin

— Музыкальная шкатулка с часами и птичкой настолько традиционна, что эксперты спорят, сделана она в XIX или в XX веке

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

— Сет из часов и кольца в виде змейки украшен эмалью и бирюзой — Marcus & Cie, Patek Philippe, 1839

— Клетка с тремя поющими птичками на самом деле часы-репетир. Братья Роша, Женева, 1814

— Классическая луковица из посеребренной латуни несет иероглифы — женевские часовщики работали для Китая еще в 1840 году

В дни Женевского часового салона SIHH в Palexpo один из залов обычно бывает подарен исторической выставке, связанной общей темой. Такое маленькое эссе на тему времени. Но на сей раз выставка в рамках салона была лишь частью огромной экспозиции, собранной в музее Rath, городском выставочном зале, принадлежащем женевскому Музею истории искусств. Этот музей находится в перманентном движении, он расширяется, ремонтируется и все время пересматривает фонды, в которых есть множество самых неожиданных вещей. Утверждают, например, что в запасниках Rath хранится настоящая, историческая гильотина, вещь с богатой историей и с хорошим провенансом, привезенная в свое время из Франции — то ли в качестве художественной реликвии, то ли в качестве полезной вещи, которая в любой момент может пригодиться.

Я с большим сожалением вспомнил о гильотине в 2002-м, когда в Женеве ограбили и почти полностью вывезли филиал Musee d'Art et d'Histoire — часовой музей. Преступление это не раскрыто до сих пор, в результате город, в котором часовое ремесло не прерывалось в течение пяти веков, лишился значительной части своих коллекций. К нашему счастью, их осталось немало, к тому же за девять лет, прошедших с момента утраты, многое еще приобрели, что-то получили в подарок. Однако наученные горьким опытом женевские музейные работники больше не хотят открывать отдельных часовых музеев. Пусть лежат в главном хранилище, целее будут.

И вот теперь до 29 апреля все надежно спрятанные сокровища открыты для публики. Выставка L'Horlogerie a Geneve, названная «Часовое искусство в Женеве, магия ремесел, золотые сокровища и эмали», включает все заявленное в заглавии плюс еще и расположенные в подвальном этаже реконструкции часовых ателье, витрины с техническим инвентарем и машинами XIX века и даже с настоящими башенными часами с собора. Они доставлены сюда, видимо, для того чтобы показать, с каким кузнечным допуском строились часовые приборы в сравнительно недавние вре-

мена и какая дистанция пройдена от этого часового динозавра к скелетному механизму в витринах верхнего этажа.

В витринах в двух залах щедро разложены, расставлены и развешены часы — карманные, настольные, подвесные. Здесь есть скульптуры и часовые автоматы вроде «Клетки с поющими птичками», сделанной братьями Роша в 1815 году, или часовые миниатюры, вроде футляра для драгоценностей со встроенными в него часами женевского мастера Моррикано 1790 года. Часы для каминной полки, часы для кареты, часы в кольце и в набалдашнике трости. Часовые выставки вообще трудно воспринимать, эту — трудно особенно, так как она сделана людьми, которые решили рассказать обо всем и сразу. Перед вами — 1500 вещей, осмотреть и понять которые за один раз решительно невозможно. Впрочем, выставка, которую спонсировали большие часовые марки, генералы механики — Girard-Perregaux, Chopard, Audemars Piguet, Vacheron Constantin, адресована часовым фанатам, готовым провести в этих залах день и два и три, если понадобится. Вещи замечательны, и почти над каждой из них можно и нужно размышлять, как над книгой. Это выставка — для работы, а не для удовольствия, и сюда действительно приходят работать. Историки искусств и студенты часовых школ зарисовывают схемы корпусов и мотивы эмалей, унося украдкой избранные вещи в памяти своих телефонов — снимать здесь запрещено категорически.

Многие сочтут эту выставку в Rath скучной. Мне, напротив, кажется, что сделал ее такой — медленной, подробной и чудовищно перегруженной деталями, кураторы идеально передали сам метод часовой работы. Только мучительной дотошности часовых мастеров, которые месяцами вникали в свое миниатюрное дело и ломали глаза при свете выставленных здесь же примитивных ламп, мы обязаны тем, что женевский музей теперь может не спеша рассказывать нам о магии ремесел, золотых сокровищах и эмалях. Это стоит почувствовать, если нельзя рассмотреть.

Часы LANGE ZEITWERK открыли новую эпоху в прецизионной механике.

Часы LANGE ZEITWERK.

Первые механические наручные часы с прецизионным цифровым указателем часов и минут мгновенного переключения, оснащённые ходом с постоянным натяжением.

товар сертифицирован реклама

Для часовых мастеров A. Lange & Söhne конструирование часов LANGE ZEITWERK потребовало решения сложнейших задач. Никогда прежде механические наручные часы не оснащались запатентованным устройством постоянного натяжения с прецизионным цифровым указателем часов и минут мгновенного

переключения. Каждую минуту запатентованный механизм перемещает одну или обе цифры указателя минут вперёд. По окончании каждого часа он переключает большое кольцо указателя часа на следующую цифру. Это один из наиболее сложных механизмов современного часового искусства. Не остановившись на

В России и СНГ часы A. Lange & Söhne можно приобрести по следующим адресам: **МОСКВА:** CASSAFORTE, Столешников пер., 14, тел. (495) 4117654; CASSAFORTE, г-ца Marriott Royal, ул. Петровка, 11/20, тел. (495) 9371078; CASSAFORTE, ТЦ «Сфера», ул. Н. Арбат, 36, стр. 3, тел. (495) 6907470; DA VINCI, Смоленский пассаж, Смоленская пл., 3-5, тел. (495) 9378089; LOUVRE, отель RITZ-CARLTON, Тверская, 3, тел. (495)9814282; **САНКТ-ПЕТЕРБУРГ:** ETERNEL, отель «Астория», ул. Большая Морская, 39, (812) 4945123;

Теперь об этом возвещает звук гонгов.

**Часы LANGE ZEITWERK
STRIKING TIME.**

Шедевр, мерно отбивающий
время раз в четверть часа.
Отныне ход времени можно
постигнуть даже с закрытыми
глазами.

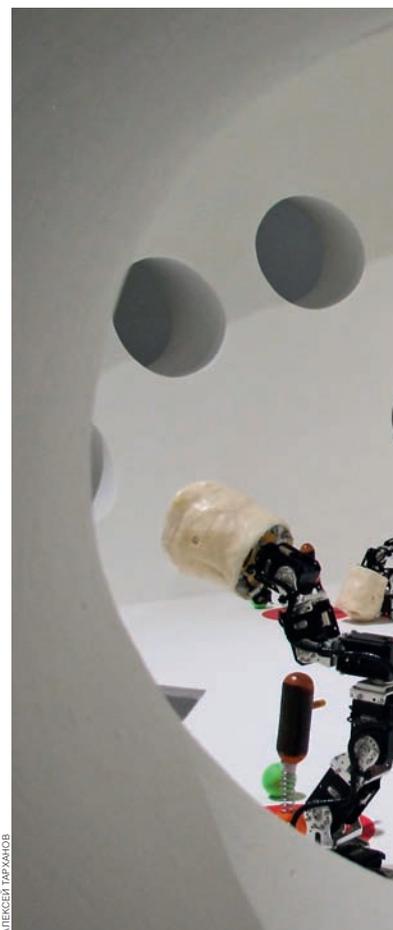
A. LANGE & SÖHNE
GLASHÜTTE I/SA

том, мастера Lange сделали ещё один шаг вперёд. LANGE ZEITWERK STRIKING TIME – это наручные часы, которые ещё и отмечают ход времени звуковыми сигналами. Устройство боя издаёт удар высокого тона каждую четверть и удар низкого тона каждый час. Энергия для этого устройства накапливается при

каждом переключении дисков указателя времени. Чтобы звучание часов было гармоничным, мастера настраивают гонги в большую терцию, для этого необходима высокая квалификация и безупречное восприятие звука. Требуются месяцы кропотливой работы, выполняемой вручную, чтобы изготовить этот звонкий шедевр.

ЕКАТЕРИНБУРГ: ул. Сакко и Ванцетти, 74, тел. (3432) 156003; **РОСТОВ-НА-ДОНУ:** ЗОЛОТОЙ ВЕК, ул. Б. Садовая, 37, тел. (863) 2679070; **КИЕВ:** CRYSTAL, ул. Владимирская, 20/1а, тел. (+38044) 2786111; **ДОНЕЦК:** CRYSTAL WATCH CENTER, ул. Артема, 121, тел. (+38062) 3357646; **ДНЕПРОПЕТРОВСК:** ИМПЕРАТОР, гранд-отель «Украина», пр-т К. Маркса, тел. (+38056) 3703839; **АЛМАТЫ:** PREMIER, ул. Богенбай Батыра, 126, тел. (3272) 507733; **БАКУ:** LOUVRE, отель Хайат, ул. Измир, 1033, тел. (+99412) 4977990. www.lange-soehne.com

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ МАТЕМАТИКА В FONDATION CARTIER АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

— Математические узоры на экране «Сангаку»

— Беатрис Милазес и BUF. «Математический рай»

в fondation cartier рассказывают о видах и формах математического счета и безумия

У выставки в парижском Fondation Cartier pour l'art contemporain два названия — английское «Mathematics, A Beautiful Elsewhere» и французское «Mathématiques — Un dépaysement soudain». По-русски мы бы тоже придумали какое-нибудь свое, залихватское «Математика — царица наук». Хотя лучшим названием здесь была бы какая-нибудь математическая формула. Как никак язык цифр остается единственным эсперанто, на котором реально говорит человечество. Жаль, что понять этот язык суждено немногим, хотя его и преподают в школах и институтах.

Выставка в Fondation Cartier, проходящая под патронажем ЮНЕСКО, и есть вольный перевод с математического. Ее создали девять знаменитых ученых и девять знаменитых художников, решившихся рассказать о науке языком современного искусства. Начинали математики, работающие в разных серьезнейших центрах мира вроде Европейского космического агентства или Женевского CERN с его Большим адронным коллайдером. Продолжали художники (среди них Раймон Депардон и Клодин Нугаре, Жан-Мишель Альберола, Хироси Сугимото, Беатрис Милазес), попытавшиеся понять, о чем им толкуют, и продемонстрировать это зрителям.

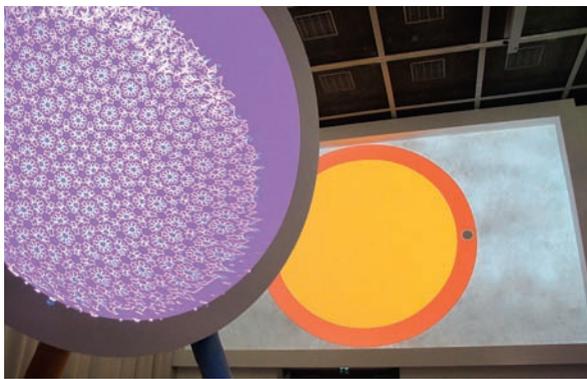
Работа заняла три года, и до сих пор непонятно, удалось ли воплотить задуманное или же затея была с самого начала обречена на фиаско. Во всяком случае, художественные критики хранят по поводу выставки испуганное молчание. Что вполне понятно: математика и сделана для того, чтобы вопросы формы свелись к набору данных, не интерпретируемых никаким иным образом, кроме самой математики. Она сама себя комментирует и сама собой манипулирует. В каком-то смысле «царица наук» — прямой путь к заразительному безумию, о чем и твердят нам все последние фильмы про гениальных математиков: «Игры разума» с Расселом Кроу, «Пи» с Шоном Гуллеттом или «Доказательство» с Энтони Хопкинсом. В эти дебри может зайти только очень сильный и специально образованный человек, а современные

художники категорически не любят чувствовать свою неполноценность. Они прекрасно понимают, что математики — куда более радикальные художники, чем они сами. Отказались бы Дэмиен Хёрст или Джефф Кунс от премиального миллиона? Да никогда и ни за что. А Григорий Перельман отказался, как ни уговаривали.

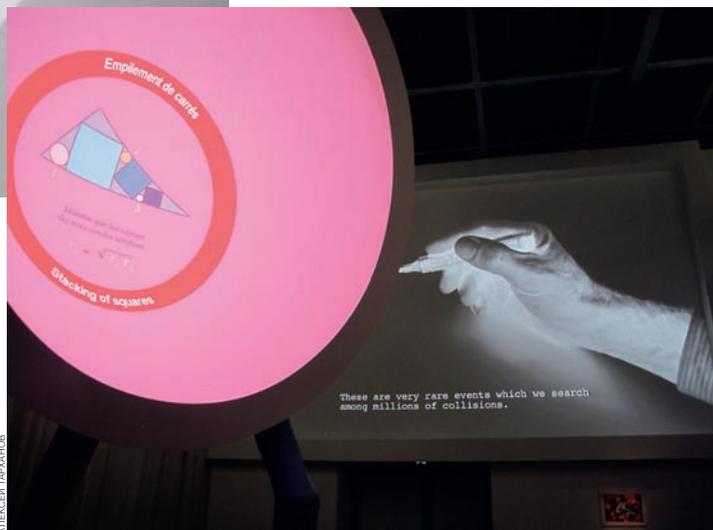
Главным профессором на выставке был 69-летний Misha Gromov, он же знаменитый в очень узких кругах Михаил Леонидович Громов, уроженец Бокситогорска и гражданин Франции, действительный член нескольких мировых академий. Его главным партнером стал знаменитый в самых широких кругах 67-летний американский режиссер Дэвид Линч. Тем не менее нет никаких сомнений в том, кто здесь был ведущим, а кто — ведомым.

Срежиссированная Линчем выставка имеет несколько роскошных кульминационных моментов и несколько нестерпимых длиннот, как и во многих его фильмах. Первый ударный эпизод — «Библиотека тайн». Это замкнутая в круглых стенах то ли гостиная с покойными красными креслами, то ли храм со стройными белыми колоннами, где в камине горит мультипликационный огонь, а на экране проходят цитаты из математических классиков — от Архимеда до Пуанкаре. Это, так сказать, история вопроса и подготовка к экзамену, который ожидает нас в следующих залах.

Установка, названная «Сангаку», — главная часть инсталляции «Комната четырех загадок». Речь идет о названных кураторами-учеными четырех тайнах света: природе законов физики, зарождении жизни, мыслительных функций мозга и загадке математических структур, связанных с простыми числами. Сангаку — деревянные дощечки с геометрическими задачами, которые вешались в XVII–XIX веках в Японии при входе в синтоистские храмы. Как итог решения или как вызов для паломников. На парижской выставке это нечто вроде круглого экрана, на который проецируются разнообразные геометрические узоры. Они тоже соответствуют неким реаль-

— «Flower Fields»: искусственное любопытство — маленькие роботы проявляют живой интерес к окружающим

— Рука ученого — это рука художника

пьер райнеро, директор по стратегии и наследию cartier:

— **Fondation Cartier** — это один из самых заметных выставочных центров Франции. Мы внимательно следим за тем, чтобы деятельность Fondation Cartier была полностью отделена от коммерческой составляющей марки. Нам крайне важно, чтобы ни у кого не возникло даже малейших подозрений в том, что Fondation Cartier используется в рекламных целях и вперед здесь выдвигают художников, имеющих какие бы то ни было отношения с Cartier. Я скажу больше: с того момента, когда артиста покажут здесь на выставке, его никогда не пригласят на коммерческую работу для дома. У нас собственное артистическое восприятие Cartier. И дело не в том, чтобы брать произведения искусства и использовать их в наших часах, подобно тому, что Ив Сен-Лоран сделал в середине 1960-х в виде платья «Мондриан». Это не наш метод. Но зато выставки в Fondation Cartier позволяют нам лучше понимать искусство и художественные тренды, это окно в мир. Мы ничего не используем прямо, но получаем важные сигналы, которые позволяют нам понимать эволюцию мира и человеческого сознания и в итоге лучше понимать наших клиентов.

ным задачам, но едва ли доступны для решения посетителей. Это вход в храм науки, которая остается непознанной как божественное провидение, хотя это провидение и состоит на первый взгляд из простой геометрической чешуи. А рядом находится разноцветный коллаж «O, Paradiso» бразильской художницы Беатрис Милазес, представляющий геометрию в окружающем нас мире. Это самая что ни на есть прикладная математика, которая кроется в человеческом теле, в беге зверя, в расцветке леопарда и в узорах павлиньего хвоста.

Очереди стоят к «Цветочному полю» — инсталляции, иллюстрирующей возможности мозга. Речь идет об «искусственном любопытстве». Огромное белое яйцо заключает в себе пять крошечных роботов, которые со смешными гримасками двигаются в зависимости от того, кто заглядывает в их стерильно белое гнездо, напоминающее школьный класс, и какие звуки он при этом издает. Любопытные маленькие роботы выполнены научным отделом французской компании электронных технологий INRIA, и это не выставочный экземпляр, а чуть подработанный художниками исследовательский материал.

Этажом ниже находится карта звездного неба, каждое из созвездий которого названо именем великого математика, возможно, еще и для того, чтобы мы видели, как интернационален математический небосвод. Рядом на экране можно увидеть руку, которая выводит формулы, показывая родство математической графики с каллиграфией и иероглифическим письмом. Понятно, что это буквы, выражающие главную мудрость и главную тайну мира, о чем обмолвился участник выставки художник Хироси Сугимото: «Я думаю, что математика и религия служат одной цели — помочь нам объяснить вещи, которые мы не понимаем». Но кто сказал, что математические абстракции не переводятся прямо на язык искусства? Есть пропорции в архитектуре, есть вписанное в круг классическое изображение человеческой фигуры, есть узоры и орнаменты. Об этом как раз рабо-

та Сугимото — написанная на стене формула стереометрической фигуры воспроизведена рядом в виде металлической скульптуры.

Здесь связь между математикой и инсталляцией самая прямая. В других случаях не так легко разобраться в процессе, который привел художника от констатации научного факта к производству искусства. Что не мешает выставке быть достаточно зрелищной. Можно ведь, даже не зная законов физики, насладиться зрелищем вольтовой дуги. Когда устроители пристают к математикам, пытаясь добиться от них отчета, какие картины предстают перед их умственным взором и видят ли они математические сны, они получают забавные ответы. «Мне не надо для этого закрывать глаза, — говорит один, — но то, что я вижу, не представить визуально». «Самый математический сон, который мне снился, — говорит другой, — это математик, пляшущий в костюме кролика».

Тревожно ощущение людей, выходящих с этой выставки. Они обнаружили, что их окружают цифры. Математика прячется повсюду — всплывает на потолке, подмигивает из камина, лежит в суповой тарелке и смотрит на тебя глазами миниатюрного робота. Так чувствует себя школьник, которому впервые показали в микроскоп, как вокруг него роятся и множатся микробы. И точно так же посетитель пытается забыть это тревожное ощущение, поскольку цифры и числа оказываются вовсе не тем, что он привык контролировать на спидометре машины или на банковском счете. Ощущения, обещанные названием «Dépaysement», чувство потерянности и шок от непривычного, гарантированы.

Вряд ли случайно в дни выставки в том же здании марка Cartier провела заседания своего Fine Watchmaking Club. Это чистая терапия. Главная часовщица Cartier Кароль Форестье-Казани выступает в роли великого утешителя. Как бы сложны ни были законы математики, человек научился сводить их в привычную и удобную форму — механические часы, являющиеся моделью мира и геометрическим феноменом, ничуть не менее важным от того, что он умещается на ладони.

ПРИНЦИП КВАДРАТНОГО КОЛЕСА ЛЕОНИД ПАРФЕНОВ О ЧАСАХ MAURICE LACROIX

дизайн квадратного колеса, придуманный часовщиком Мишелем Вермо, запатентован Maurice Lacroix

— Maurice Lacroix, Masterpiece Roue Carree Seconde: стальной корпус диаметром 43 миллиметра, часовая и минутная стрелки, секундная стрелка в форме вращающегося квадрата, расположенного на «6 часах», запас хода — на «3 часах».

Я не часовой фанат, нет у меня давней, закоренелой привычки носить дорогие часы. В моем, так сказать, домашнем собрании есть три золотых часовых экземпляра, и это милые подарки, которые я, увы, не ношу. Просто честно их складирую. Золотые часы, я уверен, требуют все-таки вечернего костюма. Даже так: они в принципе своем обязывают к костюму. Я же к костюму не всегда бываю готов.

В Maurice Lacroix меня привлекла, во-первых, сталь. Когда мы переговаривались, они показали мне самые разные часы. Я настоял именно на стальных. Сейчас у меня две модели марки, но чаще я ношу их Masterpiece Roue Carree Seconde.

Тут есть любопытнейшая интересная история: это механические, истинно швейцарские часы, но и одновременно это необыкновенный современный дизайнерский объект. Я разобрался в объекте и даже специально съездил на мануфактуру марки, где познакомился с человеком, который все это придумал.

Изобретателя зовут Мишель Вермо. Это он заставил обычную маленькую секундную стрелку, элемент обыденный, стать диковинным дизайнерским штрихом. Вернее так — оригинальным дизайнерским рычагом, узлом, соединяющим в себе круг в форме трехлистника и квадрат. Этот узел, нарисованный и сконструированный Мишелем Вермо, является секундной стрелкой. Сочетание, причем не застывшее, а динамичное, двух основных геометрических элементов представляется мне очень красивым. В этом решении есть и геометрия, и магия, и само часовое движение, и характерность. Стальную модель Masterpiece Roue Carree Seconde я ношу постоянно. Во-первых, с Maurice Lacroix у меня есть контракт. Мы подписали его в 2011 году, и он будет действовать, по крайней мере, до 2013 года. Во-вторых, я хорошо понимаю, что стальные механические дизайнерские часы — такие, как эти, лично мне подходят. Я действительно узнаю по ним время. Это стало естественным делом: не на мобильный же смотреть! Даже если я снимаю их с руки, все равно они при мне — просто ставлю их к стенке, загнув кожаный ремешок, будто они настольные.

Конечно, в Maurice Lacroix меня привлек и Джимми Уэйлс, основатель Wikipedia. Привлек не только, разумеется, часами, хотя я знаю, что он носит скелетон нашего, так сказать, общего бренда. Мне нравится его позиция, то, что он имеет в виду под технологиями Wiki. Wikipedia — как бесконечная энциклопедия. Wikipedia — как неограниченный склад, как уклад знаний и сведений, который никогда не может и не должен остановиться. Это непрерывность знания и познания, коллекционирования и развития, рассмотрения фактов мне импонирует.

КЛАССИЧЕСКОЕ УРАВНЕНИЕ ФОРМАЛЬНЫЕ ОБРАЗЦЫ

— Girard-Perregaux,
1966 Lady Moon
Phases

— A. Lange & Söhne,
Saxonia Thin

— Piaget, Altiplano
Extra-Plate

— Van Cleef & Arpels,
Pierre Arpels Watch
Pink Gold 38 mm

— Montblanc, Star
Classic

— Vacheron
Constantin, Malte
Small Seconds

— Girard-Perregaux,
1966 Small Seconds

— Jaquet Droz, Petite
Heure Minute 35 mm

классические часы
сделать сегодня
гораздо труднее,
чем три года назад

Сегодня мы наблюдаем довольно любопытный момент: краткая, но такая яркая и искренняя эпоха простых классических часов подошла к концу, и ныне часовые дизайнеры находятся в определенном размышлении: итак, какую именно классику предлагать дальше? Еще два года назад такого вопроса не возникло бы: публика бросалась к винтажным моделям, часам-репликам, безыскусным часам в духе ретро, ровно как путешественник в пустыне припадает к живительному источнику.

После радикальных и революционных (как с точки зрения часовых форм, так и в сфере инновационных материалов) 2000-х годов, когда ценились «авторские», авангардные часы, а архивная, музейная составляющая вековой швейцарской часовой промышленности вызывала крайне мало интереса, открытие классических форм обещало долгую производственную жизнь. Но нет: интерес к формальным моделям продержался ровно два года. За это незначительное время покупатели успели приобрести довольно простых, в антикварном духе, часов, чтобы сегодня затребовать что-то новое. И вот здесь и скрывается сложность: сами часовщики не очень понимают, как сохранить часы классикой, но избавить их от скуки?

Вариант первый: сделать часы артистическим продуктом. Вот почему в последний год набрало огромную популярность ремесленное направление, или же Metiers d'Art. Раньше только две марки имели в линейке «ремесленные» коллекции — Cartier (с 1999-го) и Vacheron Constantin (с середины 1990-х). Сейчас модели, созданные по законам Metiers d'Art, есть у каждой уважаемой компании. Metiers d'Art — это и сокровищница, и кузница декоративных ремесел, где представлены все техники — от эмали до гравировок, инкрустаций, микромозаики и гильоше. Именно ремесла призваны теперь заполнить вакуум, образовавшийся в классической нише. Ремесла гарантируют артистизм и демонстрируют приверженность традициям. К тому же декоративные техники нравятся азиатским коллекционерам.

Есть и еще один ход: вводить в простые часы небольшие, но милые технические сложности, которые не портят бы целостности классического облика. Это дата, маленькая секундная стрелка, а также указатели фаз Луны. Такие мелочи не разрушают гармонии, однако придают часам больше технического и монетарного веса, а также лишают их скуки. Покупатель получает часы классического вида, но с «нагруженной» начинкой. Этот ход удачный: формальные часы с маленькой сложностью словно нагружаются дополнительным целебным смыслом.

Екатерина Истомина

ИГРА С БОЕМ

МИНУТНЫЕ РЕПЕТИРЫ SIHH-2012

— Van Cleef & Arpels,
The Midnight Poetic
Wish

— Van Cleef & Arpels,
The Lady Arpels Poetic
Wish

— Jaeger-LeCoultre,
Reverso Repetition
Minutes a Rideau

— Cartier, Rotonde
de Cartier Minute
Repeater Flying
Tourbillon

минутный репетир —
это самое обаятельное
часовое усложнение

Часовых усложнений в наручных часах придумано немало: это и известный лидер всей гонки турбийон, и уравнение времени, и вечный календарь, и разнообразные астрономические экзерсисы. Однако приобретая дорогие часы с любым из упомянутых усложнений, коллекционер покупает «сухие технические строки», сложный часовой узел, который живет и будет жить своей собственной, механической и вполне бездушной жизнью.

Существует, пожалуй, только одно complication, усложнение, которое сопряжено человеку и способно общаться с ним. По крайней мере, подавать хозяину сигналы. Это минутный репетир, часы с боем, издающие мелодичные звуки. Эти музыкальные модели подразумевают именно общение: частенько их владелец прикладывает свои часы к уху, чтобы насладиться работой начинки, калибра. Одним словом, минутный репетир — это самое обаятельное и человеческое часовое усложнение.

Впрочем, это обаяние еще некоторое время назад было не столь очевидным: нынешней популярности минутных репетиров мы обязаны марке Ulysse Nardin, для которой легендарный часовой инженер Людвиг Охслин разработал великолепную «музыкальную» модель Sonata, снискавшую популярность. С тех пор почти каждая старая часовая марка, специализирующаяся на классической чистокровной механике, ежегодно показывает свои вариации репетиров.

Получаются совсем не одинаковые часы. Кто-то, как, например, Girard-Perregaux, упаковывает музыкальный механизм в обычную классическую оболочку. В данном случае формальный, сухопарый часовой образец благодаря мелодичной начинке становится более интимным, «персональным», личным предметом.

Мануфактура Jaeger-LeCoultre в своей модели Reverso, посвященной Венецианскому фестивалю, механизм репетира окружает артистической рамкой. Эта версия Reverso называется «a Rideau», то есть «С занавесом». Сама по себе сложная, раздвижная конструкция со створками, исчезающими в корпусе, представляет театр в миниатюре. Но это не драматический, а музыкальный театр: раскрытие створок, маскирующих циферблат, сопровождается ударами крохотных гонгов репетира.

Но главными минутными репетирами салона SIHH-2012 (а вполне вероятно, и всего начавшегося года) следует признать новые часы Van Cleef & Arpels: это парные часы Midnight (более крупная модель) и Lady Arpels (женская), чьи репетирные механизмы выполнил инженер Жан-Марк Виддерехт. Успех концепции Poetic Complications (или Poetic Wish), придуманной командой VCA, не только в хитроумности калибров. Все модели коллекции в своей сути есть живые спектакли. Теперь еще и с музыкой.

Екатерина Истомина

— Girard-Perregaux,
1966 Minute Repeater

— Jaeger-LeCoultre,
Grande Tradition
a Repetition Minutes

ДРАКОНОВЫЕ ПРАВИЛА КИТАЙСКИЙ ГЕРОЙ НА ЧАСАХ

— Cartier, Cartier d'Art

— Piaget, Dragon & Phoenix

— Richard Mille, Tourbillon Dragon Jackie Chan

— Piaget, Dragon & Phoenix

дракон — главный сказочный герой главного рынка luxury goods

Швейцарский Piaget — один из важнейших домов на китайском рынке: только в одном Большом Китае у марки 17 собственных магазинов плюс бесконечные «точки продаж». Острое, наполненное ногами моды и авангардизма часовое и ювелирное искусство Piaget позволяет азиатским покупателям быть причастными к формату black tie, к щегольству, к дендизму. В Piaget, пожалуй, лучше других знают и чувствуют огромный китайский рынок: не случайно, что именно Piaget выпустил в декабре 2011 года коллекцию Dragon & Phoenix («Дракон и феникс»), обозначив уже самим ее названием тренд сезона. Вернее, не столько тренд, сколько главного героя года — дракона.

Dragon & Phoenix Piaget, как уверяет президент компании Филипп-Леопольд Метцгер, прославляет двух китайских героев (дракон и феникс представляют собой семейную пару), однако не является национальной коллекцией. «Эти часы принадлежат всему глобальному миру», — особо подчеркивает CEO Piaget. А глобальный мир сейчас уже объединен годом Дракона, наступившим 22 января в соответствии с показателями восточного зодиакального календаря.

Эзотерические настроения в международном сообществе, связанные с протестными настроениями, революциями и постоянным напряженным ожиданием финансового кризиса, привели к тому, что национальный китайский дракон оказался символом разнообразных интернациональных надежд. На надежды отреагировали производители luxury goods: рождественские прилавки оказались заполнены фарфоровыми, хрустальными, стеклянными драконами, драконы украсили зажигалки, ручки, вазы, часы, а также товары из кожгалантерейных секций.

Для часовщиков же китайская тема — отличный повод показать свое искусство в такой актуальной сегодня оформительской области, как Metiers d'Art. Само по себе китайское декоративное искусство богато как на цветовые палитры (красный, золотой, черный, зеленый), так и на ремесленные техники, поэтому создавать «что-то китайское» не так уж и сложно. К тому же взаимосвязь между китайской и европейской декоративными культурами очень тесна: европейцы обожают перламутровые инкрустации, цветной китайский лак и каллиграфию, а китайцы, в свою очередь, почитают эмали, гильоше и гравировки. Одним словом, дракон действительно приносит счастье и удачу: пускай пока только в «высокой» часовой области.

Екатерина Истомина

— Parmigiani, Dragon Clock

— Jaquet Droz, Petite Heure Minute Dragon

ОТКРЫТАЯ СХЕМА СКЕЛЕТОНЫ НА SIHH-2012

__Cartier, Grande Complication Skeleton Pocket Watch Caliber 9436 MC

__Cartier, Santos Dumont Skeleton Pink Gold Watch

__Roger Dubuis, Excalibur Double Flying Tourbillon Skeleton in Black Titanium

«кружевные» механизмы подаются как вид декоративного ремесла, а не только механики, как это было прежде

__Piaget, Altiplano Skeleton Extra-Plat: внутри этой плоской и «кружевной» модели установлен ультратонкий калибр 1200S, скелетон-версия знаменитого калибра Piaget 1200P, толщина которого составляет 2,35 мм

__Audemars Piguet, Openworked Extra-Thin Royal oak Limited Edition

__Audemars Piguet, Openworked Extra-Thin Royal Oak Tourbillon Limited Edition

Скелетоны — это, вне сомнений, самые эстетские часы из всех сложных. Прозрачность циферблата, обрамленного только лишь легкой рамкой корпуса, части механизма, выполняющие роль цифр, устройство механических калибров, которое становится единственным декоративным элементом, — таковы основные технические и артистические принципы скелетонов.

«Высокие» часовые марки вроде женеvской мануфактуры Vacheron Constantin время от времени производят скелетоны, не оборачиваясь на моду. Для Vacheron Constantin скелетон — это в первую очередь подтверждение собственного технического совершенства, а не тренд.

Своя история скелетона есть, например, у Cartier: руководитель часового конструкторского бюро марки инженер Кароль Форестье-Казапи несколько лет назад предложила скелетон, частями механизма которого являлись римские цифры, указатели часа. Таким образом, эстетическая «кружевная» конструкция одновременно являлась и техническим решением. Сегодня этот прием можно увидеть в двух новых скелетонах французского дома — сложнейшем «карманнике» Grande Complication Skeleton Pocket Watch Calibre 9436 MC, а также в элегантных наручных часах Santos-Dumont Skeleton Rose Gold.

История современных скелетонов Cartier на самом деле гораздо древнее, чем предложенные недавно Форестье-Казапи оригинальные рецепты. Скелетоны марки ведут родословную от часов настольных — речь идет о Magic, «Магических часах», которые придумывал Луи Картье в 1910–1930-х годах. Скелетон — вообще прекрасный персонаж для продолжения любимых традиций. Так, например, для дома Piaget скелетон в классической ультратонкой модели Altiplano — это еще одно доказательство умений мастеров мануфактуры изготавливать сверхтонкие калибры: скелетон 2012 года имеет калибр 1200S, созданный на базе обычного ультратонкого механизма 1200P, которым комплектуются все Altiplano, выпускаемые с 2009 года.

Традиционалист скелетон, однако, может демонстрировать и авангард эстетического и технического свойства — например, в свежей модели Roger Dubuis. Здесь сложный открытый механизм, сопряженный с турбийоном, имеет немного дьявольский look: черный калибр Excalibur, словно inferнальная паутина, намекает на новую «рисковую» идеологию марки, придуманную ее патроном Жоржем Керном.

Екатерина Истомина

КАРАТНАЯ ФУНКЦИЯ HIGH JEWELRY WATCHES

— Cartier, Classic Riviere Montre

— Chaumet, Attrape-moi Haute Joaillerie

— Piaget, Dragon & Phoenix

— Piaget, Dragon & Phoenix

— Cartier, High Jewelry Watch

— Jaeger LeCoultre, Rose Watch Piece Unique

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННЫХ часовых моделей high jewelry началась в 1979 году, когда дом Vacheron Constantin выпустил Kalla

Часы класса high jewelry часовщики и примкнувшие к ним даровитые ювелиры изготавливали, кажется, всегда: будь ты хоть самый строгий и техничный часовщик, все равно придет роковой момент, когда мировая общественность потребует от тебя рекордного по каратности бриллиантового опуса.

Ярким примером здесь может послужить история благородной механической марки Vacheron Constantin и женской модели Kalla, сделанной на Женевской мануфактуре в 1979 году. Миниатюрные, полностью бриллиантовые (и браслет, и корпус) часы Kalla, на которых трудно было обнаружить цифры и стрелки, оказались в итоге самыми дорогими часами того веселого десятилетия. Часы Kalla пришлось очень кстати: ведь представители нефтяных монархий Персидского залива только еще начинали входить во вкус, растрачивая гигантские суммы на европейские luxury goods. Смычка величественной, вековой часовой техники и как бы «дамского», нежного бриллиантового ремесла выглядела весьма необычно, но с тех пор, с 1979 года, прошло много времени.

Восходила на поверхность не только арабская, но и русская нефть, поднимали голову азиатские «молодые тигры», регулярно присматривались к выдающимся образцам аккуратные японцы в белых перчатках. Так, pièce unique, бриллиантовые или иные драгоценные часовые модели, сделанные в единственном экземпляре, стали обязательной частью ежегодной выставочной программы большинства марок высшего жанра. Даже такой суровый часовой генерал, как Patek Philippe, и тот стал в 2000-х оснащать свои сложнейшие астрономические модели увесистыми багетными белыми бриллиантами на безеле. Что же поделать, если томный Восток предпочитает complications в бриллиантовой рамке?

При создании часов класса high jewelry часовщики и ювелиры находятся в равном положении, хотя, казалось бы, именно ювелиры должны выигрывать. Но дело в том, что современные часы high jewelry требуют не только традиционно ювелирных умений, но и часового мастерства. Техническое мастерство накладывает свой отпечаток на размер механизма: чаще всего он бывает миниатюрным, почти микроскопическим, как в моделях 101 Calibre Jaeger-LeCoultre, или же совсем плоским, как у Altiplano Piaget. Как раз техническое решение часов напрямую влияет на весь эстетический результат. Иногда, впрочем, часовщики играют первую скрипку, обращаясь к ювелирам лишь с просьбой усыпать получше бриллиантами уже давно известную и готовую модель — так было у Hublot и Big Bang (часы за один, а потом и за два миллиона долларов) и у Piaget с Polo Tourbillon.

Более того, современные часы high jewelry должны быть эргономичными, представлять собой объемную скульптуру, которая при иных обстоятельствах может даже стать подвижной. Речь идет в данном случае о продолжающих быть популярными «часах с секретом», Montre a Secret, демонстрирующих «спрятанное время». Такие модели традиционны для ювелиров Van Cleef & Arpels и Cartier, а также для часовщиков и ювелиров из Piaget. У Cartier в последние три года появился новый нюанс: откидывающиеся от корпусов «крышки» выполняются не из драгоценных металлов, а из драгоценных камней, украшенных гравировками в духе исторической и фирменной для дома техники tutti-frutti. Таким образом, ювелирная составляющая повышает в сложных технических часах high jewelry свое значение.

Екатерина Истомина

ЦВЕТ СЕЗОНА ВСЕ ОТТЕНКИ СИНЕГО

__ La Mini D de Dior

__ Ulysse Nardin,
Classico

__ Chaumet, Class
One Titane Deep

__ Jaquet Droz, Petite
Heure Minute 35 mm

__ Cartier, Rotonde
de Cartier 42 mm
Tiger Motif

__ Vacheron
Constantin, Metier
d'Art Les Univers
Infinis Fish

__ Jaeger-LeCoultre,
Reverso Squadra
Art Ice

__ Jaeger-LeCoultre,
Grande Reverso Blue
Enamel

синий цвет дарит часам разные маски, не затрагивая при этом классическое содержание

Синий цвет с завидной периодичностью окрашивает часовые циферблаты, стрелки, цифры и ремешки, от каучуковых до сатиновых. Как правило, в синем цвете издаются спортивные модели (IWC, Vaume & Mercier, Rolex, Zenith, Breitling, Omega, Chanel), при этом вовсе не обязательно, чтобы они являлись по-настоящему спортивными часами, способными служить в состязаниях.

Синий цвет также отвечает за средиземноморский романтический историзм и элегантность. Например, хорошо известны великолепные коллекционные синие часы Piaget из серии Polo Tourbillon Relatif: первая модель была посвящена городу Венеции (часовщики Piaget в 2007-м закончили реставрацию старинного механизма на башне Torre dell'Orologio), вторая — яхтам. Обе модели были расписными — за «синюю» эмалевую часть отвечала мастер Анита Порше — и лимитированными.

Сегодня синий цвет присутствует не только в спортивной секции, но и в формальной классической (например, у Ulysse Nardin или Jaquet Droz), ювелирной (Piaget, Chaumet), в сегменте часов grand complication, как у Greubel Forsey, а также в самом популярном жанре — Metier d'Art, как у зачинщиков тренда Vacheron Constantin и Cartier. Словом, синий цвет стал зачем-то очень необходим часовщикам и ювелирам. Вопрос — зачем?

Популярность синего цвета в огромной степени связана с расцветом классических часов, их ренессансом, стартовавшим в 2008 году в связи с мировым финансовым кризисом. Запрос на классические часовые формы и цвета (золотой, белый, коричневый и серый) регистрировался в 2008–2010 годах. Теперь простая, сермяжная часовая классика стала совсем привычной, если не приелась вообще. Вводя следующий по важности цвет — исследуемый нами синий, часовщики и ювелиры стремятся поменять что-то внутри старых, проверенных временем форм, придать этим формам динамики и оживленности.

Итак, синий есть в актуальных эмалях — у Piaget, Cartier, Ulysse Nardin, Jaquet Droz, Jaeger-LeCoultre. В синий цвет окрашены ювелирные часы Jaeger-LeCoultre: за нужный небесный оттенок здесь отвечает уже не эмаль, а стандартные синие сапфиры. В синем цвете выпущены новые версии классических спортивных часов Omega Planet Ocean. Певцы милитаристского винтажа Bell & Ross тоже выбирают синий цвет, чтобы добавить ставшим скучноватыми «авиаторам» спортивности. Одним словом, синий цвет оказывается действительно уникальным: он способен подарить разные артистические маски, не затрагивая при этом классической сути предмета.

Екатерина Истомина

ПАЛИТРА НА РУКЕ FASHION-НАПРАВЛЕНИЕ

— Chopard,
Happy Sport Carre

— Boucheron,
Reflet 1947

цветным ремешкам на золотых часах сегодня отведена костюмная роль

— Jaeger-LeCoultre,
Grande Reverso Lady
Ultra Thin

— Ralph Lauren,
Slim Classic Collection

Споры о том, кто именно придумал сменные цветные ремешки для часов, ведутся постоянно и иногда даже обостряются. Между тем первооткрывателем в этой области является вовсе не часовая, а ювелирная фирма: в 1947-м, в год new look великого Диора, легендарная парижская марка Boucheron выпустила модель Reflet, которая, кстати, успешно существует в линейке компании до сих пор.

Плоский золотой с продольными насечками корпус Reflet предлагался в комплекте с тремя ремешками: черным, красным и коричневым. Конструкция корпуса модели Reflet de Boucheron отличалась истинно галльской шегольской композиционной хитростью: цветные кожаные ремешки можно было менять практически мгновенно, не рискуя повредить маникюр. Reflet были сделаны в благородных целях экономии: в тяжелые послевоенные годы публике отчаянно хотелось выглядеть понаряднее, но только вот средств на шик не хватало. Так, одни часы Reflet с тремя разноцветными ремешками заменяли три модели.

В 1990-х в Piaget отправились тем же путем: знаменитая модель Miss Protocol (кстати, ее плоский корпус с продольными насечками невероятно напоминает корпус Reflet de Boucheron) предлагала ту же игру в цветные ремешки. Только теперь эти ремешки были не из кожи, а из непривычных для часового дела материалов — тафты, денима, шелка и даже меха норки.

В 2000-е годы новый цвет ремешка стал обязательной программой для непрофильных марок: и здесь даже прослеживалась определенная схема появления нового оттенка. Часовщики и ювелиры отставали от fashion-дизайнеров на сезон. За прошедшее десятилетие мы видели оранжевый, розовый, голубой, зеленый, серый, лиловый, бежевый и, конечно же, белый сезоны. В конце концов даже серьезные часовые механики вроде Patek Philippe, Girard-Perregaux, Jaeger-LeCoultre и Blancpain стали оснащать свои женские часы цветными ремешками. Был (и остается) в этой круговерти и заметный коммерческий резон: довольно только поменять один цвет на другой на одной и той же модели, и вот уже можно, как кажется многим, говорить о какой-то принципиальной разнице.

Сегодня цветным ремешкам отведена весьма почетная костюмная роль: они отвечают за моду, за fashion, за все «сиюминутное».

Екатерина Истомина

— Baume & Mercier,
Linea Strap
Spring-Summer 2012

— Baume & Mercier,
Linea Strap
Spring-Summer 2012

— Baume & Mercier,
Linea Strap
Spring-Summer 2012

— Dior, Christal Red
Quartz Diamonds-Set
33 mm

НА ПРИЦЕЛЕ ВОЕННЫЕ ФОРМЫ

__Hublot, Big Bang
Boa Bang

__IWC, Big Pilot's
Watch Top Gun
Miramar

__Panerai, Radiomir
California 3 Days
47 mm

__Panerai, Radiomir
SLC 3 Days 47 mm

__Baume & Mercier,
Capeland

__Montblanc,
Timewalker GreyTech

__Parmigiani, Tonda
1950 Special Edition

iwc и panerai, исторические спутники военных министерств, возглавили новый марш-бросок

Милитаристская тематика не появлялась на часовом поле битвы более пяти лет: в последний раз военные сюжеты были связаны в первую очередь с существенным обновлением знаменитой авиаторской линейки IWC Big Pilot's Watch. Тестирование новых «авиаторов» мануфактуры из Шаффхаузена было обставлено в лучших военных традициях: по приказу президента компании Жоржа Керна в январе 2006 года был арендован аэродром в Гудвуде. Приехавшую в графство Хэмпшир прессу одели в летные костюмы времен Второй мировой войны и заставили хорошенько померзнуть на обледенелой взлетной полосе: нашему вниманию тогда были предложены полеты легендарного британского бомбардировщика Spitfire, одного из главных участников «Битвы за Англию». Так, с участием стариков британской авиации были запущены новые авиаторские часы IWC, марки, впервые сделавшей часы для британских ВВС в 1936 году.

Вообще, военная тема и соответствующие материалы присутствуют в архивах всех часовых марок — от Longines и Breitling до Breguet, Panerai и A. Lange & Sohne. Служение оборонке, масштабные военные заказы (чаще всего от летчиков) в первой половине XX века для Первой и Второй мировых войн не афишировались. Лишь спустя многие годы (как это видно на примере Panerai) публика смогла увидеть рассекреченные высокоточные модели, созданные для тех, кто воевал.

Кроме Big Pilot's Watch IWC, еще одной рассекреченной моделью стала Panerai Radiomir. Эти харизматичные часы были сделаны по заказу итальянских военных для водолазов в 1936 году: флорентийцы к тому времени уже восемь десятилетий поставляли национальному флоту различное подводное оборудование, от компасов до фонарей. В середине 1990-х, когда марка окончательно перешла на гражданское положение и стала частью Richemont Group, великие военные образцы были переизданы и на счастье тысячам поклонников Panerai во всем мире оказались доступны широкой публике. Конечно, нынешние милитаристские часовые упражнения, будь то новенькие Radiomir SLC или Radiomir California Panerai, а также полностью обновленная линейка IWC Big Pilot's Watch, не имеют под собой никакой угрожающей инициативы. Это просто техническая, функциональная игра в войну, а быть может, еще одно напоминание о том, что война хороша только в форме постановочного рекламного ролика.

Екатерина Истомина

УБИТОЕ ВРЕМЯ О ЧАСАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ

— Последний русский царь **Николай II**: императорский поезд между Царским Селом и Ставкой, 1915

— Первая парижская афиша «Фантомаса», 1913

— Omega, Petrograd Watch, 1915

— Плакат, призывающий служить в армии, 1915

Строки Андрея Белого (1921) «Мир рвался в опытах Кюри // Атомной, лопнувшей бомбой // На электронные струи // Невоплощенной гекатомбой» считаются пророческими. Да, термин «атомная бомба» он угадал. Но это не озарение, а сугубый реализм, подведение итогов десятилетия: мир взорвался — осколки до сих пор рикошетируют.

Мощнейший же — не символический, а реальный взрыв, превзойденный позднее только Хиросимой, прогремел 6 декабря 1917 года: во французский военный транспорт «Монблан», груженный двумя с половиной тысячами тонн тринитротолуола и тринитрофенола, врезался на рейде Галифакса норвежский корабль. Взрывная волна подняла цунами, снесла половину города, завязывала узлом железнодорожные рельсы. 2 тысячи человек, включая 600 детей, погибли, 9 тысяч были ранены, 400 ослепли. А вы говорите «Титаник»... Банально видеть прообраз мировой гекатомбы во встрече (14 апреля 1912 года) крупнейшего лайнера с айсбергом, унесшей полторы тысячи жизней. «Титаник» погибал два с половиной часа — старый мир ушел под воду мгновенно.

От встречи с айсбергом ускользнуть проще, чем от немецких торпед: 4 февраля 1915 года Германия объявит полномасштабную подводную войну. 7 мая у берегов Ирландии уйдет в пучину пароход «Лузитания» с тайным грузом боеприпасов в трюме. Катастрофа погубила столько же душ, сколько и «Титаник», знаменовав перелом общественного мнения в США к отказу от изоляционизма. 21 октября 1917 года экспедиционный корпус генерала Першинга высадится во Франции и — в символическом смысле — не уйдет оттуда никогда. «Закат Европы», объявленный (1918) Освальдом Шпенглером, — это и капитуляция Европы перед джазом, Голливудом и долларами.

Но в начале 1910-х годов «прекрасная эпоха» была поистине прекрасна. Гийом Аполлинер оплакивал любовь, уносимую Сеной под мостом Мирабо (1912). 17 марта 1916 года осколок попадет ему в голову, когда он будет читать в траншее символистский журнал «Меркюр де Франс», а 9 ноября 1918 года

поэта добьет «испанка». Он умрет в день конца войны, бредя, что толпа, ликующе требующая под его окнами «Смерть Вильгельму!», жаждет его крови.

Друзья Аполлинера восхищались бродяжкой Чарли, засеменившим по экрану 7 февраля 1914 года: ему в фильме «На плечо!» (1918) выпадут траншеи Шампани. Поль Абади достроил наконец (1914) на Монмартре собор Сакре-Кер: открытие отложится на пять лет, за которые Франция лишится древнего Реймского собора. 17–19 сентября 1914 года его пинакли и трифоры развеют в прах 300 немецких снарядов.

Парижане не могли нарадоваться такси Renault AG1 Landaulet, разгонявшимся до 25 км/ч. Благодаря этим машинам 27 апреля 1912 года публика, покидавшая театры и рестораны, не опоздала на увлекательный спектакль. В пригороде Шуази-ле-Руа на их глазах погиб в многочасовом сражении с полчищами правопорядка анархист Жюль Бонно, первым пересадивший свою кровавую банду на «моторы». 5 сентября 1914 года генерал Жозеф Галлиени, военный комендант покинутого правительством Парижа, реквизирует сотни таких такси: они перебросят на Марну солдат, закрывших немцам дорогу на столицу. С водителями расплатятся по счетчику.

Василий Кандинский задумался «О духовном в искусстве» (1911). Но абстракционистов как гениев камуфляжа востребует война. Будетляне отвечивали «Пощечину общественному вкусу» (1912) и праздновали «Победу над солнцем» (1913). Но их вкус к примитивному искусству сгодится для грубых урапатриотических лубков, потом — для «Окон РОСТА». Важнейшим из искусств станет пропаганда. Британский плакат с лордом Китченером (1914) преобразится в американский (1917) — с дядей Сэмом, тычущим пальцем: «Те нужен американской армии». Потом — в «Ты записался добровольцем?» (1920) Дмитрия Моора. На гражданской войне не расстреливают пленных оркестрантов, а заставляют исполнять старые марши с новыми словами.

Антропософы Рудольфа Штайнера возводили (20 сентября 1913 года) капиче Гётенаум в Дорнахе. Но главное духовное прозрение эпохи — «Черный

— Vacheron Constantin, карманный хронометр с запасом хода, 1919

— Ленин на параде, Красная площадь, Москва, 1919

— Февральская революция в России, 1917

— Cartier, настольные часы с фазами Луны, 1912

— Cartier, часы на подвеске, 1915

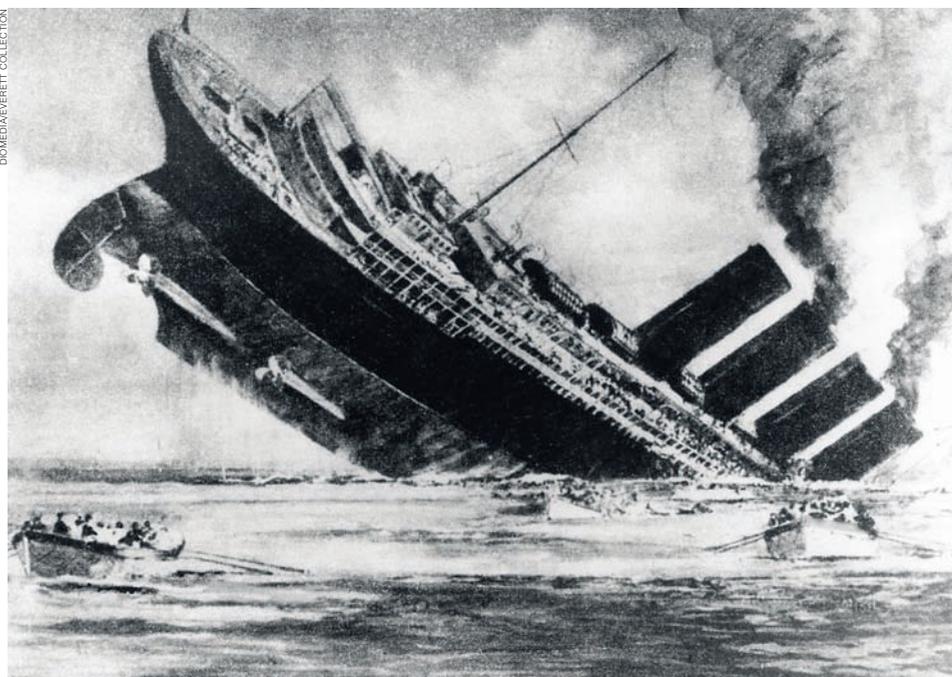

— Cartier, Santos, 1915

— Французское военное кладбище в Бельгии, 1918

DOMEDIA/EVERETT COLLECTION

— Гибель «Лузитании», торпедированной немецкой подводной лодкой, 1915

квадрат» Казимира Малевича, явленный 19 декабря 1915 года на петроградской выставке «0.10». Черный, как черные дыры, описанные Карлом Шварцшильдом (1917). Черный, как глаза без зрачков на портретах Амедео Модильяни. Черный, как будущее без будущего.

Малевич лукавил, утверждая, что написал «Квадрат» еще в 1913 году. Честнее признать пророчествами трупную вечерю «Пира королей» (1913) Павла Филонова, мучительные новеллы Франца Кафки «Превращение» и «В исправительной колонии» (1914).

Пьер Сувестр и Марсель Аллен пугали читателей «Фантомасом» (1911). На афише фильма Луи Фейада (апрель 1913 года) злодей в черной полумаске, цилиндре и фраке перешагивал через парижский Дворец правосудия. Так же перешагнет через старый мир ражий «Большевик» (1920) Бориса Кустодиева. 22 августа 1911 года итальянский гастарбайтер Винченцо Перуджо бесхитростно вынес из Лувра «Джоконду». Кража века, в которой подозревали Аполлинера и Пикассо, — анекдот да и только. Жест Марселя Дюшана, пририсовавшего Джоконде усы (1919), — уже не анекдот, а похороны «высокой культуры», беспомощной перед лицом варварства.

Ужасной, но случайной платой за прогресс оказалась гибель (21 мая 1911 года) французского военного министра Мориса Берго и тяжелое ранение премьер-министра Эрнеста Морриса. На старте первых авианонок Париж—Мадрид летчик Луи-Эмиль Трен вынужденно приземлился им на головы. Но вскоре все чудесные летающие машины будут ассоциироваться со смертью. 1 октября 1910 года Джулио Джодити впервые отбомбился по далекой Триполитании. Но уже 3 августа 1914 года бомбы упадут на французский Люневиль, 6-го чудовищные туши цеппелинов нависнут над бельгийским Льежем, 30-го — атакован Париж, 21 декабря — Кент. Только 13 июня 1916 года под бомбами погибнут 162 лондонца, а с сентября цеппелины терроризируют город еженощно. Парижане страдают (март—сентябрь 1918) еще и от 400

килограммов снарядов «Парижской пушки»: один из них убил в церкви Сен-Жерве 91 прихожанина.

Мало кого взволновала высылка (1911) из Турции 70 тысяч итальянцев. Но это был пролог и геноцида миллиона человек, начавшегося 30 мая 1915 года с декрета младотурков о депортации армян в пустыню, и резни солдатами Ататюрка греков, заплативших за желание Греции (май 1919-го) урвать кусочек покойной Османской империи.

До 1914 года даже эксцессы соответствовали стилю «прекрасной эпохи». 29 мая 1912 года — скандал на премьере в театре Шатле «Послеполуденного отдыха фавна» Клода Дебюсси, дебюта Вацлава Нижинского как хореографа. Редактор «Фигаро» Гастон Кальметт (Марсель Пруст тепло посвятит ему в ноябре 1913-го «По направлению к Свану») обличал «порочные движения, полные животной эротичности, и навязчиво бесстыдные жесты». 16 марта 1914 года мадам Кайо, жена министра финансов, разрядила в него браунинг, спрятанный в муфточке: Кальметт травил ее мужа, грозился опубликовать его интимную переписку. Председатель суда обращался к убийце не «Обвиняемая, встаньте», а «Не будете ли вы так любезны встать, мадам».

28 июля 1914 года — в тот день Австро-Венгрия атаковала Сербию — мадам оправдали. 29 июля известие об этом воодушевили Рауля Вийена, сошедшего на перрон Северного вокзала с револьвером в кармане. Слезливый мечтатель-девственник, начитавшись патриотических газет, приехал убивать вождя французских социалистов Жана Жореса, единственного, кто еще мог предотвратить катастрофу, объявив вместе с немецкими соратниками общеевропейскую стачку. Вечером 31 июля Вийен выстрелит ему в затылок через окно кафе «Круассан». Назавтра — война: социалисты дружно проголосуют за военные бюджеты.

28-летний Вийен по своему развитию был подростком. Совсем ребенок — 20-летний Гаврило Принцип, застреливший 28 июня 1914 года в Сарае-

— **Эдвард Лоуренс**, он же Лоуренс Аравийский, Палестина, 1916

— **Vacheron Constantin**, две ранние модели в корпусе «бочка», 1913 и 1915

— **Бомбардировки** на Западном фронте, 1915

— **Вацлав Нижинский**, «Послеполуденный отдых фавна», Париж, 1912

— **«Усатая Джоконда»** Марселя Дюшана, 1916

— **Breitling**, нагрудный хронограф, 1915

во эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жену. Мировую катастрофу готовили генштабисты, но спровоцировали мальчишки. Та же молодежь — парижские апаши, рязанские крестьяне, лондонская богема — составила львиную долю погибших. Под Верденом, где за два дня (21–22 февраля 1916 года) на французские позиции упали два миллиона снарядов, и при Пасхендале, где сотни тысяч удобрили собой лоскутки земли, бесконечно переходившие из рук в руки. В Мазурских болотах и Галиции, под Капоретто, где бежала армия Италии, вступившая (23 мая 1915 года) в войну без единого орудия, и Соммой, где дебютировали (15 сентября 1916 года) танки.

Разодранные в ключья. Засыпанные заживо в зловонных тысячекилометровых траншеях. Растворившиеся в серо-зеленых газовых облаках, накрывших окопы солдат с Мартиники под Ипром (22 апреля 1915 года). Загубленные в бессмысленном десанте под Галлиполи (апрель 1915 года) австралийцы. Умершие в лазаретах — бывших столичных пятизвездных отелях. Принесенные в жертву генералом Нивелем, алчущим славы, на страшной Шменде-Дам. Расстрелянные «для примера» — чтоб другие знали страх божий. Никто не мог объяснить: за что? Война не имела смысла.

Европа — одно огромное кладбище. 10 миллионов убитых. 20 миллионов, унесенных (1918–1920) «испанкой». Вместе с ними конвейер анонимных смертей унес все идеалы и иллюзии, все, чему учили дома, в школе и церкви. Погибло и само искусство. В его конце заключен пафос движения, выбравшего своим именем бессмысленное «дада». Поэты, укрывшиеся от мобилизации в Швейцарии, давали с 5 февраля 1916 года кошачьи концерты в цюрихском кабаре «Вольтер» — по словам Гуго Балла, одного из них, «пляски психов во мраке».

Разумеется, психов: разум спятил. С 20-летним психом Жаком Ваше познакомился (январь 1916-го) в госпитале, где тот лечился после ранения, юный

интерн Андре Бретон. Ваше оставил пригоршню рисунков и текстов: «Искусство — гнусность». Бретон подхватит: «Убить искусство — неотложная необходимость». 18 мая 1917 года Ваше в форме британского офицера, размазавая револьвером, попытается сорвать кубистический балет Эрика Сати, Пикассо и Жана Кокто. 6 января 1919 года он умрет от передозировки опиума и станет иконой авангарда.

Когда кончилось время Жореса, пришло время Ленина, провозгласившего в Циммервальде (сентябрь 1915-го) превращение империалистической войны в гражданскую. Так и случится: 8 ноября 1918 года мировая война просто перейдет в новое качество. Можно было бы назвать ее войной Коминтерна, созданного 4 марта 1919 года, но она началась раньше, без всяких Коминтернов, когда чаша терпения переполнилась.

Лидер австрийских социалистов, друг Эйнштейна, борец за мир Фридрих Адлер «вдруг» (21 октября 1916 года) застрелил в венском ресторане премьера Карла фон Штюрка.

На Знаменской площади Петрограда солдат, вместо того чтобы разгонять демонстрантов, «вдруг» (25 февраля 1917 года) застрелил жандармского пристава. Уже 2 марта отречение Николая II обречет его с семьей на гибель в екатеринбургском подвале (17 июля 1918 года), с фронта хлынут орды дезертиров, 25 октября власть сама упадет в руки большевиков, начнется пятилетняя гражданская война.

«Вдруг» взбунтовались (май 1917-го) и едва не пошли на Париж солдаты 68 из 112 французских дивизий. Их остановили заградотряды и террор военных трибуналов, но солдаты русского корпуса удерживали лагерь Ла-Куртин два с половиной месяца и сдались с боем.

Повсеместно белый и красный террор соперничали между собой в люто-сти. Само это «цветное» деление пришло из Финляндии, где (январь—май 1918-го) генерал свиты Маннергейм раздавил Советы и первым в Европе

—Omega «R.A.F. Mark V», 1918

—Cartier, часы в несессере, 1917

создал концлагеря, где погибли до 20 тысяч человек. Большевики, создав концлагеря в ответ на покушение (30 августа 1918 года) на Ленина, лишь подражали ему. Утонут в крови и берлинские Советы. Подавив восстание «спартаковцев», солдаты социалиста Носке, гордо назвавшего себя «кровавой собакой», бросят в канал тела Розы Люксембург и Карла Либкнехта (15 января 1919 года). Но все новые советские республики будут возникать вновь и вновь. Бременские Советы сдадутся почти без боя (4 февраля 1919 года). Баварские — во главе с писателем-экспрессионистом Карлом Толлером — будут драться до конца, хлопнут дверью, расстреляв членов ультраправого мистического общества «Туле». Венгерские Советы (21 марта 1919 года) бросят красную гвардию на советизацию Словакии, но их самих через четыре с половиной месяца втопчут в землю румынские интервенты. Это все хорошо известные коллизии. Но были еще и 15 тысяч мятежных моряков из Киля, которые в октябре 1918 года, вернувшись в родные края, объявили Эльзасскую советскую республику во главе с пивоваром Ребхольцем. Французские войска трижды в ноябре 1918-го — январе 1919-го разогнали люксембургские Советы. В апреле 1919 года целых 12 дней существовала советская республика в ирландском Лимерике — отличная тема для лимерика. Что-то прослышав про политическую моду, объявил (июнь 1920-го) Иранскую советскую республику в Гиляне разбойный атаман, сорвиголова Кучек-хан. Мирные договоры, подписанные в Версале (28 июня 1919 года), Нейи (27 ноября 1919 года) и Севре (10 августа 1920 года), не упорядочили границы после распада Германской, Австро-Венгерской, Российской и Османской империй, а только усилили кровавый хаос. Возводились карточные домики эфемерных государств, вольных городов. Нестор Махно опробовал на огромной территории модель анархической республики, передвигавшейся

—Уничтожение германских дирижаблей. Обложка французского сатирического журнала, 1915

—Чарли Чаплин в собственном фильме «На плечо», 1918

—Рекламная афиша французского ювелирного дома Chaumet, 1912

—Нестор Махно с боевыми товарищами, 1919

на тачанках. От карельской Северной Ингрии отделилась Западная. От Венгрии — Республика Прекмурье. Генерал Люциан Желиговский оттяпал (октябрь 1920-го) от Литвы некую Среднюю Литву. Сочинить себе какое-либо великое герцогство попытались и шатающиеся не у дел прусских вояк. Новые государства первым делом старались оттяпать кусок соседей. Рекорд поставила Польша: за три года она четырежды повоевала с Германией за Познань и Силезию, с Украиной, Россией, Литвой и Чехословакией. Осетия — с Грузией, Грузия — с Арменией, Армения — с Азербайджаном и Турцией. Италия — с Албанией и Югославией. Югославия — с Черногорией. Барон Роман Федорович фон Унгерн-Штернберг замахнется на возрождение империи Чингисхана. Декадент Габриеле д'Аннунцио захватит порт Фиуме, провозгласит там регентство Карнаре и объявит войну Италии. Лоуренс Аравийский, возглавивший (июнь 1916-го) великое арабское восстание против османов, попытался было отстоять перед державами-победительницами интересы их мусульманских союзников, но махнул рукой. Антанта делила колонии и протектораты, чертя новые границы по линейке. Сумятицу сделал окончательно безнадежной британский министр иностранных дел лорд Бальфур (2 ноября 1917 года), одобрив создание еврейского «национального очага» в Палестине. Мирный процесс, начавшись на закате Первой мировой, длится в Палестине до сих пор, безостановочно, как и на Балканах, в Ираке, в Афганистане, где в мае 1919 года впервые сошлись в бою западные и советские интересы. На фоне пиршества победителей никто не заметил восход над Европой нового символа, чья тень вскоре накроет весь мир. 6 марта 1918 года он стал эмблемой финских ВВС в честь шведского летчика-буддиста Эрика фон Розена, который подарил соседям первый самолет и начертил этот символ на его фюзеляже. Этим знаком была свастика.

СТАЛЬ НА ВЕС ЗОЛОТА

40 ЛЕТ ROYAL OAK AUDEMARS PIGUET

ЮРИЙ ХНЫЧКИН

— Переиздание модели 1972 года: «автомат» в стальном корпусе 39 мм

— Циферблат с объемной отделкой Tapisserie — исторический код Royal Oak

Старейшая мануфактура, все еще находящаяся в собственности семьи основателей (часовщики обожают выдумывать дефиниции, гарантирующие им абсолютное первенство в своем сегменте), Audemars Piguet нынче отмечает 40-летие культовой коллекции Royal Oak. Коллекция эта одновременно и гордость, и головная боль мануфактуры. С одной стороны, именно появление Royal Oak спровоцировало моду на роскошные часы в стальном корпусе, в наше время составляющие основу производственной программы для десятков производителей. С другой — остальные, не менее достойные коллекции Audemars Piguet оказались в настольно глубокой тени «Королевского дуба», что временами марка рисковала прослыть монокультурным производителем.

Сорок лет назад такого понятия, как «роскошные стальные часы», просто не существовало. Потребители и производители не допускали и мысли об использовании стали — самого доступного материала — в дорогих часах. Нелепым казалось само предположение, что часы в стальном корпусе могут стоить дороже, чем в золоте. Для того чтобы изменить ситуацию, потребовались усилия производителей, признание за часовым механизмом самоценности и, разумеется, творческий гений.

В случае с Royal Oak им стал выдающийся часовой дизайнер Джеральд Джента. Именно он по заказу своего бывшего работодателя (Джента в конце 1960-х несколько лет проработал на Audemars Piguet) разработал архетип новой часовой классики: восьмиугольный ободок циферблата с оставленными видимыми шестигранными головками винтов из белого золота; интегрированный в корпус браслет со звеньями, плавно сужающимися по направлению к застежке; циферблат с объемной отделкой Tapisserie. Модель получила название в честь флагманского корабля королевского военно-морского флота Британии — за сходство восьмиугольного ободка циферблата с амбразурой пушечного люка (а сам флагман, в свою очередь, был наречен так в честь дуба, в дупле которого после проигранной битвы при Ворчестере в 1651 году прятался король Карл II).

При достаточно крупном для своего времени диаметре (38,5 мм) корпус Royal Oak имел толщину 7,4 мм, что было следствием применения ультратонкого (толщиной 3,05 мм) автоматического механизма «Калибр 2121» с двумя стрелками и индикатором даты. Изящество «Калибра» заслуживало

отдельного описания: особенно хорош сделанный из золота — для утяжеления конструкции — ротор. Премьера модели состоялась на Базельской выставке 1972 года. Часы поступили в продажу по цене 3,3 тыс. швейцарских франков, что некоторые сочли чистым безумием: в те времена за эти деньги можно было купить хорошие золотые часы. Но Royal Oak нашел своего покупателя, а Audemars Piguet — свою золотую жилу.

В корпус «Королевского дуба» принялись встраивать механизмы с разнообразными осложнениями (хронограф, индикаторы фаз Луны, времени второго часового пояса, вечный календарь, турбийон), появились версии в корпусах из золота и платины, а также уменьшенные в диаметре женские модели. За 40-летнюю историю выпущено изрядное количество лимитированных, заказных и юбилейных серий, являющихся объектами коллекционирования. Кроме того, в 1993 году дебютировала спортивно-экстремальная версия Royal Oak Offshore с водонепроницаемым до 100 м корпусом, ныне выделенная в отдельную коллекцию и лежащая за пределами нашего сегодняшнего обзора.

К юбилею, до которого, увы, не дожил сам Джента (он умер в августе прошлого года), поклонники Royal Oak, да и просто все любители хороших часов получили восемь новинок: по одной за каждую пятилетку существования коллекции. Первой стоит назвать переиздание модели 1972 года — автоматические часы в стальном корпусе диаметром 39 мм, оснащенные легендарным «Калибром 2121». Усовершенствовать классику очень тяжело — это становится понятно по одной детали: диск индикатора даты впервые окрашен в темно-синий цвет (ранее фон диска был белый), приближенный к цвету самого циферблата с отделкой Petite Tapisserie. Более крупный корпус диаметром 41 мм из розового золота служит «домом» для нового ультратонкого (4,46 мм) механизма с ручным заводом «Калибр 2924», оснащенного турбийоном. Две лимитированные серии (по 40 часов в каждой) включают чрезвычайно выразительные скелетонизированные модели в платиновом корпусе: одну, поменьше, — с ультратонким автоматическим механизмом «Калибр 2121», другую, диаметром 41 мм, — с уже упомянутым турбийоном «Калибра 2924». Версия Royal Oak с тремя стрелками (плюс секундная центральная располотения) и указателем даты оснащается автоматическим механизмом «Калибр 3120», помещенным в корпус увеличенного до 41 мм диаметра (материалы корпуса — сталь или розовое золото). На 1 мм — до того же 41 мм — «подросток» и корпус хронографа, оснащенного автоматическим «Калибром 2385», выполняемый из стали или розового золота. Дамам адресованы украшенные 40 бриллиантами по ободку циферблата стальная и золотая версии двухстрелочников с кварцевым механизмом. В этом случае диаметр корпуса составляет 33 мм. Наконец, промежуточной между мужским и женским размером является 37-миллиметровая модель в стальном или золотом корпусе с бриллиантами, оснащенная автоматическим трехстрелочным «Калибром 3120».

Ну и напоследок о грустном. Помимо выразительной, не утравившей актуальности формы есть еще одна черта, которая роднит новейшие «побеги» «Королевского дуба» с прародителем, — это цена. О 3,3 тыс. франков остались одни воспоминания, но Royal Oak Audemars Piguet продолжают оставаться одной из самых дорогих стальных моделей. В их цену по-прежнему «помещаются» не самые плохие золотые часы.

ТОЧНОЕ ВРЕМЯ ЭМОЦИЙ 75 ЛЕТ RADIOMIR PANERAI ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

— Radiomir конца 1940-х

— «Дедушка» современных моделей серии California Dials

— Panerai, Radiomir Black Seal: так выглядела одна из первых гражданских моделей, конец 1990-х

— Radiomir California, Dials, начало 1950-х

— Самая грозная версия Radiomir — прошлогодняя Mare Nostrum с диаметром корпуса более 50 мм, сделанная как реплика часов начала 1950-х

— Князь, капитан второго ранга, главарь водолазов-смертников Джунио Боргезе — один из первых владельцев Panerai Radiomir

Я большой поклонник Panerai, впрочем, у марки родом из Флоренции множество фанатов по всему миру. И это убежденные, яростные фанаты, которые легко способны объяснить, почему компания родом вовсе не из часовой страны, начинавшая жизнь с громоздкого подводного оборудования, а не с производства калибров, собирает под свои знамена часовых болельщиков: Panerai продают не часы, а эмоции. И в этом они истинные итальянцы. Швейцарские классические часовщики любыми эмоциями пренебрегают: какие уж тут чувства, когда речь идет о турбийоне, с ним не шутят. У современного бренда Panerai, входящего в состав Richemont Group, тоже есть отряд боевых турбийонов, но это продукты как раз не фанатские, а коллекционные. То есть для тех, кто много лет фанател от самого простого, сермяжного «Радиомира», потом составил, купил такой же, но теперь уже с турбийоном. Хотя часы Panerai, если честно, сносить практически невозможно: у них быстро старится только ремешок.

Объяснение неистовой любви к Panerai может быть таким: часы Panerai (речь идет прежде всего о самой первой модели Radiomir, появившейся в 1936 году) рождались как измерительные инструменты для профессионалов, и только потом, многие годы спустя, они стали гражданскими. То есть в Panerai и не думали, как бы понравиться посетителям Женевского часового салона? Чем бы еще их развлечь, этих покупателей? О нас, покупателях, там не думали вообще, так как были заняты другими делами.

История Radiomir, главной модели великой марки, известна. Radiomir — это часы для военных подводников, «людей-лягушек» князя Боргезе. Представитель знаменитейшей итальянской фамилии Джунио Валерио Боргезе (родился в Риме в 1906-м, умер во франкистской Испании в 1974-м) — личность легендарная. «Принц людей-торпед», кроме прочего, известен по советско-

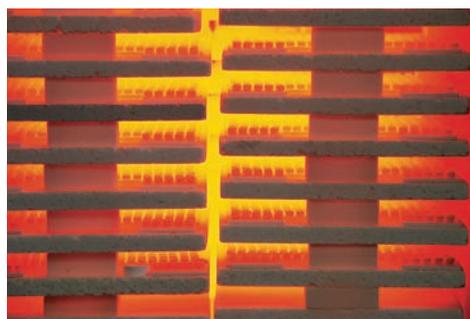
му фильму «Их знали только в лицо», где речь шла о борьбе одесских подпольщиков с итальянскими подводными командос.

Князь Боргезе (он был женат на эмигрантке из России — графине Дарье Олсуфьевой, чье имя носит одна литературная премия, выдаваемая в Риме) окончил Военно-морскую академию в Ливорно, в 1928-м поступил на службу в подводный флот, где командовал X-флотилией, славившейся самым успешным и, что немаловажно, элитным боевым соединением. Во время Второй мировой войны X-флотилия буквально насмерть противостояла союзникам: капитан второго ранга Боргезе лично командовал одной из субмарин. X-флотилия славилась также добровольцами-смертниками: по распоряжению Боргезе был создан смертоносный отряд торпедистов, который навел подводный террор по всему Средиземноморью и не раз бывал у берегов Крыма.

После войны Боргезе провел в тюрьме несколько лет, но, покинув застенки, продолжал террористическую деятельность в духе итальянского поэта Габриэле Д'Аннунцио: существовала версия о том, что именно его торпедисты в октябре 1955-го заложили мины под советский линкор «Новороссийск». При взрыве в Севастопольской бухте 29 октября погибло 604 человека. «Новороссийск» по рождению был итальянским кораблем по имени Giulio Cesare, спущенным на воду в 1911 году с верфи в Генуе: «Юлий Цезарь» был передан советской стороне после войны.

Radiomir Panerai служил именно этим отчаянным и бесстрашным людям: первоначально Военное министерство Италии в 1935 году заказало часы для подводников у другой марки, но результат не удовлетворил военных. Что же, но ведь и задачи были сложными: необходимо было создать водонепроницаемые часы с исключительной читаемостью всех показаний в условиях ограниченной видимости и даже при отсутствии света (например, при погружении на большую глубину или при работе в мутной воде). Radiomir был предназначен именно для торпедной группы: для циферблата был выбран черный фон, светящиеся метки и стрелки, никаких дополнительных надписей (для того, чтобы затруднить определение государственной принадлежности их владельца). Причем основная пластина циферблата полностью покрывалась радием, а сверху располагался слой черного металла с вырезанными метками и цифрами. Механизм с ручным заводом стоял от Rolex, а вот конструкция узла заводной головки была фирменной. Часы компания поставляла флоту вплоть до 1993 года, в 1997-м Panerai вошли в состав Richemont Group: только тогда военные модели стали гражданскими.

ТВЕРДОСТЬ ДУХА 50 ЛЕТ КЕРАМИКЕ RADO АЛЕКСЕЙ КУТКОВОЙ

Мечта, благодаря которой высокотехнологичная керамика как материал для производства часов превратилась из экзотики в признанную почти всем часовым сообществом технологию, была явно сформулирована более 50 лет назад. Ведущему дизайнеру часовой марки Rado Марку Ледеррею пришла в голову идея сделать часы с нецарапающимся корпусом, используя при этом твердые карбиды титана и вольфрама, которые тогда с успехом применялись в металлообработке. Глава Rado Пауль Люти поддержал эту идею, и ровно столетия назад, в 1962 году, были выпущены первые экземпляры часов Rado DiaStar 1 с нецарапающимися твердометаллическими корпусами. К мысли о применении другого твердого синтетического материала — «космической» высокотехнологичной циркониевой керамики — в Rado пришли в 1980-е годы. Действительно, тут было о чем задуматься: циркониевая керамика представлялась привлекательной альтернативой твердометаллическим сплавам. Керамика была значительно легче, приятнее на ощупь, абсолютно неаллергенна. Поцарапать ее можно было разве что алмазом, однако основное преимущество заключалось в технологичности. Именно по этому параметру керамика, несомненно, обходила «твердые металлы» — керамические детали можно было заранее «программировать», придавая им нужные форму и размеры, и после обжига требовались лишь операции по окончательной отделке — полировке или шлифовке. Кроме того, при использовании различных добавок керамике можно придать практически любой оттенок — от черного до белого, включая множество цветных вариаций.

В Rado решили начать с черного цвета — именно из керамики черного цвета были изготовлены звенья браслета первой керамической модели — Rado Integral 1986 года выпуска. Глянцевые звенья браслета из полированной черной керамики составили привлекательную пару другим деталям, отделанным желтой позолотой. Часы получились нарядными, публика требовала продолжения, и в Rado продолжили, теперь уже начав эксперименты по применению керамики при изготовлении других деталей экстерьера часов. Следующую премьеру, состоявшуюся в 1990 году, так и назвали — «Керамика» (Ceramica). Это были первые часы с корпусом и браслетом, изготовленными из черной высокотехнологичной керамики. Модель Ceramica успешно закрепила поворот стилистики Rado к урбанистически-футуристическому направлению, причем в такой степени, что при вопросах об истории марки менеджеры могли отвечать в том духе, что, мол, марка Rado — это не история, не традиции, марка Rado — это устремленность в будущее.

Но даже у устремленности в будущее есть своя история, и эту историю продолжили часы 1991 года La Coupole, при изготовлении браслета которых была впервые применена белая керамика. «Белым» выступлением в Rado не ограничились поиски новых цветовых вариантов керамических моделей. Уже в 1993 году появились часы Sintra — с темно-серыми корпусом и браслетом из высокотехнологичной керамики платинового оттенка. Разумеется, к настоящей драгоценной платине применявшийся состав керамики не имел никакого отношения. Выбранное для определения цвета керамики слово «платиновый» обозначило лишь тот факт, что вопрос цветовых вариаций керамики был не технологическим, но маркетинговым: часы из керамики какого цвета готовы приобретать клиенты Rado в этом году? Поэтому, когда было решено выпустить часы с многофункциональным кварцевым меха-

преимущество керамики rado заключалось в ее технологичности

низмом («второе время», хронограф, календарь, будильник, таймер) и цифровым дисплеем дополнительных функций, в Rado выбрали проверенный «консервативный» (публика консервативна, но коллекция Rado футуристична) черный вариант. Часы Ceramica Multi были выпущены в 1995 году, и эта модель, наиболее сложная среди кварцевых часов Rado, до сих пор остается в коллекции марки.

Футуристический материал требует футуристических методов продвижения и соответствующего дизайна. Об этом шумели дюзы компактной реактивной установки, в 1999 году поднявшей в воздух перед главным павильоном базельского выставочного комплекса человека-«ракеты». Этот невероятный «полет» должен был стать символом появления у Rado модели Cerix — с изготовленными из черной и «платиновой» керамики корпусом и браслетом небывалого спирального дизайна.

Приход третьего тысячелетия в часовом деле был отмечен усилением новых тенденций, в частности, модными стали большие часы, кроме того, публика заинтересовалась дизайнерскими часами с автоматическими механизмами, и в Rado поддержали эти тренды, выпустив новые варианты своих классических моделей с корпусами увеличенного размера, в которых так кстати смогли поместиться и автоматические механизмы.

Мне кажется, что бессмысленно говорить о «механике», опуская тему традиций, тему истории, и в 2011 году в Rado решились на то, чтобы напомнить о своих, пожалуй, самых знаменитых часах — модели DiaStar 1 1962 года. Новая коллекция D-Star, выполненная в стилистике модели полувекковой давности, предлагается в непривычном облики: корпус и браслет изготовлены из черной, платиново-серой или же белой керамики. Так, в одних часах была собрана вся полувекковая история поисков идеальных вечно привлекательных нецарапающихся часов. И эта история продолжается.

__Rado, True Thinline, 2011

__Rado, Integral, 1986

__Rado, Ceramica, 1990

__Rado, True Thinline, 2011

КОРОЛЕВА ЖЕНЕВЫ СОБРАНИЕ REINE DE NAPLES

__Выставка в женеvском Cite du Temps: часовщики отдали дань вдохновительнице первых наручных женских часов

__Королева Неаполя, парадный портрет, 1808

__Абрахам-Луи Бреге: часовщик, бизнесмен, мастер патентовать свои изобретения

Старенький павильон Cite du Temps, что напротив островка с памятником уроженцу Женевы Жан-Жаку Руссо, на время работы SIHH превратился почти в Малый Трианон Версаля. Впрочем, не стоит думать, что здесь мелькали тени обезглавленной клиентки дома Бреге, первой «мученицы гламура», французской королевы Марии-Антуанетты, заказавшей у мастера сложнейшие часы той эпохи, но так и не успевшей посмотреть тем часам в лицо. Cite du Temps, который разные марки Swatch Group (ее частью является Breguet) нередко используют для экспозиций, был отдан поклонникам совсем другой королевы — Неаполитанской, супруге короля Неаполя, в девичестве мадемуазель Бонапарт. В Cite du Temps — все полагающиеся для классической экспозиции трогательные элементы. Дневники и письма, пожелтевшие амбарные книги и уцелевшие предметы туалета, портреты главных героев и робкие наброски к оним создавали в павильоне атмосферу самого настоящего маленького музея. Причем музея скорее французского, то есть сентиментального, интимного, изысканного толка. Экспозиция была временной, чего никак нельзя сказать о ее могущественном часовом фетише — модели Reine de Naples, исторических ювелирных часах Breguet, воссозданных при содействии Николаса Хайека в 2002 году. Каролина-Анносиада Бонапарт была младшей и, естественно, самой любимой сестрой Наполеона Бонапарта, императора благословенной Франции, клиента двух легенд мира люкса — Breguet и Chaumet. Будучи 18-летней, Каролина-Анносиада была выдана замуж за боевого генерала Иоахима Мюрата, славного предводителя переворота, известного как «18 брюмера» (9 ноября 1799 года). Генерал (Мюрат станет не только королем, но и важным

модником) и юная девица сочетались браком 20 января 1800-го, когда до коронации «маленького капрала» оставалось еще четыре года. До неаполитанской короны осталось еще больше: пара Мюратов получит свои королевские титулы только весной 1808-го.

К моменту воцарения на весьма шатком неаполитанском престоле (ведь царствование было недолгим, завершилось в 1815-м — расстрелом короля, отца четверых детей) генеральша Мюрат уже несколько раз прибегала к услугам парижанина Бреге. Часы оплачивались либо мужем-королем, либо братом-императором. 8 июня 1810 года часовщик Бреге занес в свои книги новый королевский заказ, оцененный в сумму 5 тысяч франков. Прилежная его заказчица, королева Неаполя, хотела иметь ювелирные часы с репетиром «на браслете».

Бреге слыл не только часовым гением, но и мастером ведения бизнеса в среде коронованных особ: одним словом, он умел решать самые сложные вопросы. Работа началась в августе 1810-го и отняла у Breguet два года: часы были завершены к Рождеству, 21 декабря 1812-го. Таким образом, в современной марке Breguet умудряются праздновать 200-летие часов два раза: в 2010-м и в этом году.

Хотя праздновать, на мой взгляд, можно не только знаменательные часовые даты: уж у Бреге их больше чем достаточно. Часы «Королева Неаполя» вошли в линейку Breguet в 2002 году и моментально снискали успех. Во-первых, они были необычными с точки зрения стилистики — корпус в форме яйца, ампирный браслет (в самой ювелирной версии он представлял собой убедительную бриллиантово-сапфировую цепь), усложнения в виде фаз Луны. Во-вторых, это был один из первых опытов часов-реплики: сегодня винтажными часами, поднятыми со дна архивов, трудно кого-либо удивить. Десять лет назад такая допотопная классика выглядела рискованной. В-третьих, модель не была лимитирована, хотя очень просилась быть таковой. Великий «папа Хайек», много лет председательствовавший в Breguet, лично не захотел никаких ограничений.

За десять лет существования Reine de Naples великая марка произвела более 30 версий: маленькие и чуть побольше, с драгоценными камнями в различных огранках, с разными усложнениями и без таковых, на сатиновых ремешках и жемчужных браслетах. Год назад появилась и «рабочая», почти пролетарская «Королева Неаполя» — гигантская, с корпусом из стали, на простецком ремешке из коричневой кожи. Словом, часовые «Королевы» множатся, будто герои «Алисы» Кэрролла: в том числе и на чудесной женеvской выставке, где они весело подмигивали друг другу из витрин.

Екатерина Истомина

__Breguet, Reine de Naples: бриллиантовая версия high jewelry

__Breguet, Reine de Naples: рубиновая версия high jewelry

ТУРЕЦКИЙ МАРШ ГОДЫ И ЧАСЫ ПОД ПОЛУМЕСЯЦЕМ СЕРГЕЙ ХОДНЕВ

__ Султан Сулейман Великолепный: история его страсти к прекрасной Роксолане была цветисто изложена в европейских галантных романах

__ Карманные часы Breguet & Fils, золото, эмаль, начало XIX века

__ Карманные часы Breguet, золото, эмаль, 1825

европейцы восхищались османскими султанами и одновременно боялись их, словно героев античности

К вечеру в понедельник, 29 мая 1453 года, султан Магомет II въехал верхом в константинопольский собор Святой Софии. Копыта его коня оставляли на юстиниановых мраморах кровавый след: тысяча с лишним лет существования Византийской империи подошли к концу. Ее уже оставалось совсем немного, этой империи: сам Константинополь, несколько островов, Пелопоннес. И сейчас кажется, что за многие десятилетия оттоманской экспансии к этому событию можно было бы морально подготовиться, что ли, но на самом деле то падение главного города восточнохристианской цивилизации действительно вызвало во всем крещеном мире неконтролируемый спазм ужаса — как будто бы то был гром среди ясного неба. Уже пару веков христианские государи периодически пытались вновь сколотить военный союз против неверных, склоняли греков к принятию унии, клепали в подражание тамплиерам и госпитальерам рыцарские ордены с пышными девизами и не менее пышной эмблематикой, выступали с декларациями, прекраснотушными, как все советские комитеты защиты мира вместе взятые. И все же до поры до времени казалось, что как-нибудь все образуется, что появится, как сто пятьдесят лет назад, из глубин Азии какой-нибудь новый Тамерлан, еще одно орудие Божье, что неутомимого Магомета II сразит чума или холера (ушлые венецианцы, говорят, пытались отравить султана, не дожидаясь высшего произволения), и, таким образом, психологически важная граница в виде города на Босфоре не будет форсирована. Дело даже не только в том, что многовековому царству Греческому пришел конец. Падение Константинополя открывало османам дорогу на Европу. Вот тут и начинается европейская увлеченность всем турецким, obsessia, которая поначалу выглядит не то болезненным явлением сродни стокгольмскому синдрому, не то штрейкбрехерством. Это в XI веке европейцы могли единой волной обрушиться на неверных; теперь не то, теперь прагматичные

национальные интересы все-таки начинали преобладать над предполагаемым христианским долгом. Венеция особенно быстро сообразила, что с османами ей в любом случае жить и жить — и вот Джентиле Беллини отправляется ко двору «великого турка», Магомета II, в качестве личного портретиста. В первой трети XVI века, когда османы постепенно проглатывали территории Балканского полуострова и уже подходили к Вене, его христианнейшее величество Франциск I, король Франции, неожиданно заключил с неверными союз. Исключительно с целью насолить Габсбургам. И надо сказать, что хотя внешнеполитические альянсы в эпоху раннего Нового времени складывались и перескладывались самым причудливым образом, парижско-стамбульская ось (как говорили моралисты от политики, «богопротивный союз Лилии и Полумесяца») оказалась на диво прочной — в сущности, еще столь несчастная для нас Крымская война выглядит дальним эхом тогдашних стратегических решений. Забегая вперед, можно сказать, что Франция и стала в свое время главным рассадником моды на все турецкое — turquerie. Надо только понять, как панический страх перед кровавыми варварами, грозящими и без того беспокойной Европе (в 1517 году Лютер прибил к дверям виттенбергского собора свои тезисы, а через сто лет нараставшее на континенте противостояние перешло в еще невиданную по своим масштабам войну), превратился в этот жадный интерес к экзотической культуре. На самом деле первым подступом к этому интересу, насколько можно судить, стало невольное восхищение перед военными талантами молодого Магомета II и боевой дисциплиной его войска. Представьте себе: вторая половина XV века, все бредят античной историей; так кем же восхищаться в качестве нового Александра? Итальянскими подеста и тиранами, сражающимися за пограничные деревни? Чванными немецкими князьками, перекупающими друг у друга отряды ландскнехтов?

— Часы на подвеске
Patek Philippe,
золото, эмаль,
середина 1970-х

— Часы на подвеске
Piaget, золото,
бриллианты, эмаль,
перламутр, опал,
1975

— Султан Магомет II
положил конец
тысячелетней
Византийской
империи

— Часы на подвеске
в форме раковины,
золото, эмаль,
жемчуг, Швейцария,
1820

— Великий визирь
Ахмед Кепрюлю:
наводил страх
на Вену, но потерпел
поражение

— Настольные часы
Omega, позолота,
эмаль, начало 1970-х

А тут готовый герой, который знает с десяток языков, который слывет отчаянно любознательным (римские папы даже надеялись обратить его в католицизм) и вдобавок выглядит воплощением спартанской боевой доблести. Популярное предание утверждало, что, услышав ропот своей гвардии, недовольной тем, что султан слишком увлекся молодой наложницей (мол, нас на бабу променял), султан публично ее прирезал со словами «пусть не отвлекает меня от моей славы». А в XVI веке европейцы получили еще одного обаятельного врага, султана Сулеймана, которого называли Великолепным не только его подданные. Тоже ужас христиан, но притом бесстрашный воин, разумный правитель, мудрый законодатель, поэт, искусный ювелир, да в придачу совсем не по-дикарски чувствительный в сердечных делах человек: историю его страсти к прекрасной Роксолане с самыми цветистыми подробностями долго пересказывали по всей Европе в лубочных книжках и галантных романах, в ярмарочных балаганах и в дворцовых театрах. Где-то к середине XVII века, когда отгремела Тридцатилетняя война и стало понятно, что и в отношении к ужасным оттоманам очень даже возможен не только животный страх, но и практичный язык реальной политики, демонизация турок постепенно начала сменяться робким любопытством. То, что потихоньку пытались заимствовать или хотя бы коллекционировать, все еще ассоциировалось, правда, с дикостью и боевым натиском — янычарское оружие, кривые сабли, причудливые доспехи, украшенные чеканными цитатами из Корана. Но в самом османском государстве обозначился надлом: съев Левант, Северную Африку и Балканы, Турецкая империя, казалось, слабела и дряхла не по возрасту. Судьбу султанского трона решали гаремные интриги и янычарские мятежи, за войны с европейцами отвечала мелькавшая чиновная сволочь, для которой, как с негодованием писал один из исследователей, своевременная поставка снега для шербета была важнее, чем положение армии и флота.

Великий визирь Ахмед Кепрюлю, выходец из семьи албанских христиан, смог на пару десятилетий вновь сдвинуть европейский имидж Османской империи в сторону страха, но после разгрома под Веной в 1683 году Турция уже неуклонно начала превращаться в «большого человека Европы». «Стамбул отрекся от пророка; / В нем правду древнего Востока / Лукавый Запад омрачил — / Стамбул для сладостей порока / Мольбе и сабле изменил». Эти строки годятся и к куда более раннему времени, чем пушкинское: для людей XVIII столетия при слове «турецкий» представляются в первую очередь не ужасы битв и не боевой авангард ислама, а некие условные картины ближневосточного быта вообще, лениво-фаталистичного и порядком сладострастного (а как же, гаремы, гурии — Коран и сказки 1001 ночи были уже переведены). Если в нем находится место воинственности, то она не пугает, а развлекает. Этот быт не столько дик, сколько забавен, яростен и пикантен одновременно. Так что одно из самых полных выражений европейской «тюрки» — какое-нибудь фантазмагорическое празднество в ориентальном духе, одно из тех, которые так любили устраивать в Галантную эпоху короли и князья: диковинно разодетые придворные вкушают сказочные лакомства в шатрах из турецких и персидских тканей под бряцание оружия наряженной янычарами дворцовой стражи. И, конечно, под звуки «варварских» оркестров. Мы уже не отдаем себе в этом отчета, но большой барабан, тарелки, треугольник — все эти инструменты появились в европейской музыке именно как подражание османам. А звякающая штука в виде огромной лиры, которой потрясает тамбуражор, возглавляющий проходящие парадом, скажем, по Красной площади военные оркестры, — она по прямой происходит от бунчуков, которые носили перед османскими пашами в качестве штандарта. Уже в 1670 году в «Мещанине во дворянстве» Мольера Журдена посвящали в мамашу под специально написанный Жаном-Батистом Люлли «Марш для

— Баязет I Молниеносный, оманский султан-завоеватель. Скончался в плену у Тамерлана

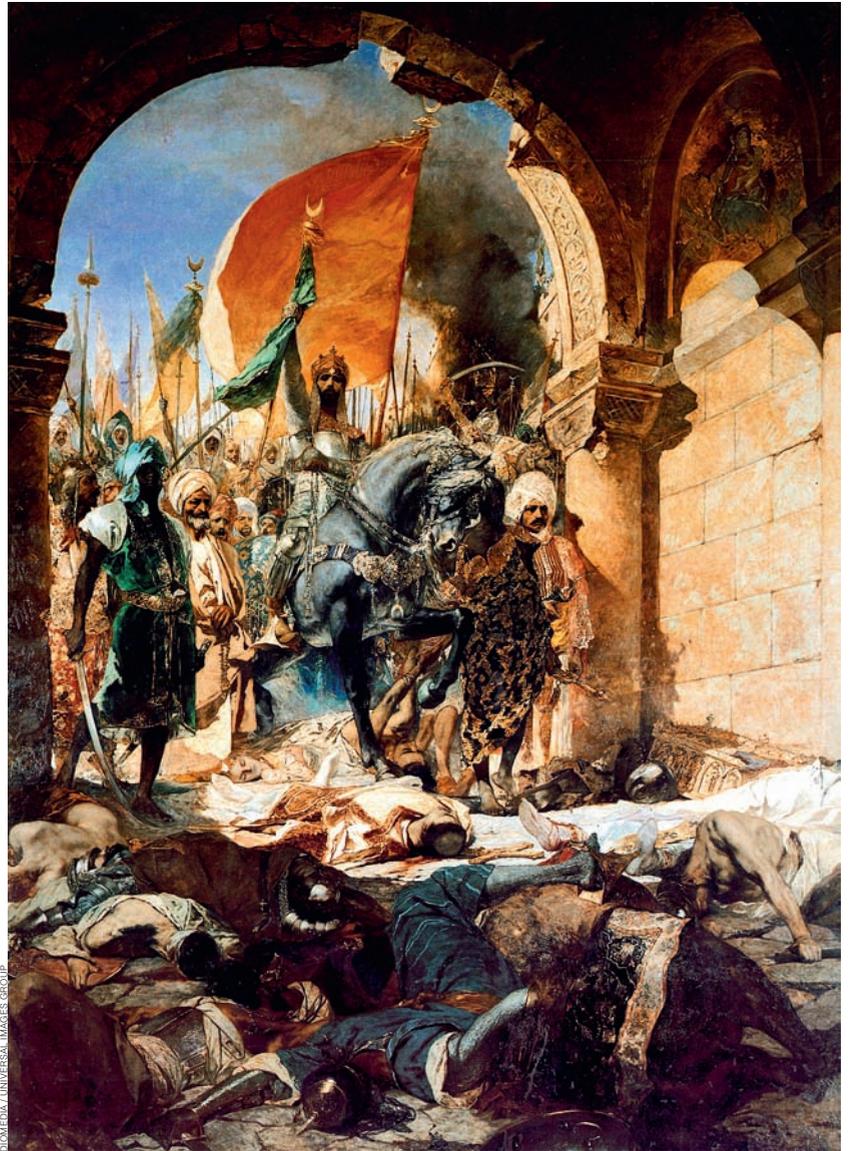
галантная Франция стала рассадником моды на все турецкое — turquerie

— Наручные часы Ottoman, Vacheron Constantin, платина, эмаль, 1999–2000

— Настольные часы «Арабески», Tiffany & Co., позолота, эмаль, 1890

— Взятие Константинополя Магометом II: полотно Бенджамина Константа

турецкой церемонии», первый в череде «турецких маршей», которыми баловались композиторы барокко и классицизма. Именно театр вообще и театр музыкальный в частности — тоже важная сфера «тюркери», поскольку, как и помянутые придворные празднества alla turca, позволяя европейцам самым непосредственным образом погрузиться в собственные представления об оттоманах: притвориться турками, поиграть в них.

Не в турок как буквальную этническую реальность — нет, просто в «других». В людей чужой веры, иной культуры, другого мира, без пяти минут дикарей, то есть, согласно передовым умам XVIII века, «естественных людей». Но притом эти «естественные люди» не то чтобы были безопасно далеки, скорее даже дразняще близки, не то что Япония, Китай или Индия, вон и у Австрии, и у Польши, и у Венеции, и у России с этими супостатами просто-напросто общие границы — и все это придает игре лукавство, приятную карнавальную двусмысленность.

«Великие турки» вроде несчастного Баязета I или тех же Магомета Завоевателя и Сулеймана Великолепного в сюжетах трагедий и серьезных опер XVII-XVIII веков смогли конкурировать с героями античности, турецкий материал хорошо подходил и для барочной патетики, и для театральных потребностей эпохи Просвещения. Но со временем сценические турки стали все реже изыскиваться «высоким штилем» и все чаще превращались в ходовых персонажей для комедии.

Трудно сказать, что тут сказало в большей степени: все более снисходительное отношение к военной мощи Османской империи, вкусы эпохи рококо, ценившей забавные и экзотически принаряженные безделицы, удобство чужестранного камуфляжа для сатиры на своих, европейских, «султанов» и «пашей», или, быть может, подспудное желание как следует посмеяться над многовековым противником. Еще в том же «Мещанине во дворянстве» турецкая линия на самом деле была не без политического подтекста.

В 1669 году ко двору Людовика XIV прибыло турецкое посольство. Его ждали. Наверное, заранее представляли себе, каким ослепительным будет наряд султанского посла и его свиты — и как приятно будет видеть всю эту ослепительность повергшейся ниц в Зеркальной галерее версальского дворца, у престола Короля-Солнца.

И обманулись: посол Сулейман-ага демонстративно носил бедный шерстяной кафтан и не менее демонстративно отказался кланяться королю в ноги. Людовик пришел в ярость, запретил послу являться в Версале, потом вообще пустил слух, что это было не настоящее посольство, а какие-то самозванцы, и высказал Мольеру пожелание, чтобы в очередной комедии тот как-то пошутил на эту тему. Обиду великого короля никто не помнит, а вот мода на отуречивание театральных увеселений стала только устойчивее.

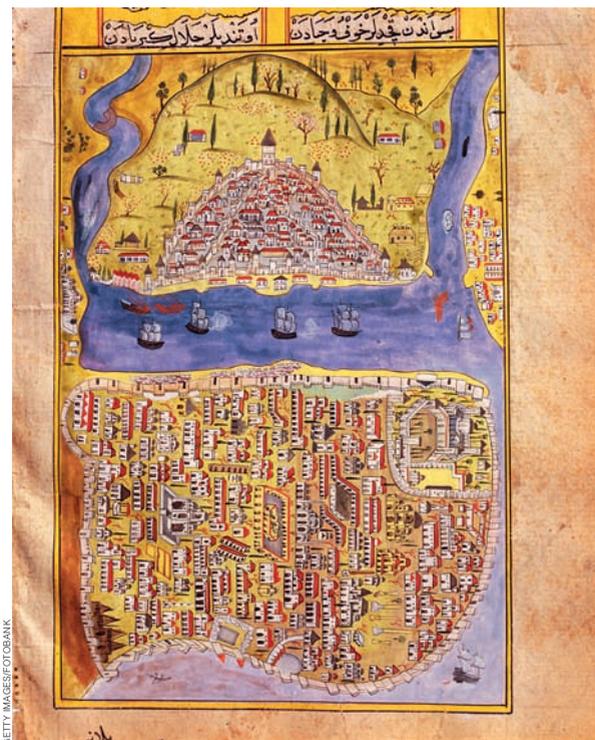
«Неожиданная встреча, или Паломники в Мекку» Глюка (и одноименная вещь Гайдна), «Караван из Каира» Гретри, «Похищение из сераля» Моцарта — едва ли не каждый композитор в обязательном порядке сочинял какую-нибудь оперу-буфф в турецком колорите. Отзвуки этого оперного бума конца осмнадцатого столетия еще слышны во множестве у Россини, автора «Турка в Италии» и «Итальянки в Алжире» (но также и серьезного, даже слезоточивого «Магомета II»).

Игра в оттоманов продолжалась и вне театральной сцены. Подлинное османское искусство могло показаться капризному европейскому вкусу грубоватым — слишком густой орнамент, слишком яркие краски; но как деталь, как аксессуар или как игровой атрибут — отчего бы нет. Несмотря на все успехи европейского ковроделия, настоящий турецкий ковер все-таки интереснее и дороже. Нет ни малейшего недостатка в драгоценных часах европейской работы, но вот турецкие часы — это диковина, драгоценная не только отделкой из громадных драгоценных камней, но и самой курьезностью:

DOMEDIA / LEEMAGE

Комната Кемалья
Мустанфы Ататюрка
во дворце Долмабахче
в Стамбуле,
конец 1920-х

GETTY IMAGES/FOTOBANK

Карта Стамбула,
середина XVI века

Карманные часы Izmir—
Kasaba Raiway, сделанные
для турецких железных дорог,
Omega, 1930-е годы

APPROGER WOLLET

Первое представление комедии
Мольера «Мещанин во дворян-
стве», гравюра 1670 года

Карманные
часы Gold & Blue
Enamel, Omega,
золото, эмали,
начало XX века

стамбульские мастера покупали часовой механизм швейцарского или голландского производства и затем оправляли его по своему вкусу. Бархат, камка, тафта и парча, сотканые в Турции, находят стабильный спрос, несмотря ни на какие зигзаги моды (правда, стоит признать, что османские ткачи рано начали подделываться под чужой вкус с коммерческими целями: для христианского духовенства они ткали парчу с крестами, для итальянских или французских гардеробов — ткани с неуклюжими рокайльными орнаментами).

В садах и парках, как грибы после дождя, вырастают «турецкие» павильоны, притворяющиеся то мечетями, то банями, то беседками-«кёск» (именно это слово и превратилось в наше «киоск»: один из многих примеров культурного наследия «тюркери», которые до сих пор сохраняются в языке). Ну а в дамских модах XVIII века — если судить по портретам — то и дело появляются, хотя бы и с маскарадными видами, смутно напоминающие кафтан накидки, тюрбаны всевозможных размеров, украшенные заливчатскими эгретами, и, разумеется, шали.

Но вот тут пора уже проговорить очень важную вещь: «тюркери» XVIII века (в отличие от, скажем, шинуазри) — это не только большой стиль придворных увеселений, не только антураж для прилюдной игры, у него есть и очень частное измерение. Даже интимное (причем со всеми коннотациями этого слова).

Грубо говоря, играть в китайца наедине с собой никому бы и в голову не пришло. Напротив, что может быть естественнее, чем, проснувшись поутру (ну, не совсем поутру), подпоясать служащий habit du matin турецкий кафтан, надеть на обриту под парик голову вместо ночного колпака богатую турецкую ермолку и раскурить в турецком чубуке отборный турецкий табак. И выпить кофе. Помните, у Державина: «А я, проспавши до полудня, / курю табак и кофий пью».

Вот, наконец, произнесено и это слово: именно кофе был главным символом «тюркери», чуть ли не ее знаменем, знаком того, какую власть (не только над умами, но и над желудками) имела эта мода. Напиток, казалось бы, тот же, но сейчас мы ни за что не сможем получить от него того удовольствия, которого добивались тогда. Никто не глотал кофе наспех, между делом. Нет, это было нечто гораздо более универсальное, требующее досуга, времени, расслабленной сосредоточенности на своих ощущениях. И гораздо больший энтузиазм вызывали все постепенно открываемые функции этого зелья: и медицинское снадобье, и социальный напиток, и «хлыст для ума», и немножко пропуск в мир чужестранных удовольствий, полный неги, сибаритства, «кейфа».

Неслучайно в каждой, наверное, стране рассказывают свою историю о том, как кофе «пришел, увидел, победил». В Австрии вам расскажут о предприимчивом торговце, который нашел в 1683 году после осады Вены три мешка с кофе, брошенные отступавшим турецким военачальником, и открыл первую кофейню в городе. (Где якобы на радостях от победы над магометанами подавали еще и свежепридуманную сдобную выпечку, ту самую, которую мы знаем как круассаны — «полумесяцы».) Во Франции — о том самом Сулеймане-ага, незадачливом посланнике времен Людовика XIV, который совсем не тужил после своего изгнания из Версаля в Париж и всюю развлекал общество турецким напитком. В Италии — о папе Клименте VIII, который уже готовился подписать буллу, анафематствующую кофе и тех, кто его пьет, но все-таки любопытствовал и попросил напоследок дать ему на пробу «дьявольское питье неверных». И, попробовав, восторженно решил «обставить дьявола и сделать это питье напитком честных христиан».

Ну и, наконец, гаремы. Для европейцев времен «старого режима» турок был фактически синонимом мусульманина, так что и многоженство воспринималось как эдакий занятный турецкий обычай. Не было толку объяснять,

— Карманные часы
Breguet & Fils,
золото, эмаль,
начало XX века

— Карманные часы
Breguet & Fils,
золото, эмаль,
начало XIX века

HULTON ARCHIVE/GETTY IMAGES/ФОТОБАНК

— Карманные часы
Breguet & Fils,
золото, эмаль,
начало XIX века

— Карманные часы
«Дыня»,
Gide & Blondet Fils,
золото, эмаль, 1800

— Первый президент
Турецкой Республики
Мустафа Кемаль
Ататюрк, 1919

— Свадьба
Кемалья Ататюрка
в 1925 году прошла
в соответствии
с аристократическими
европейскими
традициями

GETTY IMAGES/ФОТОБАНК

мустафа кемаль ататюрк,
основатель светской
турции, личным примером
насаждал европейский
этикет и костюм

что абсолютное большинство турок довольствовались в лучшем случае двумя женами и хотя бы по бедности своей не имело никакой возможности дни и ночи проводить с ними в затейливой любовной игре под мелодичное журчание фонтана (и чтобы в воздухе сгустился аромат роз, перины были из гагачьего пуха, а чернокожие невольники равномерно взмахивали опахалами) — ходячее представление о нравах и любовном быте неверных было именно такое. Что делать, все слышали, что у падишаха сотни жен и наложниц, многие вдобавок читали восточные сказки с их действительно довольно непринужденным отношением к сексуальности. Фантастические насельники султанского сераля — томные, покорные, лениво-бесстыдные, гибкие, как змеи, и искусные в самых умопомрачительных ласках — были самым популярным предметом мужских непристойных грез не то что до конца XVIII века, а как минимум до конца самой Османской империи. Много шума наделала в свое время история графа де Ферриоля, французского посла в Блистательной Порте, купившего на стамбульском базаре «прекрасную черкешенку» Гайде, самым буквальным образом помешавшегося от любви к ней, но успевшего сделать ее под именем Аиссе звездой парижских салонов эпохи Регентства. В этой коллизии, как в зеркале, отразились и пресыщенная тяга рококо к восточной экзотике, и занимавшая людей эпохи Просвещения проблема нравственного соотношения европейской цивилизации и «дикого» Востока. Неудивительно, что вполне реальные события стали сюжетом для вполне популярного романа — «Истории одной гречанки» аббата Прево (1740). Но турецкий и вообще восточный колорит с удовольствием использовали и сочинители гораздо более фривольного толка — вроде известного утонченной скабрзностью своих повестей Кребийона-сына. Даже на титульном листе таких книг издавали, опасаясь цензуры, проставляли смехотворно-ориентальные выходные данные: «В Константинополе», но и «в Нагасаки», «в

Агре», «в Гоа». Книжки эти могли описывать будничные похождения европейских петиметров, но и тогда в качестве арены для решающей любовной битвы наверняка должна была возникнуть какая-нибудь оттоманка или софа — этой закономерности не избегли и созданные на закате XVIII века «Опасные связи» Шодерло де Лакло. В этом эротизме условно турецкого колорита задавали толк французы, что, пожалуй, совершенно естественно. Как удержаться, если страной правит Людовик XV, чей «Олений парк» странно не уподобить гарему, и если мадам де Помпадур чуть ли не в глаза называют «любимой султаншей» — и именно в виде султанши она позирует Шарлю ван Лоо. Однако это все Франция, от границ которой до Турции ехать и ехать; а что же другие страны, те, которым и в XVIII веке приходилось с Османской империей не только граничить, но и напрямую конфликтовать? И они не исключение. Польский король Станислав Лещинский строил парки с турецкими «киосками», другой король Польши, Август III (он же курфюрст Саксонский), собирал турецкое оружие и по части «турецких праздников» перещеголял, кажется, всех своих коронованных коллег. В России второй половины столетия, казалось бы, полагалось думать только о том, чтобы изгнать всякое воспоминание об исламском иге с отвоеванных у Турции земель, а в перспективе и восстановить «царство Греческое». И все равно в Царском Селе появлялась «Турецкая баня». Какой бы ни имелся в виду при каждом конкретном случае подтекст, серьезно-триумфальный или сиюминутно-фривольный, «тюркери» претендовала на то, чтобы быть универсальным языком. Брошенные этой модой зерна потом, в XIX веке, прорастут в совсем другой ориентализм — более осведомленный, более пряный, более дотошный и более имперский. Но все-таки и ему не перебить неподражаемого впечатления от всей этой потешной европейской «Турции» XVIII века, причудливой, наивной, но обаятельной и, что самое главное, ироничной.

УРОКИ ФИЗИКИ «ЗЕЛЕННЫЕ СВОДЫ» С А. LANGE & SOHNE СЕРГЕЙ ХОДНЕВ

— Цвинглер
в центре Дрездена —
сокровищница мате-
матических, военных
и часовых раритетов

— Саксонские часов-
щики способствуют
реставрации экспо-
натов Цвинглера

часовщики
будут поддерживать
дрезденские музеи
до 2015 года

Осенью 2011 года Лондонский музей Виктории и Альберта назвал имя своего нового директора. Впервые за всю историю музея им стал не уроженец британских островов — профессор Мартин Рот, теперь уже бывший глава Государственных музейных собраний Дрездена. Шаг вроде бы загадочный: нешто в Англии не нашлось бы своего профессора с музейным опытом, но дело здесь не только в научной репутации господина Рота. Музей Виктории и Альберта собирается расширяться, строить новое здание и вообще существенно обновляться, но так, чтобы по возможности не поступиться ничем из своего традиционного имиджа. А Государственные музейные собрания Дрездена — пожалуй, один из самых красноречивых примеров огромного, славного и чрезвычайно разнообразного по составу музейного комплекса, который в последние годы только и делал, что обновлялся и расширялся.

С 2006 года, когда спонсором Государственных музейных собраний стала саксонская часовая компания A. Lange & Sohne, дрезденские музейщики сначала открыли «Новые Зеленые своды» — современное пространство в городском замке, где показываются самые сногшибательные предметы из коллекции драгоценностей и раритетов, собранной саксонскими курфюрстами. Потом открыли и исторические «Зеленые своды» — восстановленные в феерическом барочном великолепии залы сокровищницы Августа Сильного. Работа продолжается — под присмотром уже нового директора Дирка Зюндрама реконструируются галереи Цвингера (вскоре там откроются залы с еще одной старинной коллекцией — «Физико-математический кабинет»), на будущий год должно наконец-то окончательно завершиться растянувшееся на десятилетия восстановление замка. Уже известно, что A. Lange & Sohne будут поддерживать дрезденские музеи, по крайней мере, до 2015 года.

А пока в том же замковом крыле, где расположены «Зеленые своды», открылась еще одна экспозиция. Это тоже часть коллекции курфюрстов, их Оружейной палаты, причем едва ли не самая интригующая. В конце концов, избранные драгоценности «Зеленых сводов» были доступны публике еще в гэдээровские времена, а вот сокровища этой «Турецкой палаты» (Turkische Kammer) даже и до бомбежек 1945 года в таком объеме не экспонировались. Турецкое оружие правители Саксонии, судя по экспозиции, начали коллекционировать еще в XVI веке — сначала просто в качестве диковины. К концу следующего столетия ограниченное любопытство уже начало превращаться

в моду. И, можно себе представить, какую гордость в Дрездене вызвало то, что победитель турок под Веной в 1683 году, польский король Ян Собеский прислал соседям часть захваченной им добычи. Знамена и другие трофеи показывают теперь в витринах «Турецкой палаты» наряду с сотнями образцов восточного оружия — парадного и боевого, настоящего и подражательного, захваченного в бою и купленного. Или же подаренного. Курфюрст Август Сильный в 1697 году и сам был избран королем Польши, так что Османская империя оказалась его непосредственным соседом, и между двумя странами курсировали дипломатические миссии, по обычаю того времени нагруженные центнерами дорогих подарков.

Все эти жадно собираемые сабли, палаши, доспехи, шлемы, луки и конская упряжь не то чтобы совсем без дела пылились в шкафах Августа Сильного и его сына Августа III, тоже ставшего польским королем и сполна унаследовавшего отцовскую коллекционерскую манию. Но «дело», которое для них находилось, было чисто увеселительным: оттоманским вооружением щеголяли сам король, придворные и гвардейцы, когда монарху приходила фантазия устроить очередное карнавальное празднество с самим собой в роли «великого султана». В 1730 году, например, такое празднество проходило за городом, на пленэре: пышно разодетое войско в несколько тысяч человек парадировало и устраивало показательные маневры, двор пировал в лагере из восьми сотен шатров. Сохранился даже самый настоящий янычарский котел, в котором тогда придворные кашевары что-то готовили, правда, не для короля, а скорее для переодетых турками солдат. Но главный уникум, отправленный в «Турецкую палату» после завершения празднества и вот теперь впервые выставленный на всеобщее обозрение, — это королевский шатер работы османских мастеров, огромный, как дворцовая галерея: двадцать метров длиной, восемь метров шириной. На то, чтобы бережно отреставрировать все слои старинной ткани, ушло теперь четырнадцать лет. Больше нигде в европейских собраниях нет ничего подобного. Будучи в общем-то прежде всего памятником монаршим прихотям, «Турецкая палата» на самом деле рассказывает обо всем сразу — и об османском искусстве, и о хитрых политических комбинациях XVI-XIX веков, и о том, какие все-таки причудливые формы принимал европейский вкус к экзотике, заставлявший короля Польши ридиться воином ислама и страшно по этому поводу гордиться.

— Вальтер Ланге,
возродивший фа-
мильную мануфак-
туру в Гласхютте, —
легенда современной
Саксонии. Класси-
ческие часы Saxon-
ia Thin, представленные
в 2011 году и переиз-
данные в этом, можно
считать оммажем не-
мецкому бизнесмену

ГОНОЧНЫЕ ЧАСЫ ВЫБОР HUBLOT ПАЛ НА FERRARI ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА

Гонка Ferrari по маршруту Hublot началась

на автодроме в муджелло, что в 30 километрах от флоренции, родился новый часовой бренд — ferrari-hublot

Микрофон не работал. Это я поняла сразу, как только попыталась пискнуть пилоту «Hello!», и сильно пожалела, что одной из первых встряла в тестовый заезд, организованный для журналистов в рамках финала Ferrari Challenge. Я полулежала на сиденье пассажира, перепеленутая страховочными ремнями вдоль и поперек, и в забрало шлема — гигантской круглой полусферы, в которой слегка побалтывалась моя голова, — видела только стартовую прямую трассы да исхода приборную панель. Тронулись мы не страшно — километров со ста. Но едва выскочив за пределы стадиона на автодромные просторы тосканских холмов, зарядили все 250. Может, для кого-то это вполне обычное дело, однако гоночная трасса — это вам не дикие уличные «покатушки» по ночным городам. Наш F-430 летел как астероид, почти не замедляясь на виражах, вспархивая на холмы и пикируя в низины. Нездешнее, какое-то космическое завывание, пробивая стенки шлема, гудело в ушах. Голова моя, оторвавшись от туловища, на поворотах колотилась о боковую стойку, оцепеневшее от ужаса тело вращало в сиденье, глаза не могли оторваться от стрелки спидометра, норовившей переписать отметку 250, из недр души вырывалось тоскливое повизгивание. Спасение пришло, когда через амбразуру шлема я разглядела далекую надпись HUBLOT, начертанную на финишной растяжке. С того момента название знаменитой часовой марки стало для меня синонимом слова «рай». Это райское имя встречалось везде, куда ни падал взгляд. В тот день на официальном автодроме Ferrari под городком Муджелло, что в 30 км от Флоренции, Ferrari и Hublot отметили свадьбу века, публично поклявшись быть вместе в горе и в радости. В присутствии сотен свидетелей глава часовой

марки Жан-Клод Бивер и президент автомобильной компании Лука ди Монтеземоло обменялись — ну не кольцами, конечно, но драгоценными дарами: автомобильный магнат получил в подарок часы, часовщик — модель Ferrari. Оба были счастливы как дети — оба признались, что о таких подарках мечтали с малолетства.

Так часовая марка стала официальным партнером Ferrari. Это означает, что отныне многогранная деятельность Hublot накрепко связана с повседневной жизнью автомобильной компании. Часы Hublot будут на приборной панели новых Ferrari. В качестве официального таймкипера хронометры Hublot будут фиксировать победителей всех гонок, в которых участвуют знаменитые итальянские красные болиды. А залогом взаимных чувств и совместным детищем породнившихся знаменитостей станут новые наручные часы, у которых — беспрецедентный случай — будет двойное имя: Ferrari-Hublot.

До сих пор автомобилисты лишь снисходительно позволяли другим маркам делать для них часы, но имя свое они при этом безвозвратно теряли. Уникальность новой марки отнюдь не только в двойном имени. Красноватые часы сделаны из материала, который на свете не существовал. Его синтезировали ученые лаборатории в политехнической школе Лозанны, давние партнеры Hublot. Официальный выход новинки в свет состоится на главном часовом балу — мартовской ярмарке в Базеле. Но уже сейчас можно оценить ее достоинства. Медовый сезон Hublot-Ferrari ничуть не омрачает то, что часовая марка никак не может быть причислена к однолюбам. За десяток лет, проведенных под руководством кипучего господина Бивера, она обзавелась множеством титулованных спутников жизни. Hublot — официальный партнер FIFA, то есть футбольного чемпионата мира в целом. И одной из лучших на свете футбольных команд, «Манчестер Юнайтед», в частности. Hublot уже прибрал к рукам целую «Формулу-1». А теперь завоевал и ее украшение — команду Ferrari.

В Муджелло господин Бивер излучал счастье: «Ferrari — это всегда перформанс, это креатив, адреналин, бешеная энергетика. И, конечно, престиж». Однако неравным этот брак не назовешь: титулованный часовой монстр Hublot отличается теми же талантами и свойствами, что и бешеный вздыбленный жеребец Ferrari. В сущности, все давно считали Hublot таким Ferrari часового мира. Теперь это имя узаконено в контрактах, скреплено подписями и печатями и реализовано в новых часах.

Мощный дебют ко-брендинга: Hublot Bang Ferrari, классика марки с модным сегодня китайским акцентом

ЗОЛОТЫЕ ВРЕМЕНА OMEGA СЧИТАЕТ ОЛИМПИЙСКИЕ СЕКУНДЫ

марка omega меряет олимпийские рекорды уже 80 лет. и останавливаться на достигнутом не намерена

В этом году Omega отмечает один из самых значимых для компании юбилеев. 80 лет назад Omega впервые стала официальным хронометристом — «таймкипером» — Олимпийских игр. Им она является и сейчас, и этим своим статусом, кажется, чрезвычайно довольна.

К открытию первых в истории зимних юношеских Олимпийских игр тирольская погода, терзавшая в начале января туристов снегопадами, решила, что хмуриться довольно и пора показать, как она умеет улыбаться — солнечно, ярко. Улыбался и директор Swiss Timing Кристоф Берто, когда показывал свое хозяйство на конькобежном стадионе и санно-бобслейной трассе в Инсбруке — слишком идеально за десятилетия отлаженное, чтобы опасаться каких-то сбоев. Тем более в таких сказочных условиях.

Вот из этих красных треугольников вмонтированная в них лазерная установка посылает луч, и, пересекая его, конькобежец останавливает ход таймера, часто решающего, кому достанется золото и всемирная слава, а кому ничего, головная боль после бессонных ночей, пытка поражением. А в бобслее все немножко сложнее — такие установки приходится монтировать непосредственно в борта и снабжать обогревателями, иначе выйдут из строя. А вот современный стартовый пистолет — сплошная электроника, но звук электронного выстрела бьет по перепонкам не хуже револьверного. А вот цепочки компьютеров в контрольном центре, принимающих и передающих на табло, в интернет, на телеэкраны информацию. А вот фотокамера, которая отвечает за фотофиниш: 2,5 тыс. кадров в секунду.

Рассмотреть вблизи, как все функционирует, возможность редкая. Так близко, как в Инсбруке, — почти уникальная: на Олимпиадах к этим гаджетам не подпускают и на пушечный выстрел.

А тут, пожалуйста, смотри. И спрашивай главного «таймкипера», например, о том, а что будет, если конькобежец вдруг решит финишировать, занеся конек высоко над линией, вдоль которой «стреляет» лазерный луч, — тогда ведь тот «поймает» спортсмена с опозданием? Берто снова улыбнулся: «У нас на этот случай есть страховка — антенны, ловящие сигнал от чипов на лодыжке конькобежца. Плюс фотофиниш».

У него вообще на все вопросы есть отскакивающий от зубов ответ — 80 лет Omega в олимпийском timekeeping, складывается ощущение, что сделали для нее эту сложную с виду сферу такой же прозрачной, как искрящийся под солнцем инсбрукский лед: ни единой проблемы.

Она научилась выстраивать такие схемы, что выход из строя основных инструментов, тех же лазеров, не приведет к коллапсу — правильные цифры все равно возникнут где надо. Она научилась вычислять результаты с феноменальной точностью, даже более высокой, чем та, которая нужна ее партнерам — МОК и спортивным федерациям: в том же конькобежном спорте — не до сотой, а до тысячной доли секунды, в бобслее — не до тысячной, а до десятитысячной (говорят, на лондонской Олимпиаде будут действовать еще более совершенные приборы, для которых и одна миллионная секунды в порядке вещей).

А еще она научилась хранить секреты. Ведь иногда, получается, люди из Omega Timing знают о том, кто выиграл соревнования, в действительности чуточку больше, чем те, кому доступно лишь официальное время, не так уж и редко совпадающее у призеров. Но остальные — Берто это гарантирует — не узнают о разнице в крохах мгновений никогда. Во всяком случае, до тех пор, пока МОК не захочет считать и их.

А президент Omega Стивен Уркхарт объяснял, что люди сегодня «покупают эмоции» — не красоту, а прежде всего именно эмоции. А что дарит их щедрее, чем спорт? И почему вы тогда удивляетесь, что Omega так ему предана? И почему вы удивляетесь, что мы уже обсуждаем планы на сочинскую Олимпиаду? Она ведь начнется через полтора года после лондонской — оглянуться не успеешь. «А Россия — важный для нас рынок, развивающийся. Лондон — это прекрасно, это fun. Но в Лондоне, здесь, в Инсбруке, в Санкт-Морице Олимпийские игры уже проводились. Спорт в этих местах — он всегда был. А Сочи — это как Пекин в 2008 году: невероятный вызов», — говорил он.

Но кое-чему при этом все же сам удивился, когда я ему напомнил о том, что к предстоящей лондонской Олимпиаде Omega выпустила ремейк своего легендарного Seamaster Aqua Terra 44 London Chronograph, который был создан к предыдущим Играм в британской столице — 1948 года. Часы ведь внешне одинаковые и что в 1948-м, что теперь выглядят актуально. И где же без малого три четверти столетия, минувшие с тех пор, где эта бешеная гонка за совершенством?

Стивен Уркхарт сказал, что разница в более сложных механизмах, которых, когда разрабатывался первый Seamaster, еще не существовало. Но согласился, что вот это наблюдение как раз доказательство того, что механические часы своего рода чудо. И объяснять его феномен — себе дороже.

Впрочем, если разобраться, как и олимпийские медали, которые, чем бы ни измеряли результаты их обладателей — допотопным секундомером или соединенным с лазерным лучом таймером, умеющим делить секунду на миллион частей, остаются одинаково ценными и актуальными.

Алексей Доспехов

КРУГОСВЕТКА «ПОРТУГАЛЬЦА» IWC НА VOLVO OCEAN RACE МАРИЯ МАЗАЛОВА

volvo ocean race —
это гонка ради гонки.
ее победитель
не получает ни копейки

В прошлом году высокоточная мануфактура IWC из Шаффхаузена стала официальным спонсором и таймкипером чуть ли не самой жесткой и сложной кругосветной парусной регаты Volvo Ocean Race, а также спонсором одного из ее отважных участников — первой в истории гонки команды из ОАЭ Abu Dhabi. В честь этих событий знаменитая и романтичная модель Portuguese Yacht Club Chronograph IWC 2010 года сменила свой аристократический дизайн на более брутальный и спортивный: белый циферблат в новой версии «португальца» оказался угольно-черным, а прежний стальной корпус — титановым. Часы, созданные для напряженных морских приключений, теперь называются Portuguese Yacht Club Chronograph Edition «Volvo Ocean Race 2011–2012».

Идея проведения кругосветных яхтенных гонок появилась более сорока лет назад при весьма противоречивых обстоятельствах. Первая подобная кругосветная регата, The Sunday Times Golden Globe Race, проводившаяся в 1968–1969 годах, завершилась неудачно. Восемь из девяти ее участников гонку бросили, один из них — покончив жизнь самоубийством. Единственным выдержавшим безостановочное одиночное путешествие (а по правилам заходить в порт и обращаться за помощью было тогда запрещено) оказался британец Робин Нокс-Джонстон. Отчаянный яхтсмен проплыл вокруг света за 313 дней и стал первым, кому удалось сделать это без остановок.

То, что нашелся хотя бы один человек, который завершил труднейшую гонку, всем так понравилось, что очень скоро желающих участвовать в подобных соревнованиях стало целое море. Спустя несколько лет нашлись и желающие не только поучаствовать, но и провести регату: в число организаторов вошли Королевская ассоциация парусного мореплавания, а также британская пивоваренная компания Whitbread.

В 1973 году началась первая гонка. В отличие от The Sunday Times Golden Globe Race, она была командной и предполагала остановки (продолжатели одиночных безостановочных соревнований появились чуть позже). Потери этой гонки сильно превышали потери предыдущей: три экипажа пропали без вести. Тем не менее в 1977 году состоялась следующая кругосветная регата. Она стала называться Whitbread Round the World Race и с тех пор проводилась в Англии раз в четыре года.

В 2001 году у гонки сменился титульный спонсор — так она получила имя Volvo Ocean Race. Следующее соревнование в 2005-м начиналось уже не в Англии, а в Испании, и состояло из двух этапов: к неминуемому океанскому гонкам добавились еще портовые состязания. Они были рассчитаны на привлечение зрителей (хотя и приносили командам дополнительные баллы), и действительно имели такой успех, что Volvo Ocean Race стали проводить каждые три года. Конечно, сегодня это не столь опасное предприятие, как раньше, когда в помощь гонщикам были только секстант да компас, однако и без происшествий оно не обходилось еще ни разу.

Volvo Ocean Race — это гонка ради гонки, ее победитель не получает ни копейки. При этом участвуют в ней только самые быстрые яхты, класса Volvo 70, и самые талантливые капитаны и команды, часто чемпионы парусного спорта. За право принимать эту гонку борются десятки портов, а победившие платят миллионы. На этот раз счастливых десять, вот как звучит маршрут Volvo Ocean Race 2011–2012: Аликанте (Испания)—Кейптаун (ЮАР)—Абу-Даби (ОАЭ)—Санья (Китай)—Окленд (Новая Зеландия)—Итажаи (Бразилия)—Майами (США)—Лиссабон (Португалия)—Лорьян (Франция)—Голуэй (Ирландия). Шесть команд-участниц пройдут почти 40 тыс. морских миль (около 74 тыс. километров) в погоне за одной лишь мечтой. Титановые хронографы IWC, созданные для современных рискованных мореплавателей, станут частью спортивной экипировки.

— IWC Portuguese Yacht Club Chronograph Edition «Volvo Ocean Race 2011–2012»: романтичный «португалец» стал более спортивным. Корпус — из титана, циферблат — угольного цвета

ХОД С КОНЕМ С PARMIGIANI НА СКАЧКАХ WHITE TURF ПЕРЕЖИВАЛА ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА

white turf — единственное изобретение Санкт-Морица, старейшего в мире зимнего курорта, оставшееся в его единоличном распоряжении

Вдалеке, в узком конце овала обледеневшего озера Санкт-Мориц, сорвалась с места шеренга из 18 лошадей. Десятитысячная толпа, забившая трибуны, сооруженные прямо на льду, разом выдохнула, притихла и спустя пару мгновений разразилась единодушным воплем. Лошади просвистели мимо нас плотно сбитым отрядом. Я разглядела только двух отстающих: тонкие бабки, узкие головы, летящие по ветру гривы, раскинутые почти в шпагате ноги и — часть лошадиных тел — крошечные жокеи в мотоциклетных шлемах. За моей спиной крайне благопристойная семья — поджарый папа, предупредительная мама и вышколенный сын-подросток — кричит так, будто всем им рвут зубы без наркоза. «Банковский клерк, — решила я, — поставил больше, чем мог себе позволить, теперь переживает». Лошади, вытянувшись еле различимым пунктиром, секут снежную равнину на дальней стороне озера. Толпа у ограждений подпрыгивает от нетерпения. Поворот, пелотон все ближе, скакуны почти летят — топота не слышно, его глушит снег, финишная прямая, на полкорпуса вырывается четвертый номер, микрофонный голос объявляет победителя: Winterwind, Зимний Ветер. Закончился главный заезд White Turf — уникальных скачек на льду, проводимых в Санкт-Морице с 1907 года.

Эти скачки, проходящие три дня в году (три воскресенья февраля, по шесть заездов каждый день), остались в единоличной собственности Санкт-Морица. Скачки верхом, выездка на легчайших санях (точнее, высоких полозьях с жердочкой для жокея), на лыжах (лыжник-жокей управляет скакуном с помощью широкого куска ткани) — одна из самых экзотических швейцарских забав, ежегодно сгоняющая в Санкт-Мориц толпы любителей лошадей и часов. Заезды (от 1100 м до 2700 м) проскакивают за считанные минуты, антракты между ними длятся по полчаса, так что эти соревнования не столько спорт, сколько исключительно многолюдный и невероятно длительный светский раут open air.

Здесь, в Санкт-Морице, вы можете со спокойной душой выгуливать драгоценные меха, не опасаясь разъяренных зеленых. Соболя, шиншиллы, серебряные чернобурки, даже редкие горностаи дефилируют по главной ледовой аллее между легкими павильонами. Там нескончаемым потоком льются шампанское, всевозможные гроги, пунши, глинтвейны, а для особо зябнущих — многолетние коньяки. Лобстеры и тигровые креветки горят оранжевым светом на ледяных блюдах, прозрачные блинчики шипят на сковородах, повара в колпаках исполинскими ножами пластуют жареные туши. За легкими столиками, разбросанными на снегу между раскидистых пальм (кадки тщательно замаскированы сугробами), утопая в мехах и подушках, полулежат любители скачек, подкрепляя силы перед очередным заездом и сверя время по своим драгоценным часам.

Мануфактура Parmigiani уже три года партнер White Turf. «И еще три года впереди, — говорит мне Жан-Марк Жако, директор марки Parmigiani. — Мы любим эти скачки, потому что здесь собираются наши люди, такого общества теперь нигде не найдешь. Это настоящие конзсервы». Употребив это совершенно лесковское словцо, Жан-Марк добавляет: «Для нас это не бизнес, это по любви». Он извиняется и уходит — сейчас будут награждать победителей.

Семейство за моей спиной меж тем прыгает, орет и обнимается; похоже, правильно поставили, думаю я. Спустя пять минут вижу их опять — папу, маму, сына — на подмостках, сколоченных тут же на льду, прямо за трибунами, для церемонии награждения. Оказывается, Зимний Ветер — их семейный конек. Президент White Turf Сильвио Мартин Штауб с грузом выдает приветливую улыбку в адрес счастливых: его собственный конь, фаворит заезда Rolling Home, купленный после победы на предыдущих скачках, пришел только третьим. Жан-Марк Жако вручает главе семейства приз, дополняющий выигрыш в 121 тыс. и еще в 121 швейцарский франк: наручные часы Parmigiani Kalpa XL Automatic с белыми силуэтами коней, едва уловимыми на белом же циферблате.

Рядом с владельцами крошка-жокеи с продувной физиономией, заграбастав коробочку с драгоценным трофеем, лучится счастьем. Задиристая брюнетка — личный тренер коня-победителя, требует для себя часы с белым ремешком. Ее ведут в «салон» Gubelin, расположенный тут же на льду, — продуваемый насквозь, нарочито грубо сколоченный павильончик без окон и дверей, с разбросанным на досках пола сеном и прозрачными колоннами витрин, в которых, смущаясь собственным величием, бликует драгоценности и часы Parmigiani.

White Turf — единственное изобретение Санкт-Морица, старейшего в мире зимнего курорта, оставшееся в его единоличном распоряжении. На самом деле почти все, что двигается и соревнуется зимой, еще в XIX веке съезжалось сюда, к длинному озеру, лежащему в горах Швейцарских Альп. Здесь в 1880-м первые континентальные керлингисты замахали своими щетками, расчищая путь тяжелым камням. На льду этого озера в 1882 году были проведены первые в Европе соревнования фигуристов. По серпантинной улочке Via Salatrains в 1890-м скатились первые бобслеисты, а 13 лет спустя именно в местных горах им построили специальную трассу. Туристический зимний рай Санкт-Мориц по праву принял зимние Олимпийские игры 1928 года. Но за полтора века интенсивных занятий спортом только один его вид не покинул исторической родины — White Turf.

__Parmigiani,
Tonda 1950

__Parmigiani,
Tonda 1950

БРЕМЯ БУНТАРСТВА TIME FOR REBELS TAG HEUER

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

___ Черно-белая фотография
сейчас, в эпоху господства цвета,
стала признаком высокого
искусства

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

___ Женевский зал Espace
Secheron: «бунтарские»
снимки оказались вписанными
в гламурно-гоночное
пространство

time for rebels, выставка
«протестных» фотографий,
показанная в Женеве, — первый
крупный арт-проект tag heuer

Часовая марка TAG Heuer по-своему откликнулась на рост протестных настроений в мире. Известно, что если движение не остановить, то надо его возглавить. Пусть антиглобалисты выходят на улицу, если им это нравится, пусть себе захватывают Уолл-стрит, это в духе времени, ведь с молодежью не поспоришь, но эти захватчики должны быть наилучшим образом экипированы и иметь на руках точные часовые приборы, чтобы соблюдать распорядок дня, предназначенного для выражения недовольства.

Зал Espace Secheron, который TAG Heuer уже не в первый раз выбирает для своих женевских показов, как нельзя лучше подходит к теме бунтарства. Он находится в промышленной зоне Женевы, которая постепенно уступает место жилью и офисам. Словом, уходящая натура, распад и «дизастр». Впрочем, «дизастр» Espace Secheron по-швейцарски очень аккуратный, вычищенный и вымытый прежними и новыми хозяевами. Но и это после золотых коридоров женевского салона SIHH оставляет некоторое приятное ощущение тревоги.

Внутри ангара — темное пространство, разделенное на две большие зоны белыми изогнутыми экранами. На этих экранах развешены фотографии, сделанные для проекта Time for Rebels знаменитыми фотографами. На снимках — пары, мужчина и женщина, выбранные за определенные бунтарские заслуги, что подробно раскрывается в пояснительных текстах, ну и потому, что они молоды и красивы. Посудите сами, какое сочувствие в наше время может вызвать уродливый бунтарь, Квазимодо или Гвинплен, какая бы история борьбы за ним ни стояла. Все-таки нас очень испортил Че Гевара с его модельной внешностью и бородкой Христа. С тех пор ясно, что революцию делают записные красавцы, а противостоят им уродливые жабы преклонных лет. Что, конечно же, не всегда справедливо.

На каждой фотографии — два человека, два, по определению кураторов выставки, свирепых бунтаря. Среди них есть и вправду удивительные персонажи. К примеру, две красавицы — Шеннон Макинтош из США, стократная победительница автомобильных гонок «Индикар», или Бонита Норрис из Англии, самая юная в истории британка, покорившая Эверест. Все фото

построены примерно одинаково — двое на разных планах: один ближе, другой дальше, но по мере вашего движения вдоль отпечатка они меняются местами. Изображения нанесены на металлическую основу таким особым образом, что они зависят от угла зрения. Принцип такой же, что и на объемных открытках 1970-х с раздвигающимися японками, но сделано все гораздо тоньше и технологичнее. К тому же фотографии черно-белые, под стать пространству, к тому же черно-белая фотография сейчас, в эпоху господства цвета, стала верным признаком высокого искусства.

Выглядит это забавно: по мере вашего движения на гладкой щеке красавицы-актрисы Мартины Кодекаса появляется борода ее соседа — регбиста Мартина Кастроджовани (фото Фреди Маркарини) или, наоборот, на лбу футболиста Аитора Очио ясно вырисовывается третий глаз, занятый им у соседки, испанской телеведущей Анны Игартibuру (фотограф Марио Сьерра). Схема парного протеста проведена по странам. От русского рынка бунтуют Григорий Добрынин, сыгравший у Попогребского в «Как я провел этим летом», и актриса Юлия Снигирь (фотограф Владимир Глынин), французов ведут на баррикады актер Томер Сисей и журналистка TF1 Марьон Жоллес (фотограф Тома Лавелль). Есть пары австралийские и гонконгские, представлены Германия и Италия, Малайзия и Индия. Интернациональность, то есть дух международного протеста, олицетворяют пилот «Формулы-1» Льюис Хэмилтон и теннисистка Мария Шарапова — на фотографии Натаниэля Голдберга.

Эта меняющаяся жизнь фотографии очень развлекает, но, погружаясь в конкретные сюжеты, оцениваешь и общий образ выставки. В полумраке перед белыми стенами с черно-бело-серым блестящим металлом фото выставлены два объекта интенсивного подсвеченного красного цвета — настоящий гоночный автомобиль «Формулы-1» и не уступающая ему в размерах красная женская туфелька на высоком каблуке. Что имеется в виду? Конечно, то, что скорость и мода тоже бунт, а вовсе не соглашательство. Теперь, выходя на очередную Болотную площадь, привычный Rolex пора менять на TAG Heuer.

___ TAG Heuer Formula
1 Black Bezel with
Red Range 42 mm.

Специально для бунтарей TAG Heuer (вместе с пилотами команды «Формулы-1» Vodafone McLaren Mercedes) разработал новые часы и отдал их на испытание Дженсону Батону и Льюису Хэмилтону

Алексей Тарханов

У LANGE ПЕРСПЕКТИВЫ ЛУЧШЕ, ЧЕМ КОГДА-ЛИБО

ЭНТОНИ ДЕ ХААС

A. LANGE & SOHNE

выпуск saxonia automatic не означает, что «ланге» стали делать массовые часы. мы никогда не соберемся сделать такие

сов в том, что касается качества. Думаю, мы успешно справились с этой задачей. После того как мы выпустили Saxonia Automatic, звучали мнения, что это, мол, часы массового производства. Совсем нет, как раз этого мы не собирались делать. Более того, развитие линейки новых автоматических механизмов не означает остановки производства часов Langematik, но нужно понимать, что часы Langematik не могут стоить, как Saxonia Automatic. Мы не можем позволить себе продавать автоматические часы с трехчетвертным мини-ротором системы автоматического завода за €20 тыс., все-таки у них довольно сложный механизм.

— Способствует ли переменам в Lange приход нового руководителя?

— За последние несколько лет, что прошли после кризиса, мы сделали множество вещей, форсировали разработку новых механизмов. Это были непростые времена, но мы справились. Важным фактором было назначение нового генерального директора Lange — им стал Вильгельм Шмидт. Он не из часового бизнеса, но, что для нас очень важно, серьезно увлекается часами. Жером Ламбер остается куратором Lange, и хотя мы не часто встречаемся с ним, это полезные встречи — у Жерома правильное видение и часового бизнеса, и часовой техники. Жером проявляет искреннее уважение к мастерам, занятым ручным трудом, и все они это очень тонко чувствуют. То же самое я могу сказать и о Вильгельме Шмидте. Он изучал механику, готовясь работать в автомобильной индустрии, он точно знает, что и как делается на мануфактуре, зачем нужны те или иные инструменты, от него не услышишь пустых разговоров. Он оставил очень хорошее впечатление у всех сотрудников Lange, что заняты в производстве. Это очень важно в том числе и для мастеров Lange, которые гордятся тем, что делают, ведь из их рук выходят настоящие произведения искусства. Сразу после назначения Вильгельм Шмидт сказал: «Первые пять месяцев я работаю без командировок, провожу все время на мануфактуре, чтобы понять каждую стадию производства и каждый процесс, буду разговаривать с коллегами, чтобы все почувствовать самому». Поэтому я с уверенностью смотрю на будущее марки Lange, перспективы лучше, чем когда-либо.

— Помогали ли специалисты Jaeger-LeCoultre в разработке новых тонких автоматических механизмов?

— Мы дружим с Jaeger-LeCoultre особенно тесно после того, как Жером Ламбер, президент этой марки, стал куратором Lange. Однако все новые автоматические калибры — наша собственная разработка. Их основой стал наш компактный калибр 942.1 с ручным заводом. Мы дополнили его блоком автоматического завода, ротор поставили на шариковый подшипник. У нас уже была конструкция с креплением на оси — ранее мы применили ее в механизме часов Lange 1 Daymatic. В данном случае эта конструкция делала бы механизм немного более толстым, чем нам того хотелось, поэтому мы остановились на варианте с подшипником. Мы экспериментировали с разными подшипниками, и в конце концов специалисты из Jaeger-LeCoultre нашли нам хорошего поставщика. Однако они в накладе не остались — мы поставляем им спирали.

Когда узнаешь о том, каким был путь Энтони де Хааса, ныне директора по развитию A. Lange & Söhne, во всемирно известную часовую марку, невозможно отделаться от впечатления, что против «Ланге», как против судьбы, не пойдешь. Энтони начинал карьеру часовщика с того, что, заинтересовавшись часовой микромеханикой, устраивался на работу в мастерские в его родной Голландии. Однако от обычной работы по ремонту часов он быстро утомился и, осознав это, набрался решимости, чтобы позвонить в IWC и попытаться поступить туда на работу. После разговора его пригласили на тестирование, и он за час справился с заданием, на которое квалифицированные часовщики обычно тратят три часа... В Шаффхаузене, где находится мануфактура IWC, он встретился с легендарным Гюнтером Блюмляйном, в то время руководившим процессом возрождения A. Lange & Söhne. Блюмляйн уже видел Энтони в ланговской команде, но нашлись расторопные «охотники за мозгами» со знаменитой фабрики механизмов Renaud & Papi, и Энтони де Хаас отправился туда набираться опыта в работе со сложными механизмами. Однако и там он не смог уйти от, видимо, предназначенной ему судьбы — ему поручили сконструировать фузейную передачу для Tourbograph «Pour le Mérite». В компании Lange Энтони де Хаас работает с 2004 года.

— Какие проблемы в Lange вам представляются наиболее важными?

— Главная проблема в Lange — бережно развивать эту марку, не отказываясь от того, что в ней ценно. Поэтому — никаких планов перехода к массовому производству или к выпуску дешевых часов. И без этого есть еще очень много интересных вещей, которые мы можем сделать: это и сложные часы, и те часы, что попадают в ценовой диапазон €20–30 тыс. Последнее — наиболее серьезный вызов для нас. Возьмем, например, Saxonia Automatic. Мы поставили цель сделать часы Lange с автоматическим механизмом, которые будут стоить меньше €20 тыс., и при этом не допускать никаких компромис-

— A. Lange & Söhne, Datograph AUF/AB.

Серия Datograph была представлена в 1999 году, в 2012-м в Женеве была показана новая версия. Серьезные, истинно саксонские часы получили ряд усовершенствований. Механизм оснащен узлом баланса, произведенным непосредственно на мануфактуре в Гласютте. Спираль Nivarox также заменена на мануфактурную спираль Lange. Запас хода в часах увеличился с 36 до 60 часов, в связи с этим на циферблате появился и указатель запаса хода — это индикатор на «6 часах» с метками AUF/AB. Корпус нового Datograph выполнен из платины и увеличен в диаметре — с 39 до 41 мм

Беседовал Алексей Кутковой

В ЧАСОВОМ ОРКЕСТРЕ Я ДИРИЖЕР ЯНЕК ДЕЛЕСШКЕВИЧ, АРТ-ДИРЕКТОР JAEGER-LECOULTRE

классический
циферблат
jaeger-lecoultre
reverso — это
квинтэссенция
часового
дизайна

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Француз Янек Делешкевич — глава дизайнерского отдела компании Jaeger-LeCoultre делит жизнь между милой деревушкой Сантье, где расположена часовая мануфактура, и Парижем. Когда его спрашивают, не скучно ли ему в Швейцарии, он отвечает, что очень ценит сочетание французской легкости, немецкой основательности и английской церемонности, которую он находит в местных жителях. Во всех часах, выпущенных Jaeger-LeCoultre за последние двадцать с лишним лет, виден его вкус и его пристрастия. А, может быть, наоборот: за это время сам Янек Делешкевич стал таким же точным и артистичным, как произведения Jaeger-LeCoultre.

— В прошлом году вы отпраздновали 80-летие знаменитых, легендарных часов Reverso. Я помню, вы говорили, что это любимые ваши часы у Jaeger-LeCoultre, а может быть и вообще. Восемьдесят лет — это рекордный срок, как вы думаете, почему они не состарились?

— Мне кажется, что у любых предметов должны быть соответствующие им и времени формы. Вот мы сделали Master Compressor Extreme LAB и Master Compressor Extreme LAB2, современнейшие часы, на новейших материалах, было бы смешно их представлять в старинных одеждах, но у Reverso есть свои коды. Я до сих пор влюблен в эту модель. Когда много лет назад мы решили вернуться к Reverso, мы были поражены тем, что эта часовая форма не устарела. Классический циферблат Reverso — это квинтэссенция часового дизайна. Точно так же и корпус, придуманный в 1930-х Альфредом Шово. И, конечно, имя. Где вы найдете часы, имя которых так точно соответствовало бы их функции? А теперь смотрите, что с ними произошло дальше. Это часы для спорта и довольно специальные — для игрока в поло. Все равно как часы для водолаза или космонавта. Но очень скоро эти спортивные

часы стали часами для смокинга, часами, которые гораздо чаще можно увидеть на приеме, чем на поле для игры в поло.

— И вы продолжаете праздновать юбилей. В этом году вы показали винтажные Reverso с красным циферблатом и с синим. А в будущем — с зеленым?

— Красные Reverso — это ответ на просьбы клиентов. В ноябре 2011 года старинная модель этого цвета была продана с аукциона Artcurial в Париже и все вдруг будто бы сошли с ума! Подавай им красную Reverso! Особенно бушевали американцы. Мы такую для них сделали. Я же предпочитаю простой белый циферблат, с другой стороны — красный, белый или синий, это немного меняет в часах.

— Мне кажется, что новые Reverso опять немного уменьшились в размерах со времен массивной Squadra. Вы нарочно идете против тенденции к увеличению часов?

— Да, рост часов становится модой. Я помню часы, которые подарил мне в юности отец, маленькие золотые часы, их размер 32 мм сегодня сошел бы за женский. Но если я их не ношу сейчас, то не потому, что они мне не по росту, наоборот, я так много и с удовольствием их носил, что золотой корпус требует ремонта. И миниатюрный размер корпуса меня совершенно устраивал. Есть случаи, когда размер продиктован функцией, в большой корпус можно уложить дополнительные осложнения, но смешно, когда часы делаются большими просто для того, чтобы потрафить общему мнению. Большие часы с пустотой внутри... Этого я не понимаю. Мы увеличили в свое время классический размер Reverso, когда сделали Reverso Squadra, но там стоял точно подходящий по размеру механизм круглых часов, и это было геометрически совершенно: круг, вписанный в квадрат.

— Кто работает в вашем дизайнерском подразделении, кто может проектировать часы?

— У меня есть художники, есть инженеры, есть люди, которые сочетают оба типа мышления. Одни больше знают об искусстве,

другие больше знают о технике. Это как оркестр, мне есть с чем сравнить, я ведь сам играю джаз, и в часовом оркестре я дирижер. Я считаю себя художником, но у меня еще и техническое образование плюс опыт работы в самых разных местах — в автомобильном, в экспозиционном дизайне.

— Что было самым трудным в проектировании новых часов из вашей серии Dual-Wing — Duometre a Spherotourbillon, которые вы привезли на SIHH?

— Самым трудным было создать первый «двойной» хронограф — Duometre a Chronographe, я до сих пор люблю его больше всех в этой серии, хотя с точки зрения усложнений последующие модели, несомненно, интереснее. Но те первые часы задали тон всей линии, которая теперь может стать одной из самых заметных в линейках Jaeger-LeCoultre. Я последователен и искренен в своих симпатиях хотя бы потому, что это часы, которые я ношу сам. Знаете, как они мне достались? У меня был Duometre, который мне выдали, чтобы его проверить. Я должен был пронести его год и вернуть на мануфактуру с подробным отчетом. Но я к нему так привык. Можно сказать, сроднился. И однажды я получил письмо, в котором говорилось, что поскольку вы, господин Делешкевич, двадцать лет проработали на одном предприятии, вы имеете право на медаль «За доблестный труд».

— Вы проработали в Jaeger-LeCoultre двадцать лет?

— Больше. Я пришел на Jaeger-LeCoultre в 1988 году по приглашению Гюнтера Блюмляйна, тогдашнего главы марки. Но кроме медали, говорилось в письме, вы имеете право на подарок от компании на столько-то тысяч евро. И я тут же отправился к нашему шефу Жерому Ламберу, и спросил у него, могут ли я на эти деньги, доплатив, разумеется, оставить у себя мой драгоценный Duometre? Жером Ламбер не был против. С тех пор я так и продолжаю его тестировать. И ни капли в нем не разочаровался.

Беседовал Алексей Тарханов

— Jaeger-LeCoultre Duometre Spherotourbillon — основная техническая новинка мануфактуры из Валле-де-Жу, показанная в рамках SIHH. Эти часы демонстрируют фирменный стиль Jaeger-LeCoultre: прозрачность сложнейшей композиции циферблата, почти французский артистизм пропорций

Jaeger-LeCoultre Grande Reverso Rouge Enamel — новая винтажная модель Reverso, сделанная в честь одноименных часов марки 1931 года выпуска

ЭМАЛЬ — ПРИМЕТА КЛАССИКИ

ЭМАЛЬЕР АНИТА ПОРШЕ

__ Piaget Polo
Tourbillon Relatif
Yachting 2009 года —
легендарная работа
Аниты Порше.
Корпус из белого
золота, синяя эмаль,
ограниченная серия
в три экземпляра

__ Часы Altiplano
Piaget — классиче-
ская ультратонкая
модель Piaget. Корпус
из белого золота,
белые бриллианты,
эмалевый циферблат,
расписанный вручную
Анитой Порше

Metier d'Art — это историческое, «ремесленное», декоративное направление в мужских и женских часах, которое стало необычайно популярным в последние два года. Многие связывают моду на декоративность с артистическими запросами могущественного азиатского рынка. Анита Порше, независимый мастер эмали, владелец собственного ателье, работает в области Metier d'Art уже тридцать лет. В рамках SIHH были показаны ее эмалевые часы, созданные для мануфактуры Piaget.

— Как, когда и почему вы решили стать мастером по эмали?

— Решение заниматься эмалью было принято очень давно. В 1982 году я начала брать уроки по эмали у легендарного мастера мадам Жюилерэ. Я занималась с ней пять лет. Одновременно с обучением я уже работала для нескольких швейцарских часовых марок, выполняя именно заказы по эмалям. С 1986 года я регулярно участвую в декоративных выставках, где показывают свои произведения и другие эмальеры. Такие сессии проходят как в Париже, так и в Женеве и других швейцарских городах. Декоративное искусство, эмаль в частности, очень любят и на Востоке: в 1999 году у нас была большая выставка в Японии. В 1992 году я обосновалась в Лозанне, где открыла собственное ателье по эмали. В этом году отмечаю юбилей — 20 лет своей мастерской.

— Сегодня эмаль, а также иные декоративные техники — гильоше, гравировки — очень востребованы. Многие сейчас уверены, что такая актуальность артистических ремесел имеет азиатское коммерческое вдохновение. Что вы думаете? Обязана ли швейцарская часовая индустрия богатейшему Востоку возрождением сермяжных ремесел?

— Я не очень согласна со словом «возрождение». Конечно, мода на ремесла сегодня есть, и это не только мода на эмаль. Популярны инкрустации, гравировка, гильоше, микро мозаика. В часовой индустрии, как и в моде, все движется по кругу. В 2000-е, если вы вспомните, все часовщики увлекались новыми материалами — так появился титан, керамика, всевозможные покрытия вроде PVD, многие механизмы, калибры получили новые материалы. 2000-е были эпохой грандиозных экспериментов. Было увлечение и формой: именно на таких формальных экспериментах и возникли многие совсем молодые марки. В 2000-е было принято бороться, как-то противостоять классике. Вот почему эмалевые часы, которые являются историческим продуктом для нашей промышленности, почти не были заметны на этом авангардном поле. Потом, когда наступил финансовый кризис, клиенты стали осторожничать. Они захотели вкладывать деньги в классические, вечные вещи. Авангард, в сущности, сошел на нет. Актуальность эмали связана с новым шагом развития: теперь все хотят видеть больше классического

мое ателье работает со всеми техниками эмали. часы расписываются только вручную, на одну модель может уйти несколько месяцев

часового декоративного искусства. То есть декоративность — это новый виток классики. Ее следующий шаг. Просто белый циферблат нужно чем-то заполнять! И эмалевый рисунок — это историческая миниатюрная роспись. Восточные клиенты тоже играют значимую роль. Для них дорогие часы — это искусство, не просто красивый предмет, а что-то сакральное, священное. Азиатские коллекционеры действительно в большей степени ценят эстетическую нагрузку в часовом предмете.

— Все-таки среди всех представленных на рынке ремесел именно голос эмали звучит сильнее, громче остальных. Почему, как вы считаете?

— Во-первых, эмаль — это исторический знак часовой оформительской техники. Расцвет эмалевых часов приходится на галантный XVIII век. Эмалевых часов было много и в первой половине XIX века. Потом от рисунков остался только лишь один пустой белый эмалевый циферблат. Но и он — именно эмалевый, продолжал успешно жить. Другими словами, эмаль неотделима от часов. Просто в определенные десятилетия она уходила в тень. Можно вспомнить и о гильоше. Ведь именно гильоширование, введенное в моду великим Бреге, постепенно вытеснило эмаль с циферблатов. Но гильоше скорее признак формальных, деловых, весьма суровых часов. Это трудная техника, но она не дает столько света, столько радости живого искусства. Эмаль дает цвет, свет, объем, у эмали есть богатейшие возможности палитры. Мое ателье делает разные виды эмали, все работы выполняются только вручную, над одной моделью у нас можно работать месяцами. Ведь популярность Metier d'Art связана с ручным трудом, со сложными задачами. Часы, сделанные в соответствии с ремесленными положениями, это не просто технический шедевр, это в буквальном смысле произведение искусства.

Беседовала Екатерина Истомина

МЫ — РЕМЕСЛЕННИКИ, ОНИ — ПРОИЗВОДСТВЕННИКИ ДЕМЕТРИО КАБИДУ О СОЮЗЕ MINERVA И MONTBLANC

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Часовщик Деметрио Кабиду отвечает в марке Montblanc за высокое часовое искусство, такое же высокое, как легендарная альпийская вершина. Кабиду руководил и руководит старинной швейцарской компанией Fabrique d'Horlogerie Minerva. Richemont Group приобрела ее в 2006 году и передала Montblanc, дому, который в то время начинал писать своими ручками свою часовую историю.

— Хорошо помню момент, когда все узнали, что «Монблан» покупает «Минерву». Сколько это вызвало сомнений и разговоров. Что станет с «Минервой» и к чему вообще этот неравный брак?

— Как вы понимаете, я был со стороны бесприданницы. В момент покупки «Минервы» группой Richemont я, честно говоря, надеялся, что нам предоставят возможность развиваться самостоятельно, что мы станем еще одной маркой в группе. Но я думаю, им было ясно, что слишком много сил нужно, чтобы вывести на рынок столь маленький бренд, хотя и с отличной историей. А «Монблан» в то время старался стать часовщиком, ему нужно было наследство, которое бы укрепило его часовые корни. И в Richemont решили соединить две марки. Не скрою, сначала мне было обидно. Но потом я понял: какое счастье, что нашим патроном стал именно бренд «Монблан». Среди всех марок группы он был менее всего часовщиком и оттого имел в нас наибольшую нужду. Для нас открылась возможность служить клиентам, пусть с помощью «Монблана», но и «Монблан», надо отдать ему должное, никогда не забывал, в компании говорят о нас, нас никто не прятал. Согласитесь, что любая другая часовая марка была бы заинтересована в своем имени, а не в нашем.

— То есть у «Монблана» не было традиций, а теперь у него традиций целая мануфактура?

— Вот именно. Благодаря нам новый часовой «Монблан» имеет 150-летнюю историю и специальное подразделение, одно из немногих в мире, которое способно самостоятельно провести часы от эскиза до серии, а не просто ставить свое имя на компиляции чужих умений.

— В чем разница между большим «Монбланом», расположенным в Ле-Локле, и «Минервой» в Виллере?

большой «МОНБЛАН» — это 100 тысяч часов в год, мы в «МИНЕРВЕ» производим всего 200 штук

— Большой «Монблан» — это 100 тысяч часов в год, а мы выпускаем всего 200 штук. То есть мы — два промилле от их производства и должны иметь другую философию. К тому же это все-таки два разных места.

— Далеко друг от друга?

— 30 километров. Мы — ремесленники, а они — производственники, у каждого своя гордость, и сотрудничество нам помогает. Я страшно доволен, когда Тьерри Жюно, который директорствует в Ле-Локле, говорит: «Мне нужен совет». Я всегда рад ему помочь, а они мне — в маркетинге, в кадрах и так далее. Они дают мне возможность заниматься тем, что я больше всего люблю, — часами.

— Одним словом, это история мануфактуры при мануфактуре — как Renaud et Fapri при Audemars Piguet.

— Такое существовало всегда. Я работал когда-то в Louis Brandt, маленьком подразделении, которое разрабатывало усложнения для Omega, как Renaud et Fapri для Audemars Piguet. Так что «Минерва» не исключение.

— Но Джулио Папи работает и на другие марки вроде Richard Mille, а ваша мануфактура — только на «Монблан»?

— Мне самому, быть может, и хотелось бы проектировать различные усложнения для разных марок. Ведь я потомственный часовщик, моя мама работала в Jaeger-LeCoultre, поэтому я с детства — в мире часов, у меня огромный опыт. Еще до альянса с «Монбланом» у нас были контракты с Paperga, мы делали им несколько механизмов, но с прошлого года контракт закончился. Теперь работаем только для «Монблана», делаем маленькие серии, как традиционные часовщики, в той манере, в которой я хочу и люблю работать. Так хотели бы работать многие, но у них нет рядом «Монблана», который бы им помог. Но я считаю, и мы для них полезны, когда делаем вещи, о которых говорят.

— Как давно вы работаете в «Минерве»?

— 11 лет. Раньше я работал на Lemania, которая потом стала основой Breguet. Я провел там более 25 лет и ушел перед тем, как нашим хозяином стал Николас Хайек. И еще я был техническим директором в Gerald Genta и Daniel Roth. Я начал работать в 15 лет. Знаете, теперь я во главе предприятия, но вот этому я как раз не учился, это необходимость, а желания такого у меня не было. Возможно, кому-нибудь нравится командовать тысячами, десятками тысяч, но это не мой случай. У нас маленький штат, всего 40 человек, я самый старший, мне 60, а самому младшему — 22. Всех я зову по именам и не хочу говорить никому «Бонжур, месье», потому что я не помню его фамилии.

— Ваше видение будущего швейцарских часовщиков?

— Я больше 40 лет в часах и всякое повидал. Мне везло, я не терял работы, но в 1970-х я был на предприятии, где трудились 450 человек и 300 отправили за ворота, потому что явился кварц и им больше нечего было делать. Многие мои друзья предпочли это забыть, а я помню и боюсь возврата. Потому что мы делаем вещи, которые являются настоящим часовым подвигом, но при этом понимаем, что электроника все равно точнее. Часы — это больше не необходимость, и я бы очень не хотел, чтобы все прекратилось однажды.

— «Монблан» похож на вас. Марка делает ручки, когда люди пишут все меньше и меньше.

— Конечно, в этом мы родственники, может, потому они так хорошо нас понимают.

— Montblanc TimeWriter II Bi-Frequency — самая сложная модель 2012 года, придуманная в цветовой и архитектурной стилистике Montblanc и сделанная на фабрике Minerva

Беседовал Алексей Тарханов

НАСТАЛО ВРЕМЯ ВАЖНЕЙШИХ МЕЛОЧЕЙ АЛЕКСАНДР ПЕРАЛЬДИ, BAUME & MERCIER

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Александр Перальди — глава дизайнерской команды старинной швейцарской мануфактуры Baume & Mercier, ведущей свою родословную с 1830 года. Свою индивидуальность Александр Перальди, следовательно, мог бы подчеркивать особым способом завязывания офисного галстука. Вместо этого Перальди бреет голову, носит широкую черную юбку и увлекается кендо — искусством японского боя на мече. Нынешний Женевский часовой салон SHN — двадцатый, в котором он участвует.

— У Baume & Mercier новый генеральный директор Алан Циммерманн. От нового главы можно было бы ждать каких-нибудь резких шагов по изменению имиджа. Меж тем есть ощущение, что вы работаете над тем, чтобы возродить все лучшее, что было у марки, пусть в новых формах.

— Принципиально важным для нас был прошлый год. Мы начали с запуска модели Capeland, вроде бы обновленной, а на самом деле вернувшейся к своей славной истории. Мы переосмыслили коллекцию Linea. Мы запустили новый Hampton. Настало время важнейших мелочей. Если стратегическое решение о запуске и ассортименте принимает генеральный директор, то на мою долю приходится работа с человеческим измерением новых часов. Это огромное удовольствие для дизайнера, когда после периода штурма начинается период тщательной отработки твоих моделей, когда у тебя есть возможность довести их до миллиметра.

на мою долю приходится работа с человеческим измерением новых часов

— Что в этом процессе было для вас особенно интересным? Или особенно сложным.

— Есть вещи, которыми я особенно горд, и вещи, которыми я горд особенно. Например, мучительно трудно было сделать металлический браслет для Hampton, потому что это классические часы, рассчитанные на ремешок из крокодиловой кожи в духе эпохи Великого Гэтсби. В то время ведь металлические браслеты не носили, кроме как в золотых женских часах. Я предвидел эти сложности, когда разрабатывал корпус нового «Хэмптона», но работа оказалась еще сложнее, чем я думал. К счастью, мы можем сейчас гораздо точнее, чем лет десять назад, обрабатывать металл, и мы сделали для браслета вот это переходное звено, которое, на мой взгляд, отлично связало браслет и часы.

— Capeland вроде бы не изменился?

— Вы шутите? Мы делаем корпус 44 мм вместо 42 мм. Вроде бы совсем немного, но для часов 2 миллиметра это как 20 сантиметров для машины, это многое меняет в восприятии. Мы открыли механизм с обратной стороны. И заменили его на другой — с большим размером цифр для даты и с коррекцией даты с помощью особого положения заводной головки. Очень хорошо, когда у часов есть несколько размеров, и вы можете найти себе модель по руке. Вот вам какой размер больше нравится?

— Препорочительный, 42 мм, но это дело вкуса.

— Дело вкуса и привычки. И культурного стереотипа. И даже национального. Есть рынки, на которых берут преимущественно размер 42 мм, потому что мужчины любят часы поменьше, есть рынки, где предпочитают 44 мм, а есть рынки, где 42 мм с удовольствием носят женщины.

— Baume & Mercier наконец-то вернулся к своей замечательной женской коллекции Linea. Что нового в ней?

— Более крупный диаметр корпуса, 32 мм, — это очень нужный для нас размер. Все часы в мире сейчас становятся крупнее, но женские часы не могут расти так же быстро, как и мужские. Для женских часов увеличение с прежних 27 мм до 32 мм означает большие перемены в облике и в дизайне.

— Благодаря этому вы смогли заменить кварц на автоматический механизм.

— Да, и автоматический механизм в женских часах это тоже нечто отличное от мужского автомата. Считается, что для женщин кварцевый механизм всегда предпочтительнее, его не надо заводить, он ходит несколько лет и так далее. Все это верно, кварцевые часы замечательны, но они могут препод-

нести неприятный сюрприз. Когда у вас много часов, вы их не носите, потом достаете их и надеваете. И вдруг — бац! — они не ходят, села батарейка. Менять батарейку перед выходом на работу или в театр вы не станете. Смешно звучит, но это оставляет неприятное ощущение, как будто бы часы вас предали в трудную минуту. Такое женщина не прощает. А если у вас автомат, вы просто качнули ротор, и они снова пошли.

— Вы продолжили в Linea вашу игру с заменяемыми браслетами и наконец-то пришли к ярким цветам. Хотя и сделали их ровно наоборот. Яркий цвет — на изнанке ремешка, размытый белый, выбеленный — на лицевой стороне.

— Я попросил наших девушек, моих сотрудниц разработать цвета, которые бы рассказы-

зывали им какую-нибудь историю. Они пришли с очень разнообразной и интенсивной палитрой. Мне показалось, что цвета замечательны, но в открытом виде контрасты будут слишком сильны. А вот если все перевернуть, цвет окажется и не «вырви глаз», и еще более неожиданным. В одежде этот принцип использовался не раз, вспомните дизайнера Кэндзо, который шил костюмы, более яркие с изнанки, чем с лицевой стороны, или шубы мехом внутрь. Но есть вещи важнее, чем цвета. Это замочек, который держит ремешок. Мы над ним много работали и добились того, что он открывается с потрясающей легкостью и замена ремешка занимает 15–20 секунд. Главное теперь, чтобы женщины привыкли к ярким ремешкам. Над этим мы и поработаем в 2012 году.

— Baume & Mercier Hampton: Александр Перальди переосмыслил строение корпуса и металлического браслета часов. Две модели с разными циферблатами демонстрируют эргономичность, casual-стиль и функциональную ясность

Беседовал Алексей Тарханов

ИМЯ ROGER DUBUIS О ВОЗВРАЩЕНИИ РОЖЕ ДЮБУИ АЛЕКСЕЙ КУТКОВОЙ

— Дом марки Roger Dubuis под Женевой, который построил Роже Дюбуи

— Roger Dubuis 2012: Pulsion Flying Tourbillon Skeleton in Titanium

— За всю краткую историю бренда на мануфактуре был разработан и произведен 31 калибр

роже дюбуи: я пригложусь как советчик

Возвращение на мануфактуру — это большое событие для меня. У меня всегда было чувство чего-то неоконченного, оно так меня мучило. Уход от Roger Dubuis был болезненным. Много лет я старался даже не проезжать мимо мануфактуры. И вот судьба распорядилась, чтобы я вернулся, пусть в другом качестве, как советник, консультант и друг. Я благодарен судьбе. И Жоржу Керну, который патронирует марку, конечно. В современной работе мануфактуры я больше пригожусь как советчик. Я всегда любил общаться с мастерами и им помогать. Этакий уникальный старикан, который что-то строит в гордом одиночестве? Нет, это не мой вариант. Мне нужна команда, помощники. В одиночку теперь часы не делаются. Вероятно, что появится коллекция, связанная с моим персональным именем. Я думаю, что-то такое будет, стоит немного переосмыслить историю наших механизмов, создать сообщество, ложу, нечто вроде клуба, объединяющего друзей уже не меня, Роже Дюбуи, а марки Roger Dubuis. Здорово, если мои умения пригодятся. Я никогда не жаловался на возраст. А вот теперь как раз, когда я так счастлив, хотелось бы быть лет на десять моложе.

С той поры, когда Роже Дюбуи, один из основателей женеvской часовой марки Roger Dubuis, тот самый часовщик, который дал ей свое имя, мало-помалу исчез из поля зрения, для меня лично чего-то важного в марке Roger Dubuis не хватало. Не хватало солидности, ощущения непрерывности женеvских часовых традиций, не хватало философского отношения к часам механическим и часам сложным, не хватало сдержанности в дизайне и коммуникациях... Не могу сказать, что он блистал в Roger Dubuis еще тогда, когда его присутствие было заметно. Уже в тот раз, когда мне впервые довелось с ним встретиться, а это было в феврале 1996 года, когда марку еще слишком оптимистично было бы называть молодой, скорее — микроскопической, явно была ощутима его отстраненность от того, что происходит в названной его именем фирме. Он знакомился, разговаривал, позировал для фотографий, но при этом как будто находился за стеклянной стеной. Тогда мне, конечно, показалось, почему бы человеку и не быть интровертом, благо профессия подразумевает что-то в таком роде, однако лишь спустя несколько лет мне пришла в голову мысль, что он просто не сработался с соучредителем Roger Dubuis Карлосом Диасом. Похоже, он чувствовал себя некомфортно в марке, которая стремительно становилась излишне яркой, иногда кричаще-безвкусной, чрезмерно креативной. Теперь понятно, что, хотя бизнес они начинали партнерами, но, как принято говорить, Карлос Диас тянул одеяло на себя, делая марку по своим лекалам, ровно так, как нравилось ему самому. С самого начала было понятно, что Роже Дюбуи — правильная фигура для того, чтобы называться отцом-основателем престижной швейцарской часовой марки. Он начинал обучение ремеслу часовщика еще в те времена, когда все было по-настоящему, все было серьезно, — в 1950-е годы. То были времена торжества швейцарской часовой индустрии, занятой активными разработками модных тогда автоматических механизмов и наручных хронографов на фоне постепенного умирания так и не оправившихся после Второй мировой войны американских гигантов часовой индустрии. Из тех времен Роже Дюбуи вынес понимание того, что такое фундаментальные ценности часового дела — мы это все потом увидели в замечательной серии созданных и модифицированных им самим и под его руководством механизмов Roger Dubuis. В те времена сформировалось его эстетическое восприятие часового дела, например, он полагал, что золотой корпус должен быть непременно либо из белого, либо из розового золота, а невероятно популярное в начале 1990-х желтое золото — это моветон. Четырнадцать лет он работал на одну из лучших часовых марок мира — на «Патек», где специализировался на сложных механических моделях, поэтому зоной его ответ-

ственности в Roger Dubuis, разумеется, были механизмы — концепция, конструирование, модификация, налаживание производства. Роже Дюбуи тихо ушел из своей компании — без скандала, без разоблачительных писем, без долгого «бракоразводного» процесса. В 2005 году уже стало невозможно скрывать разлад между соучредителями марки, и об уходе Роже Дюбуи стали говорить открыто. Карлос Диас, как человек увлекающийся и, на мой взгляд, отчасти подержанный наполеоновскому комплексу, решил, что его часовая марка обязательно должна расти как на дрожжах. Он затеял переход марки на практически полное самообеспечение компонентами, вплоть до деталей анкерного хода и спиралей, он начал строительство большой фабрики — все это выглядело несуразно для марки, выпускавшей все часы исключительно ограниченными сериями максимально по 28 экземпляров. Возможно, он бы устоял, но помог кризис 2008 года (вот ирония судьбы — некогда, как говорят, султан Бруней ему посоветовал именно число 28 как счастливое, но двойка и восьмерка в конце концов оказались для него провальными). Было объявлено о банкротстве, и марка перешла под полный контроль Richemont Group. Злые языки говорили, что фабрику купили только для Cartier — мол, ведущая часовая марка Richemont Group запланировала выпуск часов, отмеченных престижной Женевской пробой. Полная правда то или нет, неизвестно, тем не менее руководство Richemont Group решило марку Roger Dubuis сохранить. Более того, куратором новоприобретенной фабрики назначили одного из самых энергичных менеджеров — Жоржа Керна, президент IWC. Керн с энтузиазмом поставил задачу реструктуризации коллекций (он говорил: «В этой марке я могу сделать такие часы, что понравились бы лично мне, но которые невозможны ни в IWC, ни в Baume & Mercier») и трансформации производства. Уже сейчас очевидно, что от старых коллекций Roger Dubuis осталось немного, и на прошедшем в Женеве салоне высокого часового искусства SIHH были показаны новые коллекции Pulsion и Velvet. Однако наиболее живо обсуждавшимися новостями были назначение на должность генерального директора Roger Dubuis Жан-Марка Понтруэ, прежде вице-президента Montblanc, и объявленное непосредственно перед началом салона возвращение Роже Дюбуи. И это можно только приветствовать. Роже Дюбуи — именно тот крайне необходимый марке Roger Dubuis человек, что подчеркивает внимательное отношение к традициям и традиционному часовому мастерству. Кроме того, не стоит упускать из виду, что Roger Dubuis — одна из тех часовых марок, что поддерживают процесс модернизации знаменитой Женевской пробы, а кто, если не Роже Дюбуи, будет восприниматься как безусловно уважаемый авторитет в этой области?

НЕ ИГРУШКА, А ОЧЕНЬ СЛОЖНЫЕ ЧАСЫ

ЖАН-МАРК ВИДЕРРЕХТ, ГЛАВА AGENHOR

Жан-Марк Видеррехт, основатель и патрон независимого конструкторского бюро Agenhor в Женеве, не первый год работает для французского ювелирного и часового дома Van Cleef & Arpels. Знаменитый часовой инженер делает для парижских ювелиров «поэтические усложнения», запатентованные VCA как Complications Poetic. Часы Pont des amoureux («Мост влюбленных») были самой заметной работой из всех, сделанных в этой концептуальной серии Видеррехтом. Две фигурки (одна отмечала часы, другая — минуты) двигались по мосту навстречу друг другу и, встретившись, снова разбегались по сторонам. На SIHH 2012 Видеррехт показал новые часы из серии под названием Poetic Wish. Это парные часы. На одних изображена девушка, которая смотрит с площадки Эйфелевой башни на собор Нотр-Дам и запускает в небо змея, чтобы загадать желание. А на Нотр-Дам стоит юноша и следит за падением звездочки и тоже мотает на ум всякие полезные любовные идеи.

— Вы снова проектируете для Van Cleef & Arpels и снова — историю двух влюбленных. Видимо, такие проекты входят в привычку?

— Я и вправду давно работаю для моих парижских друзей из Van Cleef & Arpels, но привычкой это не назовешь. Каждый раз они ставят мне задачи такой сложности, что у меня волосы встают дыбом от ужаса. Им понравился «Мост влюбленных». И вот на сей раз мне сказали: «Жан-Марк, а ты можешь сделать так, чтобы эти фигурки двигались не по дуге — мост был горбатым, — а по прямой?» Я так прямо им и ответил, что это в сто раз труднее сделать, но при этом никто этой сложности не поймет. Люди только и скажут, что это все тот же «Мост влюбленных». Это затея сложная, дорогая и неблагодарная. Они ответили: «Хорошо, попробуем».

— Теперь вы рады, что они настояли на своем?

— Это удивительно, как требовательны Van Cleef & Arpels. Но благодаря своей требовательности и отваге они всего добились. Вспомните, в мужских часах они начинали в 1940-х со стандартных красивых моделей, которые мужчина наденет, отправляясь с женой в оперу. В 1940-х была отличная ювелирная история, прежде всего модель Cadenas, «Навесной замок». Но вот теперь они пришли к концепции поэтических усложнений и все больше и больше внимания уделяют своим механизмам. Раньше они легко использовали кварц, а вот теперь в их часах стоят механизмы, которых нет ни у кого.

— И все-таки что нового в этих часах по сравнению с «Мостом влюбленных»?

— Если мы решили развивать эту тему, надо было делать что-то совершенно особенное. Сначала мы подумали о музыке, которая могла бы сопровождать эту историю. Например, о барабане с маленькими колками, как в музыкальной шкатулке, но это заняло бы много места, и тогда мы пришли к идее репетира. Это та же музыка, но функционально оправданная, сообщающая нам часы и минуты. Мы сразу решили, что фигурки будут двигаться именно под звук репетира. Репетир отвечает вам, который час, и влюбленные тоже оживают.

— Среди всех часовых усложнений репетир считается архисложным. То есть вы решили, раз уж все равно трудная задача, отчего бы не сделать ее почти неразрешимой? А на вид — игрушка.

— Я думаю сейчас — почему бы не провести с этими часами хронографический контроль и получить все сертификаты. С обратной стороны часов есть шкалы часов, и минут, и секунд, и вы вполне можете проверить точность хода и убедиться, что она безукоризненна. Здесь не только репетир и резерв хода, мы сделали force constante и имеем завод на 60 часов с абсолютно стабильной амплитудой. Не игрушка, а очень сложные часы.

— Сколько времени на них ушло?

— Сама идея появилась в последние дни SIHH 2010 года, и первые месяцы я пребывал в полнейшем ступоре. Ничего не придумав, отправился в отпуск — и вернулся с маленьким эскизом. Мы вдруг поняли, как это сделать. И вот три конструктора, два часовщика, да еще и я потратили на это 18 месяцев и закончили чуть ли не в день открытия новой выставки SIHH.

— Это много или мало?

— Обычно на проект уходит шесть месяцев и работает над ним один человек. Максимум год. А тут полтора года, пять человек, и то, я считаю, мне повезло, потому что у меня отличные инженеры, которые ничего не боятся.

— А кто из них пишет сценарий для новых часов?

— Это не пишется. Сценарий приходит с идеей с историей. На механизме написано Reve a Paris, fait a Geneve (что-то вроде «Замечтано в Париже, а сделано в Женеве»). — А. Т.).

— Мне кажется, что именно такие задачи, когда от вас требуется что-то необычное, раскрепощают часовщика. Ваше ремесло достаточно традиционно, спокойно, а тут — риск, штурм, адреналин.

— Мы давно в часовом мастерстве, скажу, не хвастаясь, мы многое умеем. Но до Van Cleef & Arpels мы были и вправду традиционными. Все остальные, кто приносит нам заказы, — это часовщики. И приходят они к нам с уже в той или иной степени готовыми решениями. Авантюры очень полезны, иначе в профессии будет слишком скучно. Швейцарская часовая индустрия тяжела на подъем, она может сделать все, но не знает, что она хочет сделать. Поэтому когда появляется блестящая идея, остается только радоваться и благодарить.

— «Поэтические пожелания» — это лимитированная серия?

— Терпеть не могу это понятие. Люди меняют в часах какую-то пупочку и пишут «лимитированная серия». Потом меняют другую пупочку и снова пишут «лимитированная серия». У нас ничего не лимитировано, просто нельзя купить «Мост влюбленных», не простояв два года в очереди. Они лимитированы производством.

— По-прежнему не хотите завести свою собственную марку?

— Да зачем мне это нужно! Если бы у меня была своя маленькая марка, я заботился бы только о своем имени на циферблате и не смог сделать таких удивительных вещей. У меня ведь нет ни гравиров, ни эмальеров, ни ювелиров, ни художников, в нечасовом понимании, конечно. Как часовщики, мы, слава богу, сами художники.

— На разработку The Lady Arpels Poetic Wish Van Cleef & Arpels Жан-Марк Видеррехт и его со-трудники потратили почти два года. Часы не позиционируются как лимитированные, однако являются таковыми: их возможный ежегодный тираж ограничивается самим производством

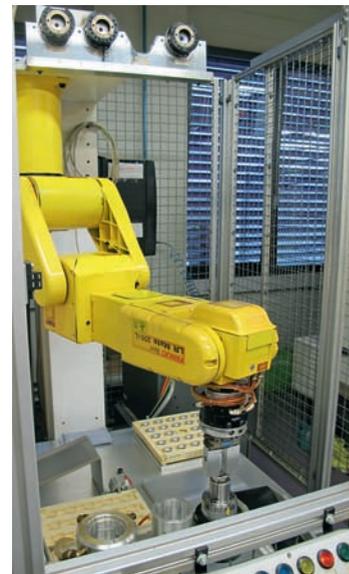
Беседовал Алексей Тарханов

ЮВЕЛИРНАЯ СРОЧНОСТЬ НА ЧАСОВОМ ПРОИЗВОДСТВЕ BVLGARI ПОБЫВАЛ АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

— Конструкторские бюро Gerald Genta и Daniel Roth являются «инженерным» мозгом фабрики Bvlgari

Ювелирная марка Bvlgari не хочет ждать. Ее цель — как можно скорее стать главным часовщиком. Если не в международном масштабе, то, по крайней мере, внутри LVMH, которому она принадлежит. Нет сомнения, что именно такую задачу поставил Франческо Трапани, их бывший босс. После того как в прошлом году LVMH купил Bvlgari, он возглавил все часовое подразделение холдинга, куда входят, в частности, такие серьезные часовые марки, как Zenith, TAG Heuer и Hublot.

— Самое главное, что есть у нас, это идентичность. Нам нужен свой путь, — настаивает Гвидо Террени, стоящий теперь в Bvlgari на часах. — Мы не хотим быть ни «Бреге», ни «Патеком». У нас нет столетней истории, и не надо ее изобретать — мы должны быть современными.

Террени встречается с нами в огромном кабинете в здании, украшенном вывеской Bvlgari, в швейцарском Невшателе. На длинном столе разложены часы из многочисленных болгариевских коллекций, в том числе и их абсолютные бестселлеры — восьмиугольные мужские Octo, классические Sotirio Bvlgari и «змеиные» женские Serpenti. На самом деле главный соперник лишь подразумевается, но не назван. Это вовсе не Breguet, не Patek и даже не Rolex, а другая ювелирная марка со столь же мощными часовыми амбициями на букву «К». Для того чтобы одолеть соседей по Швейцарии, Bvlgari строит эшелонированную оборону и подтягивает резервы для наступления.

Большое часовое производство в Невшателе — это раз. Собственный завод Prestige d'Or, выпускающий драгоценные корпуса и циферблаты, — это два. Концептуальные конструкторские бюро для специальных моделей класса haute horlogerie. В качестве конструкторских бюро выступают купленные некогда Bvlgari замечательные марки Gerald Genta и Daniel Roth. В свободной жизни эти бренды специализировались на сверхсложных часах под собственным именем, теперь их мозговые центры поставлены на службу титульной марке. Террени считает такой шаг совершенно оправданным: «Конечно, Джеральд Джента был крупнейшим проектировщиком часов. Но теперь его нет с нами, и все меньше и меньше людей знают, кто он такой был. Мы устали это объяснять, и ныне мы делаем все, чтобы люди знали один бренд — Bvlgari».

Фабрики Daniel Roth и Gerald Genta были когда-то самостоятельны, благодаря этому они имеют собственное производство для прототипов. Здесь работают самые квалифицированные часовщики, которые выполняют самые сложные из болгариевских заказов — турбийоны, минутные репетиры, вечные календари. Для Bvlgari это очень важно, это веское доказательство того, что потомственные ювелиры способны производить собственные часы с grand complications. Их все равно не может быть много, в любой марке на их производство тратят часы, дни, месяцы, но в итоге это оправдывается.

Террени вспоминает, как они вышли на рынок с моделью Aluminium: «Роскошные часы с алюминиевым корпусом! Это был вызов, это был стейтмент. Нашу дизайнерскую смелость тогда оценили высоко, но с тех пор

прошло больше одиннадцати лет. Теперь клиенты прежде всего интересуются техникой — вы не можете выступить только с дизайном. Вы должны предложить содержание. Можно не быть экстравагантными, но надо быть сложными».

В обычных моделях Bvlgari стоят отличные, но все же покупные механизмы, произведенные в Frederic Piguet и Sowind. Гвидо Террени не склонен гнаться за собственными «моторами» во что бы то ни стало: «Никто не может выстроить производство вплоть до последнего винта. Это и не нужно. Важно, чтобы в наших часах чувствовался шик итальянской марки и швейцарская четкость».

Тем не менее производство корпусов и циферблатов на сторону не отдают. Для этого Bvlgari приобрела собственный завод — Prestige d'Or. «Золотой престиж» не только обеспечивает все потребности марки, но может при необходимости работать и для других, хотя, похоже, с годами его загрузка именно для Bvlgari только возрастет. «Золотой престиж» — это настоящее производство с производственными участками и станками. Впервые в жизни я вижу в руках у часовщика молоток и гаечный ключ. Многие операции здесь отданы роботам, но на последних этапах подключаются люди. В полировочном цехе стоит шум от множества вращающихся дисков, над которыми склонились рабочие... В этот момент со стыдом думаешь: какая все-таки у нас, журналистов, страшно тяжелая работа!

Производством на Prestige d'Or занимается Жан-Клод Пробст, он работает на фабрике уже 12 лет и считает, что нет ничего интереснее, чем разработать и выпустить золотой браслет или кольцо для циферблата. К золоту он привык и относится к нему без всякого почтения, как к обычному полуфабрикату. Перед обработкой оно вправду выглядит чрезвычайно буднично, только тяжесть металлических прутьев напоминает о том, что они не из бронзы и не из латуни. От рабочего к рабочему предметы желтого металла обретают форму и становятся все более похожими на золото. «С этого момента лучше их не трогать, — говорит Пробст, — прибавочная стоимость уже слишком велика».

Главный завод Bvlgari в Невшателе похож на все современные часовые предприятия Швейцарии. Здание, на вид постройки 1960-х годов, наполнено новейшим оборудованием. Очевидно, что денег на часы здесь не жалеют. Как теперь принято, часовщики сидят в аквариумах с нагнетаемым воздухом, чтобы пыль даже теоретически не могла бы попасть на рабочий стол. За сборкой следует обязательная многоступенчатая проверка на точность хода, защиту от удара и от влаги, на все возможные случайности. Все, как везде, за одним исключением: здесь не отделаться от ощущения какой-то общей напряженной и подчиненной некоей большой цели работы. Чем-то это напоминает кинохронику военных лет. Как будто бы здесь производят не механические часы, а снаряды. Вероятно, нацеленность марки на часовой реванш заражает всех. Времени до Базеля мало — все для фронта, все для победы.

— Bvlgari, Endurer Chronosprint All Black, 2011

— Bvlgari, Daniel Roth Tourbillon Lumiere, 2011

ПРИНЦИП МИНИАТЮРЫ ПРОИЗВОДСТВО ЭМАЛЕЙ DELANEAU

— Миниатюры
Delaneau: три вида
эмалей, скульптура
и драгоценное pave

В часовом доме Delaneau, штаб-квартира которого расположена прямо напротив входа в кафедральный собор Женевы, в конце 2011 года сменился президент: Кристина Тевеназ-Вендт, занимавшаяся маркой последние четыре года, уступила место Давиду Гютену, профессиональному часовому управленцу. Давид Гютен происходит из очень знаменитой в Швейцарии «часовой семьи» Гютенов: два его брата работают в Piaget и Vacheron Constantin, а дядюшка служил многим великим именам. Сам Давид Гютен много лет проработал в часовом подразделении Harry Winston, потом коротко потрудился в Graff и вот теперь намерен заняться коммерческими и творческими делами Delaneau: ее стенд будет впервые открыт в рамках BaselWorld, ярмарки, стартовой в Базеле 8 марта.

Сама марка занимает весьма специфическое положение среди ювелирных часовщиков: бренд был основан в 1949 году, несколько раз переходил из рук в руки и даже пребывал в «спящем» состоянии (такое, впрочем, не редкость в швейцарской часовой промышленности). Налаживание миниатюрного производства и продуктовой линейки, выпуск коллекций, номинация ювелирной модели Magic Open на конкурсе Grand Prix de Geneve в 2010 году: все эти славные события в новой жизни дома, принадлежащего русскому бизнесмену, относятся к «эпохе» Кристины Тевеназ-Вендт. При ней же была разработана (или возрождена, как кому нравится) идеология марки: итак, часы Delaneau — это сложнейшая, необыкновенная, изысканная ювелирная оболочка, под которой скрыт сложный механизм.

Можно, конечно, заметить, что многие швейцарские марки работают по этому принципу. Но у Delaneau есть существенный, заметный глазу стилистический козырь. Эти часовщики и ювелиры всецело ориентированы на неоклассицизм 1940-х годов, на высокобуржуазный, помпезный, несколько тяжеловесный стиль, который, в отличие от стиля ар-деко, практически не сохранился в современном часовом и ювелирном дизайне. Кроме Delaneau в этом сложном стиле трудятся только мастера Van Cleef & Arpels.

Все модели маленькой марки изготавливаются в одном ателье: оно расположено в самом каменном сердце старой Женевы, рядом с кафедральным собором. Мастерская включает в себя ателье эмалей и дизайн-бюро. Технических сотрудников, отвечающих за рисунки и выполнение эмалевых работ, всего три человека: это три милые девушки, восседающие за огромным деревянным столом. На столе, который, кажется, сам по себе экспонат музея, — микроскопы, баночки с краской, кисти, а также горы старых альбомов с китайскими и японскими миниатюрами. Собственно, эмалей, важнейшая

— Сложная функция «прыгающего часа» — технический элемент расписных ювелирных часов Delaneau

марка delaneau, основанная в 1949 году, остается верной неоклассицизму

часть Metier d` Art, концепции ремесла, столь популярной сегодня, в настоящий момент являются основным творческим «приемом» Delaneau.

Новый президент марки Давид Гютен говорит, что в дальнейшем Delaneau «будет двигаться по пути создания piесе unique, уникальных часов, артистических ремесленных объектов, существующих в единственном экземпляре». «Мы — крохотное производство, в последние годы марка выпускала не более 200 часов в год, поэтому мы, конечно, не можем и не должны соревноваться с кем-то в количестве!» — рассказал мне Гютен. По его словам, задача — это необычность часов, вернее, их необыкновенность. «Я хотел бы, чтобы клиенты воспринимали наши часы как антикварное чудо! Вот посмотрите на эти старенькие китайские или японские миниатюры, которые мы используем для создания эмалевых циферблатов. Какие здесь цветы, листья, птицы! Как тонко продуман масштаб, как выдержана палитра, как подыгрывают друг другу пастельные оттенки!» — восхищается Давид Гютен.

Так, эмальерши Delaneau перерисовывают старые миниатюры, и из разных рисунков komponуется единое полотно, создается новая миниатюра: это пейзаж или натюрморт, который переносится с бумаги на циферблат. Работа кропотливая, долгая. Автор этих строк, которому Давид Гютен поручил расписать «тренировочный» циферблат, потратила на роспись двух квадратных миллиметров не менее получаса: не стоит волноваться, мой «школьный» циферблат не станет частью часов.

Конечно, на создании эмалевых и иных piесе unique, «моделей, сделанных в одном экземпляре», специализируются многие швейцарские компании, ведь концепция Metier d` Art сегодня в цене. Производство Delaneau в Женеве подкупает своей антикварностью: в этом ателье искренне не замечают XXI века, что за окном.

Екатерина Истомина

— Процесс изготовления эмалей продолжается три месяца

ОТКРЫТО НА РЕМОНТ ПРАВИЛА ЧАСОВОГО ТО АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

— Приобретая часы, уточните — найдется ли кому починить их в Москве

Содержать часы, конечно, не так накладно, как скажем, собаку, но все-таки. Если вы носите часы на кожаном ремешке, готовьтесь к тому, что вы будете менять ремешки минимум раз в год, и это обойдется вам от €300–500 за банальную корову до €1000 за хорошо воспитанного для вас крокодила. С металлическим браслетом проще, но его надо промывать теплой водой с мылом и после этого ни в коем случае не вытирать, а только просушивать, иначе снимается пленка оксида и остаются разводы. Резиновый ремешок со временем пересыхает и царапается, кроме того, он может порваться. Резина — для спортивных моделей, и ее специально делают не слишком прочной, чтобы, зацепившись за что-нибудь, вы лишились бы часов, а не руки. Даже обычные часы с датой можно поломать, если затеять перестановку числа ближе к полуночи, когда часы уже и без вас начали этот процесс. К веч-

часовые мастера должны специализироваться именно на вашей марке

Все часы надо носить в ремонт. И те, которые встали, и те, которые идут. Считается, что раз в пять лет часы стоит отдавать на чистку, смену масла и проверку герметичности. Куда? Это вопрос. Никогда не доверяйте часы даже самым знаменитым умельцам. Если марка, которую вы носите, еще существует, отправляйте часы в их собственный сервис. По возможности не отдавайте часы в мастерские, где ремонтируют разные марки, мастера должны специализироваться именно на вашей марке, если не на вашей модели. И хорошо бы знать, чинят ли эту марку в Москве.

Я иногда надеваю часы, подаренные Борисом Абрамовичем Березовским. Получил я их в тот последний Новый год, когда он был еще владельцем «Коммерсанта». Парадоксальная история, как если бы Герцен издавал «Колокол» в Царскосельской типографии. В Лондоне, куда он пригласил членов редколлегии, он сказал нам, что никогда и никому ни при каких условиях не продаст такую замечательную газету. Забегая вперед, скажем, что через несколько месяцев он нас продал, но не в твердости его слова дело. А в том, что он подарил нам часы молодой, но очень неплохой марки. Вернувшись в Москву, я честно дал таможеннику на вопрос «Что везем?» ответ «Часы от Березовского» и был немедленно пропущен на свободу как неостроумный идиот.

Так вот, удивительным образом, как только «Коммерсантъ» сменил владельца, часы сломались. Открыв гарантийную книжку, я нашел нужный адрес и отправил вежливое help. Ноль внимания. Тогда я накатал форменную жалобу — на сей раз не в сервисный отдел, а главе фирмы и ее главному часовщику в одном лице. Мне предложили вот что. Сесть на самолет и быстренько привезти часы в Лондон, а там уж их совершенно безвозмездно обменяют на исправные. Но у меня больше не было дел в Лондоне. А другие города? Начались назначения совершенно шпионских рандеву с часовыми агентами то в Париже у Вандомской колонны, то в Риме у колонны Траяна.

В конце концов, мне обменяли часы в Париже буквально за полчаса до самолета у стойки регистрации. С одной стороны — высокий класс оперативного будущего обслуживания. С другой стороны, когда я смотрю на исправно идущие теперь часы, я вспоминаю не только Березовского и его прощальный поклон, а беготню по Европе в поисках книги жалоб и предложений. С тех пор я как проклятый слежу за своими часами по всем известным мне правилам. Я завожу их в одно и то же время, встав лицом на восток и трижды поклонившись. Завожу не до конца, чтобы избежать лишнего напряжения пружины. Для тех часов, которые я ношу редко, я прикупил машинку, которая их крутит-вертит без моего участия. Правду сказать, коробки эти обычно на редкость уродливы, но я нашел такую, которая, по крайней мере, не притворяется ценной мебелью.

ним календарям без высшего часового образования лучше вообще не подступаться. Только при этих условиях они имеют шанс остаться вечными. И вообще, чем сложнее часы, тем больше вероятность, что они сломаются. Впрочем, я бы не винил в этом только технику — у меня в руках однажды сломался топор, а ведь это не самое сложное на свете устройство. Надолго ли меня хватит? Конечно, если не нарушать правил ухода, есть шанс долго не увидеть ни одного живого часовщика из сервисного отдела. А только великих усопших в энциклопедиях и рекламных буклетах.

ПРОЗРАЧНОСТЬ ПРОЦЕССА СЕРВИС BREITLING В МОСКВЕ

ритель прохождение предыдущих ТО. Эта история иногда напоминает расследование: мой приятель вспоминает, как часовщик Breitling доказал ему, что часы чинились вне сервиса, продемонстрировав отпечатки пальцев предыдущего мастера под крышкой часов. Сертифицированные «Брайтлином» мастера никогда не прикасаются к механизму обнаженными руками. «История болезни» сохраняется на будущее, причем наличие у часов этой истории вовсе не говорит о наличии какой бы то ни было болезни. Все механические часы подлежат обязательному техническому обслуживанию раз в пять лет как минимум — в этом они и вправду немногим отличаются от автомобилей. Замена масла, замена уплотнителей — без этого они не проживут отведенный им конструкторами мафусаилов срок. А уже сверх того каждые часы могут потребовать индивидуальной работы.

Считается, что в течение суток вы должны получить полный диагноз. В нем будут расписаны все работы и все запасные детали, которые необходимы вашим часам, и предложены те, которые лишь желательны. Выбор за вами, навязывать ничего не будут. Бонус, который положен всем, — чистка и полировка.

Назначается и срок, который потребует работа. Для обычного ТО — примерно две недели, в более сложных случаях — по ситуации. В Швейцарию отправляют только сверхсложные часы с турбийоном, вечным календарем или же

repair tracking system, компьютерная база московского сервисного центра, владеет всей информацией обо всех часах breitling в мире

Прозрачные перегородки сервисного центра сразу же напоминают мне роскошный многоэтажный стэнд «Брайтлига» на часовой ярмарке в Базеле. Это стиль компании, и ему подчиняются брайтлинговские конторы по всему миру. Московский центр стал девятым, и он создан по образу и подобию предыдущих восьми. Пусть снаружи — Бутырский вал и безликая офисная коммуналка, внутри — швейцарское часовое производство без скидок на московскую прописку.

— Мы три года работали над тем, чтобы любой необходимый ремонт мог производиться в Москве, — говорит генеральный директор Breitling Russia Томас Херцог. — Теперь мы практически все можем сделать, не покидая этой территории. У нас постоянный запас в 20 тысяч запасных деталей, у нас есть все необходимое оборудование и есть часовщики, точно соответствующие тому уровню часов, которые мы продаем в России.

Томас Херцог совершенно убежден в двух вещах. В часах сервис не менее важен, чем сам продукт («если сервис плох, самая выгодная покупка обернется разорением»). Стиль общения с клиентом не менее важен, чем сам сервис («вы должны проводить время с клиентом, а не ставить его в очередь к окошечку приемщика»).

Работа над часами контролируется специальной компьютерной базой, так называемой Repair Tracking System. «Брайтлиг» считает себя ее первооткрывателем в часовом деле, до этого такие программы использовали только автомобилестроители. Здесь сосредоточена вся информация по всем принятым часам, день за днем ведется постоянный мониторинг процесса ремонта, замены частей и скорости работы. Существование этой глобальной системы снимает вопросы о том, где были куплены часы, которые приносят в московский центр, — в Новосибирске, Париже или Гонконге. Это не может быть препятствием для починки и обслуживания. Есть на них документы — тем лучше, это облегчит диагностику, нет — вашу дорогую вещь идентифицируют по международной брайтлинговской базе. Если часы, к примеру, обслуживались в Нью-Йорке, по серийному номеру можно прове-

антикварные модели. Иногда нужна замена корпуса или циферблата, тогда это занимает дополнительное время, впрочем тоже указанное заранее.

— Отмеренный срок — официальное обещание сервисного центра, а обещания надо выполнять, — говорит Томас Херцог. — Мы можем столкнуться с теми или иными трудностями, но тогда мы немедленно поставим клиента в известность, извинимся, объясним, найдем совместное решение.

На часовых форумах встретил всего две жалобы на русский сервис Breitling, и я согласен с Томасом: в обоих случаях речь шла не столько о недостатках ремонта, сколько об ошибках в коммуникации. Именно это обижает людей более всего.

Идеал достигим только в компьютере, нет места на земле, где бы ни возникали проблемы, разница в том, как с ними обходиться. Первая проблема — недоверие, с которым любой российский клиент приходит в любой российский сервис. Считается, и не без оснований, что швейцарские часы в России чинить не умеют. Московская торговля полна страшных тайн — тайна ценообразования усугубляется тайной сроков. Приятно, что с тайнами успешно борются. Для начала — в московском центре Breitling, где уже три года все стараются сделать открытым и прозрачным — от интерьера до манеры работы.

Алексей Тарханов

ДОМ МИЛАНСКОЙ ТОРГОВЛИ ГАЛЕРЕЯ ВИКТОРА ЭММАНУИЛА II С ЕКАТЕРИНОЙ ИСТОМИНОЙ

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

__ Драгоценности начала XX века: стиль «либерти» никогда не покидал антикварных лавок пассажа

__ Часы Bulgari конца 1950-х годов: недорогие реплики легендарных драгоценных змей и сегодня можно найти в витринах пассажа

__ Современная мода в музейной торговой галерее до сих пор держится **старинных марочных вывесок**

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Историческая торговая галерея, названная именем итальянского короля-объединителя Виктора Эммануила II (Galleria Vittorio Emanuele II), соединяет площадь перед грозной выбеленной громадой Миланского собора и площадь перед сереньким храмом музыкальных искусств театром «Ла Скала». Логично, что ежедневно по мозаичному полу пассажа под его оперными стеклянными сводами проходят тысячи туристов. И лишь немногие из них решаются воспринять этот пассаж именно как торговый центр, хотя здесь есть модные магазины — Prada, Louis Vuitton, Gucci, бутик Borsalino, магазин аксессуаров и комплектующих Mercedes-Benz и, конечно, антикварные лавки с позолоченными вывесками. Галерея напоминает итальянский музей изящных искусств, только лишь по странному недосмотру лишенный пары статуй работы гениального Бернини.

Король Виктор Эммануил II, видный представитель древней Савойской династии, выходец из Пьемонта, имевший славу объединителя Италии (хотя на самом деле он был лишь первым монархом, призванным на свежий трон), прославился не только твердостью духа, солдатским юмором, страстью к охоте и отчаянной любвеобильностью. К торговле этот усатый и бородатый король имел непосредственное отношение: именно в его эпоху появилась шустрая и деятельная итальянская лира, национальная валюта, которую многие из нас еще помнят. Звонкая лира зазвучала на монетарном пространстве Италии в 1861-м, и ровно в том же году старто-

вала дизайн-разработка огромного инновационного пассажа в историческом сердце Милана.

На создание проекта галереи, которая должна была ознаменовать величие объединенной страны, ушло целых четыре года: само строительство началось только в 1865 году и длилось целых двенадцать лет. Пассаж открылся по-итальянски торжественно — в присутствии самого монарха и членов августейшей фамилии. Галерея Виктора Эммануила II имеет заслуженную славу второго в мировой истории «стеклянного» торгового центра — после легендарного лондонского «Хрустального дворца», открытого в Гайд-парке в 1851 году к Всемирной выставке. Однако грандиозный The Crystal Palace, на территории которого был даже небольшой зоосад, увы, не сохранился. Этот комплекс, истинный архитектурный и инженерный памятник Викторианской эпохи (королева Виктория, разумеется, принимала участие в его открытии), сгорел в ноябре 1936 года.

Строительство миланского пассажа сопровождали сложности — драматического и технического характера. Архитектором галереи был Джузеппе Менгони, построивший, в частности, здание миланского театра марионеток «Джироламо» (1868). Менгони в буквальном смысле слова положил свою жизнь на сооружение выдающегося инженерного объекта: за год до сдачи в эксплуатацию архитектор, инспектируя стройку, упал со строительных лесов и разбился. Стоит также отметить необычайную инженерную труд-

улица роскоши

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

— Камеи, барочный жемчуг, инкрустация из разноцветной слюды, золото уже давно несуществующих проб: таков **парад винтажных украшений**

музейного вида комплекс проектировался как прогрессивный торговый пассаж

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

— **Миланские карабинеры** привыкли фотографироваться с туристами: их выдающийся рост и красивая форма нравятся путешественникам

— **Флорентийские кольца**: аметисты, турмалины, гранаты и даже янтарь, оправленные в патинированное золото

ность всего проекта: галерея огромна, она имеет форму латинского креста, две его наиболее длинные «ветви» на сотни метров разбегаются в стороны Дуомо и площади перед «Ла Скала». Высоченные каменные здания торговых галерей соединены между собой сводами из стекла и металла.

Стиль галереи — неоклассицизм с элементами экстагического, то есть почти религиозного содержания, барокко. Впрочем, эти исторические стили отягощены мощным символизмом, свойственным той прогрессивной и колониальной эпохе: пол украшен яркими мозаиками, изображающими четыре континента; за прогрессивность и современность также отвечают аллегорические изображения промышленности, искусства, земледелия и науки.

Сегодня Галерея Виктора Эммануила II, умершего через год после дебюта пассажа своего имени, все еще несет определенную торговую нагрузку: здесь расположены разнообразные магазины (от шляп до автомобильных часов), кафе, ресторан быстрого питания McDonald's и антикварные лавки, кажется, что прочно вросшие в старые стены. Хотя, если честно, это все-таки музей: современный шопинг совершается в месте современном — соседнем универсаме Rinascente, вошедшем в историю моды тем, что здесь простым оформителем витрин начинал служить Джорджо Армани.

Два флагманских магазина — итальянского дома Prada и его французского коллеги Louis Vuitton — оснащены очень красивыми вывесками в винтажном стиле. Эти черные, с потускневшей золотой вязью вывески привлекают

внимание: магазин Prada в этом месте (в отличие от Louis Vuitton) действительно исторический, он открылся еще в конце 1910-х годов. Но в обоих магазинах толпы покупателей, которые желают совершить покупку «в истинных исторических декорациях». Большое число клиентов традиционно собирает и шляпный магазин Bogsalino — тесный бутик с деревянными полками-шкафами и покосившимся зеркалом.

Наибольший интерес в галерее представляют антикварные лавки: продают серебро, аксессуары (трости, курительные трубки), шляпы, шелковые шарфы и кашне, бижутерию, вечерние сумки. У исследователя этих темных лавочек может даже сложиться ощущение, что он преодолел толщу времен и оказался в каком-нибудь 1910-м, 1930-м или же 1955 году. Ибо мода здесь имеет обратный ход: боа из перьев, экзотические кожи, коралл, жемчуг, перламутр и янтарь, стиль ар-нуво (он же «либерти» в итальянской «транскрипции»), серебряные и деревянные интерьерные безделушки, чье функциональное значение навеки утрачено.

Монументальную галерею то и дело реставрируют: чистят и укрепляют коварные стеклянные своды, перекладывают «континентальную» мозаику, подновляют золотой краской старые вывески. На ее территории в теплые сезоны устраиваются городские выставки, чьи экспонаты подвергаются атакам упитанных миланских голубей, которым совершенно наплевать (если не сказать как-то иначе) на стиль и моду.

— **Часы Bulgari** начала 1940-х: тикающее величие римского стиля

МОДНЫЙ ГРАФИК ВРЕМЯ ЗАСЕКАЕТ КСЕНИЯ СОЛОВЬЕВА, TATLER

PASCAL CHEVALIER

главный редактор велико-светского вестника ксения соловьева в платье chanel на балу дебютанток tatler. колонный зал дома союзов, 21 ноября 2011 года

Многие думают, что работа главным редактором модного журнала — это вечный праздник. Шампанское, люксы в лучших отелях, первые ряды на показах моды в Париже и Милане, дорогостоящие новогодние подарки от дизайнеров, армия ассистентов, в любой момент готовых добыть для «злой мегеры» огненный кофе. Все это действительно так, и да, это работа мечты. Но моя самая заветная мечта — выспаться. Каждый день по неумолимому будильнику я встаю в семь утра — сын в школу, дочь в сад, — а ложусь за полночь, только ответив на письма и поговорив по скайпу с директором моды в Нью-Йорке. Справиться с этим графиком непросто, но можно, если не изменять режиму, который я себе установила.

50 минут

Урок динамического пилатеса

Я всю жизнь занималась спортом: теннис, горные лыжи, беговые... Терзала тренажеры, приседала со штангой, каталась на велосипеде по Измайловскому парку. И имею полное право сказать, что ничего лучше пилатеса не придумано. Уже на третьей тренировке я познакомилась с мышцами, о существовании которых прежде не подозревала. Теперь, что бы ни случилось, трижды в неделю хожу в TenPilates — это филиал лондонской студии, где на соседних реформерах лежат Ева Герцигова и Клаудия Шиффер. Московский клуб крошечный, с не самыми удобными разделками, Евы с Клаудией я здесь не встречала, но это тот самый случай, когда комфортом можно пожертвовать. Зато царит дружеская атмосфера: например, тренерам мы любовно придумываем клички. Сурового Евгения прозвали Геббельсом за его пламенные речи и бесчеловечные нагрузки, Алексею Пташкину и кличку придумывать не надо — двухметровый атлет, чемпион каких-то боев без правил, и на тебе, пташка... Была бы Гагой, возила Пташкина с собой на гастроли. А пока, если еду в командировку в Лондон, записываюсь в лондонский TenPilates: новая студия открылась в Mayfair как раз напротив офиса Conde Nast.

15 минут

Укладка у Доменико Каstellо

На макияж мне всегда жалко времени. Пять минут — тушь, бронзер, бежевый блеск для губ, и я готова выйти в люди. С прической этот номер не проходит. Перед ответственными встречами стараюсь заехать к Доменико в «Альдо Коппола» на Новинском. Доменико — лучший мастер по длинным волосам в Москве. Как он это делает, откуда такая крейсерская скорость у итальянца? После его укладки (ни лака, ни геля, ни-че-го!) даже текстура волос другая. Гладкая, как шелк Salvatore Ferragamo. Любимых клиенток Доменико целует в лоб и обрушивает на них весь арсенал итальянского обольстителя: все эти чао, белла, рагацца и прочее. Удивительно, но в его устах эти слова совершенно лишены приторного галантерейного оттенка.

60 минут

Процедура для тела в СПА отеля «Бристоль»

Неделя моды, что бы ни говорили завистники, — серьезное испытание для организма. Поэтому стараюсь начать ее процедурой для тела. Недавно в «Бристоле» испытала патриотические чувства: здесь работают с косметикой Russie Blanche, которую придумала Юлия Лемигова — последняя «мисс СССР», давно живущая в Париже. Смешивая в чашке скраб, косметолог вдруг достала из-под полы бутылку «Абсолюта» и щедро влила водку в скраб. Оказывается, пилинг с градусом очищает кожу и разгоняет кровь. Хотя я бы с большим удовольствием попробовала скраб с «Беллини».

Chanel, J12 Chromatic.

Впечатлил не столько сложносочиненный сплав, который в Chanel сочиняли несколько лет, а красивое сравнение: мокрая брусчатка на Вандомской площади. Сolidный адрес, надо брать, подумала я.

Breitling, Navitimer Cosmonaute.

Мой первый серьезный подарок мужу. По профессии он летчик, и хотя давно уже управляет самолетом разве что во сне, не мог не оценить часы, по которым сверяют время до рейса его американские коллеги.

Jaeger-LeCoultre, Reverso Duetto-Duo.

В конструкции Reverso я ценю аристократичность выдумки: все-таки эти «двуликие» часы были созданы для поло. Версию Duetto-Duo люблю за маленький размер, за их графику и за этот «щелк-щелк!», звук, с которым переморачивается золотой корпус.

URWERK ПРЕДСТАВЛЯЕТ **UR-CC1**
ЧАСЫ С ЛИНЕЙНОЙ ИНДИКАЦИЕЙ ВРЕМЕНИ
(в корпусе из белого золота или золота с покрытием ALTiN)

URWERK®
BAUMGARTNER & FREI GENEVE

ЭКСКЛЮЗИВНО В *Mercury*

Третьяковский пр., 7, магазин Mercury, тел. 495 933 3393

пл. Европы, 2, г-ца «Рэдиссон Славянская», магазин Mercury, тел. 495 941 8929

Кутузовский пр-т, 31, магазин Mercury, тел. 495 933 3031

Барвиха Luxury Village, 8-й км Рублево-Успенского ш., магазин Mercury, тел. 495 225 8870

URWERK происходит от названия древнего города Ур, одного из центров древней Месопотамии. Более 6 тысяч лет назад населявшие его шумеры стали первыми, кто разложил время на единицы, положив таким образом начало исчислению времени, которое мы используем сегодня. Наша работа – дань уважения прошлому, так тесно связанному с настоящим. Ощутите вместе с нами связь времен.

WWW.URWERK.COM

СУЩЕСТВУЮТ ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ УВЕКОВЕЧЕНЫ.

товар сертифицирован реклама

Любое яркое событие в жизни достойно того, чтобы быть запечатленным навеки, будь то трансатлантическое путешествие на яхте с друзьями или рождение ребенка. Какой эпизод из жизни запомнился Вам? Позвольте нашим граверам, ювелирам и мастерам эмалевой миниатюры сделать Вашу легенду бессмертной. Это будут только Ваши часы Reverso.

GRANDE REVERSO ULTRA THIN. Калибр 822 Jaeger-LeCoultre. 111/400®

ВЫ КОГДА-НИБУДЬ НОСИЛИ НАСТОЯЩИЕ ЧАСЫ?

JAEGER-LECOULTRE

www.jaeger-lecoultre.com

Москва: Бутик Jaeger-LeCoultre, «Берлинский Дом», Петровка 5 (495) 730 44 91, Cassaforte (495) 937 1078, Cassaforte (495) 411 7654, Da Vinci (495) 937 8089, Dufour (495) 961 2835, Eurotime (495) 625 2621, Imidzh (495) 258 2129, Louvre Crocus City Mall (495) 727 1968, Louvre Петровский Пассаж (495) 692 9047, Louvre Ritz Carlton (495) 981 4282, Louvre Тверская (495) 629 1615, Runway Delux Домодедово (495) 641 3098, Sublime Весна (495) 543 9879, Sublime ГУМ (495) 622 3311 • **Санкт-Петербург:** Бутик Jaeger-LeCoultre, ул. Большая Конюшенная 12 (812) 571 2630, Eternel (812) 441 3262, Imperial (812) 273 5159, Imperial (812) 333 3490 • **Екатеринбург:** Louvre (343) 215 6002 • **Иркутск:** Золотое Время (3952) 20 1377 • **Казань:** Terra (843) 292 7272 • **Краснодар:** (861) 262 6026 • **Нижегород:** Da Vinci (831) 296 1632, Louvre (831) 296 5657 • **Ростов-на-Дону:** Золотой Век (8632) 67 9070 • **Саратов:** Da Vinci (8452) 23 8888 • **Тюмень:** Кураж (3452) 399 086 • **Челябинск:** Gostiny Dvor (351) 263 0603